

Аляска Антелини

ОНА НЕ ХОТЕЛА
НИЧЕГО КРОМЕ СМЕРТИ.

НО ОН ЗАСТАВИТ
ЕЕ БОРОТЬСЯ ЗА ЖИЗНЬ.

НЕВЫНОСИМЫЙ

ТЕМНЫЙ ЭРОТИЧЕСКИЙ РОМАН

В глазах общества, я — идеальный мужчина. Щедрый, отзывчивый... пример для подражания каждому. Для тех, кто ищет смерть, я — их спасение. Люди думают, что когда появятся у моей двери, я помогу им с тем, что они боятся сделать в одиночку. Умереть. Они ничего не знают. У меня в запасе гораздо больше, чем билет в одну сторону: в рай или в ад. Лишь пробыв моим рабом четыре недели, я осуществлю их суицидальное желание... или так они думают. Когда Диана отправляется на поиски смерти, я не оставляю ей другого выбора, кроме как принять мою помощь. Её боль и решимость сильнее, чем я когда-либо видел. И я знаю, что я тот единственный, кто сможет её спасти. Даже если мне придется провести её через ад, от которого она так отчаянно пытается сбежать. Но будет ли этого достаточно, чтобы заставить её выбрать жизнь? Смогу ли я отпустить её, когда ей станет лучше? Или Господин во мне откажет в свободе идеальной рабыне?

Аляска Ангелини

Невыносимый

Переводчики: Ирина Дмитренко (Пролог, 1—3 главы), Юля Монкевич (4—23 главы)

Редакторы: Юля Монкевич (Пролог, 1—7 главы), Ольга Горшкова (8—23 главы)

Вычитка: Юля Монкевич

Оформление: Юля Монкевич

Обложка: Марина Безденежная

Если в вашей жизни есть всё, то дни пролетают незаметно, а время проходит в ежедневной рутине: счастливый смех и нежные поцелуи. Мы никогда не задумываемся, что нужно ценить что-то, пока оно не исчезает. То, что мы считаем само собой разумеющимся, может уничтожить нас. Сожаления оживают, проникая под кожу и просачиваясь в вены, пока не оказываются в наших легких, перекрывая подачу кислорода. Они вынуждают нас встать на колени и молить о смерти. Упрашивая об освобождении от жизни, каждую секунду.

— *Мама, я должна идти? Я хочу остаться с тобой.*

Хотя я знаю, что то, что я слышу, не более чем воспоминание, но голос моей дочери звучит также ясно, как в день, когда она говорила мне все эти слова.

— *Дорогая, маме нужно работать. А вы с папой на несколько часов сходите в парк.*

Я протягиваю руку, отказываясь замечать кровь, капающую на пол, в то время, как вспоминаю события, которые кажется, будут жить во мне вечно.

— *Садись ко мне на колени. Я расскажу тебе короткую историю, перед тем, как ты уйдешь.*

Вес тельца прижимается к верхней части моих бедер и оседает в районе талии. То, что я чувствую — это не моя дочь, а пузырек таблеток, которые я проглотила и перевариваю, но они смогут отправить меня к ней.

— *Это одна из историй про маленькую девочку из леса? Мне нравятся феи. Ты опять мне ее расскажешь?*

Я начинаю улыбаться, когда тянусь, чтобы погладить ее мягкие черные волосы, заправляя темные локоны, которые как всегда, выскальзывают из-за ушка, выпадая из конского хвостика.

— *Ты можешь услышать любую историю, какую захочешь.*

Я откидываюсь в кресле, едва понимая, что мое тело на самом деле опускается по стене ванной. Я больше не хочу здесь быть. Мой разум цепляется за образы моей дочери и мужа, и я представляю, как он входит в комнату с огромной улыбкой на лице.

— *Мы продолжим там, где я остановилась, и увидим, где принцесса на этот раз.*

Даже если я прижму ее ближе к своей груди, то не смогу этого почувствовать. Мне щиплет глаза, а слезы текут, но я фокусируюсь на том, что имеет для меня большее значение.

— *Давным-давно, жила-была, принцесса по имени...*

Я жду, наблюдая, что она придумает сегодня.

— *Пенни!*

Я улыбаюсь и смотрю на мужа, который прислонился к стене. В его взгляде столько любви, что кажется, я могу ощутить ее даже сейчас.

— *Мне нравится имя Пенни. Отличный выбор, Кейли. Принцесса по имени Пенни. Она с семьей живет глубоко в лесу...*

— *Фей,* — вставляет дочка.

— *Разве я не слышал эту историю только вчера вечером?* — смеется муж, скрещивая

руки на груди.

— *Это хорошая история,* — отвечает Кейли, выпячивая нижнюю губу и хмуря лоб, как будто она расстроена, что он не понимает, или по крайней мере, не разделяет ее энтузиазма.

Я поворачиваюсь на стуле, пытаюсь игнорировать тот факт, что на самом деле, это вокруг меня все вертится. Пол подо мной движется. Такое уже случалось. Всего несколько недель назад. Но я не умерла. Конечно, ведь тогда я не перерезала свои запястья.

Сознание начинает ускользать, и меня окутывает тьма. Паника заставляет открыть глаза шире, и я знаю, что это не более, чем реакция моего отравленного, умирающего тела. Начинает включаться инстинкт самосохранения, но я игнорирую его. Я хочу назад к Кейли и Ронни.

Тяжелый удар по двери, и я в отчаянии, отворачиваюсь в сторону, чтобы заставить все это исчезнуть.

— Диана, скорая помощь уже в пути. Диана!

Удары раздаются снова и снова. Стук. Вокруг меня цветная рябь, и неподалеку я вижу свою старую дверь. Я сижу за своим столом и поворачиваюсь, удивляясь, что кто-то пришел. У нас никогда не бывает гостей. Возможно, это соседский мальчик ищет Кейли, чтобы пойти поиграть.

Я встаю, в ногах чувствуется тяжесть вместе со странным чувством тревоги. Я еще даже не там, и все же... с каждым новым шагом я нервничаю все больше. Моя интуиция кричит не подходить ближе. Но я иду.

Медленно я протягиваю руку, поворачиваю ручку и открываю барьер, который предназначен для того, что удержать меня в безопасности. Но это не так. Два офицера, их головы слегка опущены, чтобы не смотреть мне в глаза. На их немолодых лицах видна грусть. Я все понимаю еще до того, как они начинают говорить. Пустота разрастается за секунду, преследуя и разъедаая меня изнутри, как миллион термитов.

— *Мэм, вы Миссис Сакстон? Диана Сакстон?*

Я знаю, что должна сказать “да”, чтобы спросить, почему они здесь, но не делаю этого. Я поднимаю руку и отступаю назад. У меня больше нет семьи. Ронни и Кейли — все, что у меня было. Все, что я когда-либо хотела иметь.

— *Они живы?*

Два слова — это все, чем я могу управлять, что могу вымолвить, хотя ноющие сердце уже дает мне ответ.

— *Мне жаль. Это был несчастный случай.*

Один из них делает паузу, смотрит на напарника, а затем обратно на меня.

— *Они не справились с управлением автомобиля.*

Кромешная тьма начинает захватывать оба места. Слезы... как тяжесть в моих обеих сущностях. Я чувствую, как падаю. Падение...

— Диана! Черт бы тебя побрал. Ты, бл*дь, обещала мне. Ты обещала!

Я падаю на колени, ощущая на них кровь, и радуюсь этому. Чем больше крови, тем быстрее я окажусь подальше от убежища, в котором прячусь. Я иду прочь от кошмара. Меня лишили заветной мечты всей моей жизни — настоящей семьи, как и того дома, частью которого я была. Мне казалось, что все под контролем, но, как и во всех приемных семьях, в которых я росла... я в очередной раз осталась одна. Пустота. Смерть близко. Да... я хочу умереть.

Я закрываю глаза, и это почти комфортное чувство окутывает меня впервые за восемь

месяцев. Во тьме находится мое спасение, и я нахожусь к нему так близко. Так близко...

5 августа

Рабыня Вероника снова показала признаки улучшения. Кошмары стали сниться намного реже, и кажется, ей помогает текущее лечение. Если так пойдет и дальше, она сможет уйти отсюда. И я рад за нее.

Желание начать все сначала и заполучить рабыню Диану, доводят меня до умопомрачения. В этот раз все по-другому. Обстоятельства, которые приведут ее сюда, жажда покончить с жизнью... Я с нетерпением жду вызова, который она мне бросит. Мое сердце трепещет каждый раз, когда я пытаюсь представить, как она воспримет это место. Увидит свою новую комнату. Увязнет в моем темном мире. Она понятия не имеет, на что подписалась. Возможно, она читала общую информацию, но она даже не догадывается, что ее ждет...

Чтобы убедить Диану, что она должна жить, мне придется познакомить ее со смертью. Медленный, болезненный процесс, где она встретится лицом к лицу со своими страхами. Я заставлю ее бороться сильнее, чем других... Я хочу, чтобы она сражалась.

Мелодия фортепиано утихает, и Бетховена сменяет что-то другое. Я поднимаю голову к монитору, на котором полностью видно общую комнату. Пальцы Вероники медленно двигаются по клавишам. Сначала изящно, кое-где усиливая звучание, как указано в нотах. Циферблат показывает, что время почти одиннадцать часов. Я встаю и откладываю ручку в сторону.

Время для финального теста. Теста, который подведет черту и покажет мне, как обстоят дела.

Ей двадцать два года, они три раза пыталась покончить с собой, и поэтому пришла ко мне, в таком состоянии, которое я называю — абсолютный хаос. Она думала, что я здесь для того, чтобы помочь ей умереть, после всей той боли, которая копилась на протяжении всей жизни, где ее насиловал собственный отец. Вся процедура должна была занять 4 недели, и Вероника согласилась, даже когда я настоял на том, что она должна стать моей рабыней. Не в плане секса, но тем не менее, такой же податливой. Ни она, ни один из тридцати двух других рабов придя сюда, не поняли, что все они здесь по одной причине. На самом деле, никто из них не хотел умирать. Если бы это было так, все бы закончилось, как только они нашли бы пистолет. Помощь — вот, что они искали, даже если не были уверены, что именно привело их ко мне. Некоторые считали мои методы отвратительными, но я возрождаю в них желание жить. В каждом из них.

Легкий звук моих шагов едва ли слышен, когда я направляюсь в темную комнату, где храню все так, как мне удобно. Я достаю из кармана ключ, и плавно вставляю его в замочную скважину, открывая толстую дубовую дверь. Поднос, который мне нужен, стоит на столике у дальней стены. Бритвенное лезвие, кинжал, пистолет, баночка с таблетками — лежат на подносе, укрытом белой скатертью. Она сама должна сделать выбор.

По пальцам скользит холодок, когда я иду в переднюю часть дома. Музыка становится громче, когда я переступаю порог, и прочищаю горло. Вероника убирает руки, встает на ноги, обходит пуфик, и склоняет голову, чтобы опуститься передо мной на колени.

— Господин, — медленно произносит она.

Я знаю, что она ждет моей команды. Возможно, она думает, что это будет дополнительный урок, но это конец.

— Встань, рабыня.

Она поднимается, и только потом видит поднос, который я держу. Она резко втягивает воздух ртом, и ее взгляд встречается с моим. Там, где однажды я видел страх, смешанный с соблазном, теперь я вижу лишь шок и непонимание.

— Сейчас или никогда. Это твой выбор. Выбирай с умом.

Вероника опускает взгляд на поднос, осматривая каждый предмет. А я? Я терпеливо жду. Скорее всего, она думает, что у нее есть шанс отсюда выбраться, сбежать назад в объятия своей смерти, здесь и сейчас, но она ошибается. Если бы я ошибся в своих прогнозах, я бы ее не отпустил.

Никакого колебания. Никаких раздумий.

— Нет!

Она трясет головой, позволяя золотистым волосам упасть на плечи. Ее взгляд встречается с моим, за секунду до того, как она падает на колени.

— Я передумала. Я нужна миссис Темплтон... Я...

Вокруг нас растет стена молчания, пока я пытаюсь сдержать свою довольную улыбку, прикусывая щеку изнутри.

— Сегодня ты соберешь свои вещи. Обед подадут в обычное время. Утром я отвезу тебя в твой новый дом.

Страх. Он смыкается вокруг меня, заставляя сбиться дыхание. Но такого эффекта, как в первые дни, на меня это не производит. Вероника сглатывает, ее глаза слегка потухают, и она кивает. Я знаю, что для нее будет сложным шагом вернуться назад в общество. Вернуться туда, где не будет никого, кто будет принимать за нее решения, но она не одинока. Миссис Темплтон, например. Сорокапятилетняя женщина, которая живет неподалеку и готовит завтраки. Недавно она потеряла мужа. Они с Вероникой стали друзьями, когда она прибыла сюда. И конечно же, у нее есть я, если ей понадобится помощь.

— Все уже устроено. Продолжай играть. Потрясающая мелодия.

Я указываю рукой на фортепиано, и разворачиваюсь, намереваясь уйти и поставить поднос обратно. *Тридцать три раба спасено.* Я позволяю себе улыбнуться, как только поворачиваюсь к ней спиной.

— Господин?

Я оборачиваюсь, а она до сих пор стоит на коленях.

— Да, рабыня.

— Благодарю. За все.

Вернуть Веронику назад к жизни было для меня важнее, чем что-либо. Ей всего лишь нужно было узнать, чего она стоит. Что ею можно дорожить, а не пользоваться, как это было с тех пор, как ей исполнилось двенадцать. Не было ни мольбы, которую я мог бы проигнорировать... Не было криков, от которых стыла в жилах кровь... Не было необходимости в любви... всего лишь поощрение. Уважение к себе. Но что важнее всего, я заставил ее увидеть зло. Жизнь, которую она прожила. Именно это я показываю им всем. Но

с ней... Она была напугана с самой первой минуты. У некоторых страх появляется спустя дни, или даже недели. Но не у нее.

— Пожалуйста.

И я ухожу, не в силах выдержать благодарность. Это не по мне. Я уже не тот, невероятно счастливый человек. Мне 36... Обстоятельства привели меня к такой жизни, и заставили бороться за выживание. У меня было все, о чем может мечтать мужчина — успех, безопасность, стабильность, а потом в один момент все превратилось в ничто. Пустота. Я потерял все, что так долго держал в своих руках. Вместо всего этого, я познакомился со смертью. Нет, я не пытался покончить с собой, но я думаю об этом. Каждый. Божий. День.

Я ставлю поднос на тумбу и смотрю на его содержимое. Рабы поддерживают во мне жизнь. Дают мне причину продолжать жить. Пришлось усвоить не один жизненный урок, чтобы понять, где мое место, но для всего этого, я отодвинул свои личные мотивы в сторону, и сосредоточился на помощи другим.

Джейми оказался первым. Группа, с которой я в свое время занимался, не принесла никакой помощи. Более того, любопытство найти ответы на вопросы взяло верх, и это стало началом. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что он сломлен. Он не произнес ни слова. Никогда не выказывал желания умереть, как другие. Ему было все равно на истории других членов группы о том, что привело их туда. Джейми не говорил. Он просто слушал. Наблюдал, пока другие плакали и обнимали друг друга. Я уже видел подобное. Это не могло случиться снова.

Однажды, после сеанса с группой, я похитил Джейми и отвез к себе домой. В его кармане я нашел заряженный пистолет с одним патроном. Позже он рассказал мне, что собирался покончить с собой той ночью. Недели, потраченные на восстановление парня, только сломали его окончательно, но при этом изменили оба наших мира — его и мой. Он остался жив, и покинул меня, а я точной знал, что должен делать дальше.

Я никогда не афиширую то, чем занимаюсь. Ходят разные слухи. Но никто не может сказать точно. Знают только рабы и рабыни. Люди приходят сюда за смертью. Они просто не подозревают, что я не позволю им её встретить.

Я отхожу от тумбы, не в силах больше смотреть на все это. Нужно еще столько всего сделать. Рабыня Диана — не просто новая рабыня. По крайней мере, я так думаю.

Они лезли из кожи вон, чтобы убедить ее обратиться ко мне. Должна она это сделать, или нет, не тот вопрос, который я задаю сам себе. Если потребуется, я поступлю точно так же, как поступил с Джейми. Я знаю достаточно, чтобы отчетливо понимать, насколько далеко она готова зайти, чтобы расстаться с этой жизнью. Она так же не хочет моей помощи, учитывая ее попытку самоубийства, как я не готов утверждать, что исцелю ее. Я не уверен. Ребенок и муж — мертвы. Живых родственников нет. Попытка покончить с собой. Сейчас, на ее счету их уже две; вторая произошла совсем недавно. Но она *попытается* снова. И в этот раз она не оплошает. Я не смогу ей помочь после третьей попытки. Но мне придется, ведь она решится на это. Теперь она знает, кто я. Мы связаны, хоть и только на бумаге. В этот раз я должен искупить вину за то, что сделал в прошлом.

Музыка не прекращается, когда я закрываю дверь, и отправляюсь наверх, в свою спальню, к мониторам. Камеры находятся в каждой комнате дома. Даже в уборных. Когда речь идет о рабах, которые хотят свести счеты с жизнью, такого понятия, как "личное пространство" — не существует. Они искусные. Особенно, когда смерть слишком глубоко вонзила когтив их кожу и души. В доме запрещены любые предметы, которые могут стать

средством самоубийства. Нет такого времени, когда я не знаю, что они делают. Изредка я сплю, и если необходимо, то в целях безопасности, есть система тревоги.

Как только я возвращаюсь в комнату, то беру в руки папку с делом Дианы Сакстон. К первой страничке прикреплена ее фотография. Я вытаскиваю снимок, и внимательно рассматриваю. Длинные темные волосы с карамельным оттенком обрамляют круглое лицо. Большие зеленые глаза прищурены — она улыбается. Она не красавица, как сказал бы "Голливуд". Но в ней есть что-то, что заставляет мою кровь забурлить... А такого не случилось уже очень давно... Я редко позволяю себе отвлечься на интим, хотя и не скажу, что совсем отрицаю его. Но секс с рабами — никогда. Это то, во что я не хочу себя втягивать. Я не смогу оставаться таким же отстраненным, каким привык быть.

Полные красные губы, идеальные белые зубы. На ней черно-серебристый свитер и шарф в тон через плечо. Небольшое декольте все же открывает, насколько пышной кажется ее грудь. Мне даже не нужно смотреть дальше. Я и так могу догадаться, что у нее прекрасная фигура. Изгибы в форме песочных часов и красивые бедра. А ее попа...

Я убираю фото, пресекая подобные мысли, и возвращаюсь к бумагам. Психиатрическая больница, в которой она находится сейчас, держит ее на препаратах. Если моя информация верна, она может прекратить принимать их на свое усмотрение. Учитывая, что я сам отказался от препаратов, то нет необходимости заставлять ее продолжать пить таблетки. Но первые 72 часа после окончания приема станут адом. Именно столько времени потребуется, чтобы организм очистил себя от дряни, которой ее пичкают. После этого нужно быть еще более осторожным. Она быстро сломается, и я должен буду находиться рядом, чтобы поймать ее, расшевелить, и снова поставить на ноги. Черт, неправильно. Но я не могу исключить эту часть. Удовлетворение, которое я получаю, возвращая им их силу, имеет две причины. Во-первых, я наслаждаюсь красивым сражением. Во-вторых, это показывает мне, с чем я сталкиваюсь.

Вместе с медицинскими записями я нахожу свидетельство о рождении, свидетельство о браке, и карту социального страхования. Последнее, что я нахожу, это список агентств, которым она предложила продать свой дом. Меня притягивают фотографии дома, и я начинаю просматривать каждую.

Двухэтажное поместье выглядит изумительно. Стены увешаны семейными фотографиями. По центру большой гостиной деревянный стол, который не раз играл роль центра досуга в семье. Комната маленькой девочки, отделана в розовых и светло-зеленых тонах. Родительская спальня с белыми стенами и красно-золотым одеялом на кровати. Множество подушек у изголовья с маленькими кисточками по краям. Огромная картина пары ангелов наполнена оттенками и цветами, которые идеально дополняют комнату.

Я разворачиваюсь на стуле, и тянусь к своему компьютеру. Найти список агентств не составляет никакого труда. Делая это, я сохраняю картинку ее спальни и отправляю Джейми.

"Мне нужна точно такая же кровать, тумбочки, стол, и картина на стене. Код — красный".

Я отправляю сообщение, и вытираю испарину с лица, которая успела образоваться на лбу. Не уверен от чего я так нервничаю, то ли от битвы, которая мне предстоит, то ли от того, что понимаю, насколько это может быть опасно. Диана не вернется в свою прежнюю комнату просто так, но это нужно сделать. Она может и дальше держаться за воспоминания о тех, кого любила, но она сбежала от всего, что может напомнить ей о них. Это не может

продолжаться. Пока она не встретиться лицом к лицу с тем, от чего бежит, она никогда не исцелится. Это только начало — фитиль, который приведет к взрыву, если его поджечь.

— Как вы?

Я сижу на своем обычном месте, когда доктор Вентори берет в руки мою историю болезни, не сводя с меня при этом глаз. Он среднего возраста, волосы на его голове уже почти не растут, но глядя на него, внутри зарождается чувство спокойствия. Я замечаю на его лице улыбку, и ловлю себя на мысли, что и сама в последнее время довольно часто улыбаюсь, хотя и терпеть не могу это делать. Моя улыбка не бывает настоящей.

— Великолепно. Есть, чем заняться. Подыскиваю работу в новом районе.

— Ясно.

Он царапает что-то на бумаге, и осматривает комнату. Книжный шкаф в углу и стол с четырьмя стульями рядом. На доске около шкафа приклеены несколько красочных рисунков, которые дети нарисовали пальцами. Я переворачиваюсь на бок, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. И так каждый день с тех пор, как я здесь. Кейли нравилось рисовать пальцами. Ее рисунок индюшки на День Благодарения целый год висел на холодильнике, прежде чем я решилась его снять. Ронни заставил ее нарисовать валентинку из множества сердечек, чтобы заменить рисунок.

— Какие именно вакансии вы просматривали?

Хоть я и просмотрела объявления, мой мозг абсолютно не воспринял информацию.

— Я искала в местных газетах. Как я уже говорила, я была писателем. Я могла бы попробовать себя в репортерстве. По описанию, мне подходит.

— Как думаете, вы будете счастливы, работая в этой сфере?

Мисти подготовила меня к таким вопросам, научила, что нужно говорить, если я хочу выбраться отсюда. Она пробыла здесь почти полгода. Тогда, они пошли на большой риск, отпустив ее. Но я нахожусь здесь уже три недели, и будь я проклята, если пробуду здесь еще столько же.

— Работа с людьми должна мне помочь. Я провела слишком много времени наедине с собой. Я поняла, что если хочу выбраться отсюда, мне нужно находить с людьми общий язык. Это долгий процесс. Я не ожидаю, что излечусь от депрессии за одну ночь, но с лекарствами и знаниями, которые получила здесь, мне кажется, у меня есть все шансы снова стать счастливой. Особенно, если я и дальше собираюсь приходить на встречи. Это правда. Меня окружала тьма, но сейчас мне гораздо лучше.

Он снова что-то записывает, а поднимая голову, начинает улыбаться.

— Я искренне надеюсь, что вы воспользуетесь шансом, который вам предоставляют. Я бы не хотел видеть вас в подобном месте... или где-то похуже. Вам нужно повидаться с Мелани. Я займусь подготовкой ваших документов на выписку, — он встает. — Я выпишу вам рецепт. Надеюсь, вы будете следовать всем рекомендациям.

Я оказываюсь на ногах раньше, чем осознаю это.

— Непременно. Спасибо, доктор Вентори.

Да, мне придется купить все эти таблетки, но не стоит переживать по поводу того, что я стану их принимать. То счастье, которое якобы несут эти пилюли, не имеет ни малейшего

права на существование. И хотя мне действительно немного лучше, я знаю, что все это не на самом деле, а я хочу контролировать свой разум полностью. К чему бы меня это не привело.

Я протягиваю руку, и мы обмениваемся рукопожатием. Я уже собрала свои вещи. Все, что остается сделать — это взять сумку и выбраться отсюда. Конечно же, если подготовка документов не займет весь день.

Мисти отходит от стойки регистрации, чтобы встретить меня.

— Что сказали?

Я смотрю на нее через плечо, улыбаясь на этот раз по-настоящему.

— У меня получилось. Я сматываюсь отсюда.

Она раскидывает руки, чтобы обнять меня.

— Ты собираешься это сделать? Собираешься к нему?

Закатываю глаза и продолжаю идти.

— Еще не уверена.

Правда заключается в том, что мне не нужна никакая помощь, чтобы свести счеты с жизнью. Не на самом деле. Но, если говорить откровенно, то в прошлый раз мне так и не удалось это сделать. Я слишком истощена. Я хочу побыть одна. Хочу уединиться. Может, если я вернусь домой...

От одной мысли, что я вновь войду в ту дверь, мне становится не по себе. Я не уверена, что смогу сделать это.

— Если я когда-нибудь выберусь отсюда, то я пойду к нему, — продолжает она. — Я слышала, что он ведет наблюдение и лично убеждается в том, что ты вернулась к праотцам. В этот раз у тебя должно получиться, Диана. Ты снова сможешь увидеть свою крошку.

Я замедляю шаг, чувствуя злость от того, что у нее возникла сама мысль упомянуть Кейли вслух.

— Может так и сделаю. Я...

— Ты передумала? — перебивает она. — Мы говорили об этом. Ты сказала мне, что точно хочешь сделать это. Если это правда, то у тебя не должно возникать вопросов. Хватайся за эту возможность. А он сам обо всем позаботится.

Разве я передумала? Нет, скорее всего, это действие таблеток, на которые они меня посадили.

— Конечно, нет. Просто перед тем, как покончить со всем этим, нужно сделать некоторые вещи. Кто он вообще такой? Как мне узнать, могу ли я доверять ему?

Мою руку окутывает тепло, когда она вцепляется в нее, останавливаясь.

— Я слышала о Господине из надежного источника. От подруги, с которой познакомилась на встречах. Она никогда бы мне не соврала. Она ходила к нему. Хоть Джози и изменила свое решение в конце, она сказала, что если я не могу решиться, то пойти к нему — это лучшее, что можно придумать. Я сглупила, когда не послушала ее. Почему ты думаешь, я здесь? — она сильнее сжимает мою руку. — Не думай, Диана. Если ты этого хочешь, иди к нему.

Ее настойчивость и какое-то странное предчувствие, заставляют меня кивнуть головой. Как только она скрывается из виду, меня окутывает чувство беспокойства. Я все еще хочу этого? Я знаю, что хочу быть со своей семьей, но сейчас? Сегодня? А что, если это не сработает? Что если я обречена вернуться сюда, и провести здесь еще несколько месяцев? Или даже больше?

Я толкаю дверь и вхожу в комнату, забирая свою небольшую сумку. В этот раз все

получится. Выбор огромный. Яд? Боже, ну почему я так боюсь пистолетов? Может, если я заставлю его спустить курок... Сделает ли он это? От того, что я попрошу, мне больно не будет. В конце концов, он не против наблюдать за всем этим. Но быть большим вуайеристом и убийцей — абсолютно разные вещи.

Сумка ощутимо бьет меня в спину, когда я перебрасываю ее через плечо. Я спускаюсь вниз, и смутно помню момент, когда киваю на прощание кому-то из тех, с кем познакомилась здесь. Также смутно я помню, как подписываю бумаги. Часть меня хочет остаться. Здесь я нахожусь в безопасности.

На глаза наворачиваются слезы, но ни одна из них не скатывается по щекам. Это все действие таблеток. Под их воздействием, я даже не могу заплакать. Ненавижу это. Я наклоняю голову, разглядывая рецепт, выписанный врачом. Ничего не разобрать, сплошные каракули. Но эти кривые завитушки одерживают победу над человеческой личностью. Я больше не буду собой.

Я засовываю бумажку в сумку и проскакиваю через главный вход. Небо над головой темно-серое... будет дождь, но к счастью, мне не суждено под него попасть. В конце аллеи стоит такси, и я спешу туда.

— Миссис Сакстон, — меня окликает глубокий голос, и я оборачиваюсь. Стоящий в стороне мужчина, едва ли старше, меня самой. Светло-каштановые волосы зачесаны на бок, и на нем дорогой элегантный костюм. Чем ближе он подходит, тем светлее кажутся его карие глаза. Тонкий прямой нос противоречит его большим пухлым губам. Я выпрямляюсь, и мне становится интересно, не наняли ли его специально, чтобы официально сопровождать меня обратно. — Вы миссис Сакстон, верно?

— Да. Простите, а кто вы?

— Джейми Ливингстон, — он протягивает руку, и я ее пожимаю, до сих пор ощущая себя не в своей тарелке. — Я работаю на человека, который заинтересован во встрече с вами. Вы бы сделали мне большое одолжение, если бы позволили сопровождать вас к нему.

Я не могу сдержать смех и отступаю ближе к машине.

— Я не сяду в машину к незнакомцу.

— Прекрасно, потому что я не просил вас об этом.

Он берет мою руку в свою, и ведет меня к низкому спортивному автомобилю, который стоит прямо за такси.

— Погодите-ка минутку, — произношу я, выдергивая руку из его пальцев. — *Вы* и есть незнакомец, если вы этого еще не поняли.

По тому, как дергается уголок его губ, я понимаю, что его забавляет вся эта ситуация.

— Нет, мы представились друг другу. Мы больше не незнакомцы.

Он засовывает руку в карман и продолжает смотреть на меня. Таксист сигналист, и я отступаю назад.

— Мне нужно идти. Иначе я упущу такси.

— Вам даже не интересно узнать, кто меня к вам прислал?

Я застываю.

— Оу. Кто?

Почему я не подумала спросить его об этом раньше. Наверное, потому что я не в состоянии нормально думать.

— Он называет себя Господином. Вы ведь слышали о нем, верно?

Меня будто ударяют молотом в грудь. Еще один побочный эффект.

— Оу, — выдавливаю я. Вот оно. Хочу ли я поехать? Что если я отклоню приглашение сейчас, а после он больше не захочет иметь со мной дело? Что если мне снова не удастся покончить с собой и меня опять упекут в лечебницу?

Он протягивает руку.

— Вы поедете со мной, чтобы встретиться с ним? Это не займет много времени. Он всего лишь хочет услышать лично от вас: да или нет. Не более.

Но я все равно ощущаю себя так, словно нахожусь на краю пропасти.

— Мне нужно позаботиться о некоторых вещах. У меня в сумке есть его адрес. Я приеду, как только закончу со своими делами.

— Так не получится, Диана, — мягко произносит он.

Откуда он знает мое имя? Они разыскивали меня? Все, что я говорила Мисти, это не то, что есть на самом деле. Но, тем не менее, передо мной стоит этот Джейми, ждет меня, будто ему позвонили и сказали, что меня выписывают. Хотя я сама узнала об этом всего час назад.

— Идемте, миссис Сакстон. Если это не то, чего вы хотите, вы сможете сказать ему об этом, развернуться, и никогда не возвращаться. Все очень просто.

Перед глазами возникает лицо моей дочери. Ее улыбка выглядит настолько широкой, что я в изумлении перестаю дышать. Желудок скручивается в узел, и я киваю.

— Подождите.

Я отступаю от него, и на дрожащих ногах иду к водителю такси, оповещая его, что ему придется ехать без меня. В этот момент мне кажется, что я собственноручно подписываю себе смертный приговор. Ну, это именно то, что я планирую сделать. И я не уверена, о чем должна думать.

Я сажусь внутрь симпатичной спортивной машинки, и уставляюсь в окно, как только водитель трогает с места. Линии пейзажей размыты, но чем дальше я на них пялюсь, тем ярче становятся цвета. Над парком моросит дождь, который я вижу через стекло, окрашивая листья и траву в ярко-зеленый. Родители пытаются догнать своих детей, чтобы те не намокли, но им кажется это только в радость — попасть под мелкие капли. На моем лице появляется улыбка, но она быстро тает. *Скоро, Кейли, и мы снова будем вместе...*

Портленд исчезает по мере того, как мы приближаемся к горам Вашингтона. Поездка оказывается дольше, чем я ожидала, но за все ее время водитель не произносит ни слова.

— Мне сказали, что ваша дочь и муж погибли.

Я смотрю на него.

— Кто? Откуда вы вообще знаете, когда меня должны были выпустить из больницы, и кто я такая?

— Господин знает все.

— Кто называет себя Господином? Что это вообще такое?

Дорога уходит в сторону, и он едет именно по ней, поднимаясь вверх и скрываясь за рядами деревьев. По моему онемевшему телу расползается страх.

— Это то, чего вы хотели, — запинаясь он. — И скоро вы поймете, почему он так себя называет.

Впереди на небольшом расстоянии я вижу дом, расположенный на самом верху горы. Огромное поместье, которое по неизвестным причинам, вызывает во мне желание взлететь. Сбежать от своей жизни. Темно-серый цвет абсолютно не внушает доверия, как и готический стиль сооружения. Кто-то вообще знает, как выглядит дорога в никуда?

Я хватаюсь за дверную ручку, и громко сглатываю. В голове проскакивает мимолетная

МЫСЛЬ.

— Я умру прямо сейчас? Когда окажусь там?

Он смотрит на меня с прищуром.

— Вы хотите умереть прямо сейчас?

Часть меня хочет. Большая часть. Но я не могу закрыть глаза на сомнения, которые меня одолевают.

— Я... — мы приближаемся к темным железным воротам, петляя по дороге. — А я смогу сделать это наедине? Внутри? Он ведь всего лишь убедится, что все прошло гладко?

Водитель глубоко выдыхает, костяшки на его пальцах белеют, смущая меня еще больше.

— Господин сам решит, что вам делать. Диана, я могу вас спросить?

Мой взгляд возвращается к нему, но в следующий миг снова устремляется к огромному дому, который открывается перед нами все больше и больше. Мне уже даже не кажется, что я по-прежнему жива. Сколько человек уже простились с жизнью в этих стенах?

— Да, — безжизненно отвечаю я.

— Если бы вы могли сделать одну хорошую вещь перед тем, как умереть, чтобы это было?

Я снова оборачиваюсь к нему, обескураженная его вопросом. Возможно, я ожидала чего-то более личного: расспроса о моей дочери или муже, но благотворительность? Я чувствую, как мой мозг скрипит в поисках ответа.

— Если честно, то я понятия не имею.

И это ужасно. Мне стоило бы придумать что-нибудь.

— Возможно, вы это узнаете.

Мы на месте. Он открывает дверь, а я наклоняюсь вперед, рассматривая большую букву "м", которая находится прямо по центру. Ее высота достигает, едва ли не пятнадцати метров.

— Диана.

То, как он обращается ко мне, заставляет меня оторвать взгляд от заросших кустов, которые закрывают собой разбитые окна.

— Да, мистер Ливингстон.

— Джейми, — поправляет он. — Я всего лишь хочу убедиться, что все будет в порядке. Поначалу вам может показаться иначе, но раз вы здесь, это лучшее, что вы могли бы сделать.

Я хватаю сумку, и выпрыгиваю из машины. Перед нами оказывается двойная дверь, такая же темная, как и камень, из которого построен дом. Когда меня ведут вверх по ступенькам, я еще сильнее вцепляюсь в ремень сумки. Нет ни единой причины бояться. Если я решу, что мне это не подходит, то смогу уйти. Так мне сказали. А потом, я просто сама о себе позабочусь. Наедине.

Джейми поворачивает дверную ручку и входит. С каждым шагом я все больше чувствую груз ответственности, пока иду через парадный вход. Я останавливаюсь, словно вкопанная, как только вижу мужчину наверху. Он держится за перила и смотрит вниз на нас. Сказать, что он невероятно красив, значит не сказать ничего. Он самым прекрасным человеком из всех, кого мне довелось видеть в своей жизни. Я ожидала кого-то постарше. Кого-то, кто и сам, возможно, вскоре может умереть. Но Господин оказывается не на много старше меня. Его темные волосы коротко пострижены, а на лице видна едва заметная щетина. Темные круги под его глазами, которые следят за всем и вся, говорят о том, что он плохо спит. Если вообще спит.

— Миссис Сакстон.

Как и Джейми, он одет в костюм. Они оба излучают могущество, но, как и Джейми, он заставляет меня нервничать. Как только он спускается, по широкой великолепной лестнице вниз, она теряет всю свою былую красоту. Высокий мужчина с широкими плечами и узкой талией доминирует над всем, чего только касается. Меня притягивает к нему ровно настолько, насколько и отталкивает.

— Вы можете называть меня Господин. Пока вы здесь я буду называть вас рабыней. Для этого есть причина, но прежде, чем мы обсудим детали, мне бы хотелось разъяснить некоторые вещи. После того, как я закончу, вы можете спросить у меня все, что угодно.

Джейми кивая отступает в сторону, и разворачиваясь, возвращается туда, откуда мы только что пришли. Я открываю рот, пока он приближается к двери и набирает комбинацию цифр на дисплее.

— Подождите, — произношу я, но на меня не обращают внимания.

— С вами все будет в порядке, Диана. Помните, что я сказал.

И он исчезает. Просто так. Проходит несколько секунд, пока я обескуражено пялюсь на дверь. Громкий щелчок заставляет меня дернуться. *Автоматическая дверь закрылась.*

— Идемте, давайте присядем.

Он идет в сторону гостиной, пока я подхожу к двери и дергаю ручку, пытаюсь открыть ее.

— Она заперта, — я дергаю сильнее. — Почему он запер нас?

— Потому что он знает, как это обычно бывает. А теперь, идите сюда, Диана. Нам предстоит многое обсудить.

Сумка падает на пол, когда я подбегаю к дисплею.

— Я передумала. Я хочу уйти. Это неправильно. И мне здесь не нравится.

Он стоит там же, опираясь на арку гостиной, пока я наугад набираю различные комбинации цифр. Все тщетно.

— Пожалуйста. Он сказал, если я захочу уйти, то смогу это сделать. Откройте ее.

— Я не выпущу вас. Джейми вам солгал. Вы никуда не уйдете. Пока я не решу иначе, — из внутреннего кармана своего пиджака он достает пистолет, и я замираю на месте, когда он поднимает его, целясь мне прямо в грудь. — Давай забудем о правилах. Ты ведь хочешь умереть. Правильно?

Я прижимаюсь к стене спиной, пока он делает несколько шагов и останавливается передо мной.

— Все, что тебе нужно, это встать передо мной на колени, рабыня. Сядь у моих ног, и я лишу тебя всех твоих забот. Ты хочешь этого. Снова увидеть свою дочь и мужа. Я могу помочь, — он щелкает языком. — Так чего же ты ждешь?

Это правда. Я хочу умереть, но не так. Меня накрывает опустошенность, и по неизведанной причине, я делаю шаг вперед. Ведь... я *хочу* умереть. Почему же я не задумывалась о том, что именно он нажмет на курок? Еще один шаг. Третий. Я как зомби, иду к нему, пока не опускаюсь на колени.

Да. Я хочу домой.

— Посмотри на меня, рабыня.

Я запрокидываю голову, но не вижу, стоящего перед собой мужчину, или дуло пистолета, находящееся у меня перед глазами. Все, что я вижу — это Кейли и Ронни. А потом... боль... которая, словно лезвие, обжигает мою щеку. Он отвесил мне пощечину.

— Нет. Смотри прямо вот *сюда*. Ты видишь свой конец? — я чувствую, как горит кожа

от его удара. Он снимает пистолет с предохранителя, и по щекам начинают течь слезы. Я не хочу знать, как все произойдет, мне нужен только результат. Но сейчас мне не дают выбора.

— Хочешь что-нибудь сказать напоследок?

Сказать? Я даже думать не могу, не то, что говорить. В голову приходит лишь единственная мысль, о которой я могу подумать в самый последний момент.

— Отправь меня домой, пожалуйста, — шепчу я.

Уголок его века дергается, и он медленно взводит курок. Пульс зашкаливает, сердце тяжелыми ударами бьется в груди, будто вот-вот взорвется... а потом... *щелк... щелк... щелк...*

Ничего. Выстрела нет. Нет ни вспышки, ни агонии от раны.

— Дура... *Дура!!!* — он отбрасывает пистолет. И тот с быстро скользит по полу. Я кричу, когда пальцами он вцепляется мне в волосы. — Вставай! — орет он, поднимая меня за них. — Ты так легко сдаешься перед смертью. Домой захотела?!

Я визжу, хватаясь за его запястья, пока он тащит меня вверх по лестнице вглубь дома. Я спотыкаюсь. Мне не удастся подняться на ноги, но если я смогу это сделать, то мне будет легче с ним бороться. Все, что я могу сейчас, это впиваться ногтями в его рукав.

— Ни единого сомнения! — произносит он, резко встряхивая меня. Слова превращаются в рычание от его тяжелого дыхания, пока он тащит меня по деревянному полу коридора. Ни единой картины на стенах. Никаких украшений. Только монотонная тьма пола из красного дерева, да стены.

Дверь открывается, и я кричу еще сильнее, когда он втаскивает меня внутрь. Как только я вырываюсь из его хватки, то раздумываю, не выпрыгнуть ли мне в окно. Но и это сделать невозможно. С подъездной дорожки я видела, что на всех окнах дома установлены металлические решетки.

— Добро пожаловать домой, Диана.

И это чистая правда. Бежевый ковер, кровать, мебель, и даже вентилятор на потолке. Я хнычу от смеси боли и ужаса. Кровь стынет в жилах, и я перестаю дышать.

— Что ты наделал? — я пячусь назад, не смотря на боль в затылке от его хватки. Я не могу снова встретиться с тем, от чего бежала долгие месяцы.

— Пока ты здесь, это твой новый дом. Который, как я уже понял, станет твоим домом на о-о-очень долгое время.

Я больше не думаю. Всю силу, что во мне осталась, я направляю на то, чтобы пнуть его между ног, но он готов. Он подготовился. Прежде, чем мне удастся сделать хотя бы шаг, он уже припечатывает меня к полу.

— Я знал, что бы будешь сопротивляться, — он наваливается всем своим весом на меня. Я чувствую, как от боли распахиваются мои глаза. Ощущаю, как своими руками он прижимает к полу мои, удерживая их над головой. Он ложится между моих бедер. В ярости я кричу, вырываюсь и пытаюсь его сбросить.

— Это похищение. Ты не можешь это сделать, — я все еще сопротивляюсь, пытаюсь вырвать свои запястья из его рук.

— Нет. *Ты мертва*, — рычит он. — По крайней мере, хочешь таковой быть. Поэтому, кому какое дело, что с тобой случится. Тебя ведь интересует лишь результат, так?

Из моей груди вырывается еще один крик. Каждый раз, когда страх закрадывается в душу, я кричу, пытаюсь высвободиться от него. Он изнасилует меня? Изобьет? Будет пытаться? Я хочу умереть, а не страдать. Этого у меня и так уже достаточно в жизни.

— Слезь с меня!!! — крик вновь обжигает мое горло.

Он держит обе мои руки одной своей. Другой он рвет на мне рубашку с такой силой, что пуговицы разлетаются в разные стороны. Я замираю, встречаясь с ним взглядом. Успокаивающее действие таблеток из больницы больше не имеет надо мной никакой власти. Но мое тело их помнит. Словно от холода, дрожит каждая мышца. Даже челюсть.

— Вот так, — шепчет он, сжимая мою грудь через бюстгальтер. — Ты чувствуешь это, рабыня? — его рука скользит в карман его брюк. Он достает нож, и второй рукой помогает себе вытащить лезвие. — Настоящий страх, — моя грудь поднимается и опускается от неровного нервного дыхания. — Так ты должна была чувствовать себя внизу, когда я приставил пистолет к твоей голове!

Я рыдаю, когда кончиком ножа он касается груди, и ведет дорожку вниз по моему телу.

— Я не боюсь умереть, — произношу я, глядя в его глаза. — Но я пришла сюда не за тем, чтобы меня изнасиловали или изрезали, — я пытаюсь как можно сильнее вжаться в ковер подо мной, чтобы лезвие больше не касалось кожи. Безуспешно. Острая боль в левой груди заставляет меня резко набрать воздуха в легкие. Маленькая рана может болеть гораздо сильнее, чем паника, которая роится внутри моей груди.

— Изнасиловать... — его рот искривляется. — Полагаю, я бы мог это сделать, поскольку ты здесь больше никто.

Он цепляет лезвием тонкий материал на уровне солнечного сплетения.

— Правда в том, рабыня, что это не то, что мне нужно. По крайней мере, не сейчас. Сначала ты посмотришь фильм, который я приготовил специально для тебя, — он складывает нож и прячет его обратно в карман. Мужчина поднимается, волоча меня по ковру. Ноги непослушно тащатся за мной, и я никак не могу найти точку опоры.

— Давай!

Сила в его хватке оказывается сокрушительной, я чувствую это через пальцы, которые впиваются в мои руки. Он поднимает меня на ноги. Но ничего другого мне и не нужно. Как только ублюдок отпускает меня, я бью его кулаком в подбородок. Не задумываясь, я с размаху наступаю ему на ногу. Он стонет, так как следующий удар приходится в его живот. Я разворачиваюсь, и мчусь к двери. Его руки обвиваются вокруг моей талии, как только он оправляется от удара. Он поднимает меня, и огромными шагами подходит к кровати, бросая мое тело на матрас со всей силы. Мужчина снова оказывается сверху, и всем своим весом прижимает меня к постели, пока не раскрывает наручники, прикрепленные к изголовью.

— Не плохой удар, рабыня. Должен сказать, я впечатлен.

— Пошел на хрен!!! Кем ты себя возомнил?! Тебе лучше отпустить меня сейчас же, — кричу я, пытаюсь вырвать руки из оков. Он медленно встает с кровати.

— Ты никуда не пойдешь, — подонок поднимает со столика пульт, и после нажатия на единственную кнопку, на стене появляется телевизор. — Если ты так рьяно хочешь смерти, тебе придется на нее посмотреть. Надеюсь, у тебя крепкий желудок. Пистолеты, ножи, лезвия. Каждому из них удалось покончить с жизнью. Если собираешься убить себя, ты должна увидеть, что случится с твоим телом после этого. Кому-то придется убирать за тобой. Ты же не думаешь, что из этого мира можно уйти просто так, без последствий?

Я открываю рот и пытаюсь повернуться на бок. Я не могу смотреть на это. Не могу видеть мертвых людей. Я видела достаточно мертвых детей в госпитале, когда работала там после колледжа.

— О, нет.

Каким-то образом, он оказывается на другой стороне кровати, и хватает меня за щиколотку, привязывая ее к спинке кровати. Я пытаюсь от него отбиться, но вторую ногу он обездвиживает даже быстрее, чем первую.

— Я не хочу на это смотреть, — в своих словах даже я слышу тихую мольбу остановиться. Он дерзко смотрит на меня. Несокрушимый. Мужчина нажимает на кнопку, и на кране появляется картинка какой-то спальни. Я зажмуриваю глаза, укрывая свой разум во мраке. Но я не могу не слышать то, что говорят. Звук становится громче.

— Открой глаза, рабыня, — в его словах звучит угроза, но я игнорирую ее, еще сильнее зажмуриваясь. Даже щелчок раскладного ножа не заставит меня открыть глаза. — За каждое твое непослушание, ты будешь терять один предмет своей одежды.

"Субъект умер от огнестрельного ранения, нанесенного самому себе. Как вы видите, брызги крови на подушках и стенах свидетельствует о том, что именно он нажал на курок".

Я всхлипываю, как только понимаю, что он поддел ножом пуговицу на моих слаксах, и медленно тянет вниз молнию. Я извиваюсь под его руками, пытаюсь увернуться в сторону, но он продолжает стягивать их вниз. Оковы на ногах держатся очень крепко, что не особо помогает ему меня раздевать. Лезвие скользит по ткани, разрезая ее, и от этого звука мое тело вновь начинает дрожать. Я чувствую его руку и то, как она натягивает материал возле моей киски, чтобы побыстрее от него избавиться.

— Очень милые трусики для той, кому незачем жить. Ты всегда одеваешься с таким вкусом?

Я знаю, что именно он имеет в виду. Белый шелк с бледно-розовой отделкой. Возможно, когда я его покупала, он казался мне красивым. Если я и могла чем-то похвастаться, то это было нижнее белье. Но с тех пор, как не стало Ронни, я больше не придаю этому значения.

— Ты зашел слишком далеко. Выключи телевизор и отпусти меня.

Он опускает нож, и я чувствую его легкое прикосновение к моему бедру.

— Открой глаза. Следующими будут трусики, потом рубашка, а затем твой бюстгальтер...

Я не могу вынести мысль о том, что останусь перед ним голой. Никто и никогда не видел меня такой, кроме моего мужа. Я медленно поднимаю веки. Слаксы разрезаны до самих щиколоток. Одним легким движением, он разрезает остатки ткани, и снимает их с меня.

— Умница. А теперь смотри фильм, а я лягу рядом. Если отвернёшься, или закроешь глаза, я доберусь до трусиков, и не остановлюсь до тех пор, пока мне будет просто нечего с тебя срезать. Но в таком случае, тебе очень не понравится то, что случится потом.

На глазах выступают слезы, и я не могу поверить, что эмоции прорываются через занавес медикаментов. С каждой новой каплей я чувствую все больше. Больше. Пока мое зрение не застилает размытое месиво из крови, раны на затылке, и мух, которые роются вокруг головы, словно черная туча.

— Меня сейчас стошнит, — я едва могу выдавить из себя слова. Разглядывая все детали, мне кажется, что я даже могу ощутить жуткий запах смерти.

— Не стесняйся. Продолжай смотреть.

Он лежит рядом со мной, опираясь на локоть, и мы выглядим будто парочка, решившая посмотреть фильм перед сном. Мы с Ронни так делали. Хотя тогда я не была прикована.

Меня не заставляли смотреть криминальные сцены, или как там еще можно назвать те картины, действие которых разворачивается на экране.

— Наслаждаешься? — спрашиваю я, но не поворачиваю к нему голову. Я смотрю вперед, ощущая, как начинаю неметь. Это может стать выходом. Если просто пялиться на стену или в верхний угол экрана, это может сработать.

Его пальцы касаются моего подбородка, и он поворачивает к себе мое лицо.

— Наслаждаешься, *Господин*?! — поправляет он, сжимая зубы. — Всегда обращай ко мне таким образом. Не будешь — и то, что происходит здесь, покажется тебе цветочками по сравнению с тем, что тебя будет ждать.

Я понятия не имею, зачем ему нужно так со мной обращаться. Чтобы показать власть? Это бы объяснило, почему он делает все это со мной. Но, не смотря на то, что он мне показывает, я не могу преклониться перед ним. Если я и умру, то только склонившись перед своей слабостью, а не чьей-то еще.

— Ты не мой господин. Ты меня похитил!

На его устах расцветает злобная ухмылка. Он медленно наклоняется вперед, касаясь меня кончиком ножа.

— Что ты делаешь? — я пытаюсь отодвинуться от него по мере его приближения, но не могу сдвинуться даже на сантиметр. Он не произносит ни слова, а просто поддевает ножом тонкую материю между чашечек бюстгалтера. Лезвие касается моей груди, и материал расплзается под давлением острого металла. Я всхлипываю, когда он отодвигает ткань с пути. К щекам приливает кровь. Вслед за этим, острое скользит по бретелькам, а потом возвращается к шелковой рубашке. Звуки, которые я издаю, напоминают стоны и рычание одновременно. Я никогда не испытывала более сильные эмоции, чем те, которые чувствую сейчас.

— Знаешь... — он отбрасывает материал, оставляя меня абсолютно голой, за исключением трусиков. — Иногда в жизни нам встречаются преграды. Даже испытания. Некоторые выдерживают их. Другие не могут. Ты кажешься мне сильнее, чем все те, кто решил покончить с жизнью.

Нож блуждает по моей груди, вокруг твердеющего соска. Кожа покрывается пупырышками от холода комнаты. Такая ласка зарождает во мне странное чувство. Я боюсь оружия, но в то же время, мне не причиняют боль. Он щекочет меня, приглашает. Ко мне долгое время никто не прикасался, и сейчас то, что я чувствую, выглядит больше, чем просто странно. Но сильнее всего будоражит все мои чувства то, что именно *он* зарождает их во мне.

— Я не сдамся, пока не добьюсь желаемого, — говорю я, отодвигая бедра подальше от дорожки, которую он прокладывает кончиком ножа. — Разница лишь в том, захочешь ты на это посмотреть или нет. Я прожила свою жизнь. У меня была потрясающая семья. Теперь их нет, и я хочу быть с ними. Мне нечего терять. Это всего лишь подведет итог того, что у меня было, и я смогу отправиться дальше.

Лезвие замирает, и он приподнимает голову.

— Ты правда веришь в это, рабыня?

— Конечно, верю. Для меня больше ничего не осталось. Жизнь закончена. Я прожила то, что мне было предназначено. Теперь все кончено, и мне бессмысленно оставаться здесь.

— А кто сказал, что для тебя не может быть новой главы? Не чтобы заменить первую, а чтобы продолжить то, что ты уже и так знаешь?

Я отрицательно качаю головой.

— Я не хочу новую главу. Хочу, чтобы моя жизнь закончилась на этой. Она была идеальной, — глаза горят от непролитых слез. — *Они* были идеальными.

— Их больше нет, — мягко произносит он, — но ты есть. Если бы тебе было предначертано умереть, ты бы не сидела сейчас здесь. Ну, или у тебя бы получилось покончить с жизнью с самого первого раза, — он касается пальцем красной отметины на моем запястье. — Или сейчас, — свет отражается в его синих глазах, а на лице проступают признаки сочувствия. Эта эмоция кажется очень странной для него, учитывая, что он заставляет меня смотреть и делать. — Ты жива, Диана, и я думаю, тебе лучше такой и оставаться.

Я чувствую, как мое сердце обжигает болью, будто его слова превращаются в кислоту.

— Нет! — по щекам катятся слезы, пока я мотаю головой туда-сюда, превращаясь в настоящую истеричку. Я отказываюсь думать, что проживу еще один день, пока их нет со мной, не говоря уже о десятках лет. — Это закончится сейчас, — визжу я. — Сделай это! Возьми нож и закончи свое дело, или оставь меня на хрен в покое!!!

— Ты не заслужила смерти. Еще нет, — сочувствие на лице испаряется, и гнев тут же занимает его место. Глаза мужчины из сапфиров превращаются в темные ониксы. Рывок со стороны бедра заставляет меня покачнуться, и я дергаю наручники, пока он разрезает мои трусики с другой стороны, и бросает их на пол к остальной изрезанной одежде. — Унижение тоже может сломить человека. Как думаешь, сможет ли оно сломить тебя?

Я плюю в его лицо, больше не задумываясь о последствиях.

— К черту тебя и твое унижение!!! Ты это пытаешься сделать?! Потому что у меня для тебя новость — ни у кого не хватит духу сломить меня!!!

Словно забавляясь, он стирает мой плевок со щеки, ни на секунду не упуская меня из вида.

— Вызов принят.

Он встает с кровати, делая звук на колонках еще громче. Женщина на экране лежит в ванной, наполненной собственной кровью, одна ее рука свисает через край. Пустота в ее глазах заставляет меня отвернуться. Этот взгляд, эти пустые глаза будут преследовать меня во сне. Прежде я никогда не видела трупы людей, которые покончили с собой. Эти жертвы на экране... они действительно пугают меня больше, чем я могла себе это представить. Они пустые. В них нет... души.

Дверь открывается, и он возвращается в комнату, только теперь в его руках находится коробочка, которую я так хорошо знаю. Я поднимаю голову и отворачиваюсь в сторону, с еще большим желанием выпрыгнуть в окно. Но я не могу никуда уйти. Благодаря ему.

— Я надеюсь, ты не против. Мои люди совершили небольшое путешествие в твой милый дом, и нашли это в твоём шкафу. Ты оставила их там, поэтому они, наверное, тебе не очень нужны.

Я осторожно смотрю на него.

— Не смей, — шепчу я. Отчаяния в одной моей фразе достаточно, чтобы он в изумлении изогнул бровь.

— Очень жаль. Я не успел хорошенько рассмотреть их. Лишь взглянул одним глазком. Умираю от любопытства. Что же получится, если сложить пазл твоей жизни. У меня еще кое-что припрятано в шкафу. Но всему свое время. А сейчас, думаю, можно отправиться в путешествие по твоим воспоминаниям.

Он оставляет звук включенным, и усаживается на кровать рядом со мной. Я снова отворачиваюсь, когда он открывает крышку коробки. Его пальцы смыкаются на моем подбородке, поворачивая голову к нему. Он не отпускает меня, когда показывает первое фото. На нем Кейли всего лишь два годика. Ронни держит ее возле своего лица, прижимаясь к ней и улыбаясь на камеру.

— Посмотри на них, Диана, — он пододвигается ближе. — Тебе не кажется, что они бы не хотели увидеть, как ты причиняешь вред сама себе? — он держит фото несколько секунд, и бросает его, хватая следующее. Я стою с Кейли перед ее школой в первый день подготовительного класса. Ей было не суждено пойти учиться дальше. — Смотри на нее, рабыня! Посмотри на эту прекрасную улыбку. Посмотри, как она вцепилась в твою руку. Она знает, что скоро вы больше не будете вместе. Но даже на этой фотографии я вижу, что она сильная. Я не думаю, что она проронила хоть слезинку из-за вашей разлуки.

Я кричу, в агонии дергая руки и царапая кожу. Впервые в жизни, я не могу закрыть глаза, хотя сильное желание сделать это немедленно, разрывает меня изнутри. Он прав. Она не плакала и не держалась за мою руку так, как другие дети держались за своих родителей. Но сейчас я вижу нервозность в ее улыбке. Это разрывает мне сердце. Фото падает, а перед глазами возникает еще больше воспоминаний. Хеллоуин. Рождество. Ночь кино. Даже когда мы втроем выбрались в Большой Каньон. Этим путешествием Ронни удивил нас всех.

— Им нравится то, что они видят? — его яростный крик прокатывается дрожью по всему моему телу, а последнее его слово превращается в рычание. Чем злее он становится, тем больше я могу почувствовать в себе человека, которым была, когда Ронни и Кейли были живы. Тогда я была сильной — жизнь закалила меня. Но с ними я менялась, представляя, что наконец-то, стала героиней истории со счастливым концом. Я ошиблась.

Это заставляет искорку во мне бороться больше, чем обычно. Огонь из этой искорки растет, пока полностью не поглощает меня. Медленно, он превращается в жизнь, выжигая внутри меня все, оставляя после себя черные обожжённые руины, в которые теперь превратилась моя душа. Огонь превращается в монстра, который ожидает свою жертву. *Господин* мог бы стать тем, чего я так хотела вкусить. Он получил бы от меня больше, чем требовал. Я бы уж точно в этом убедилась.

Я не знаю как, но я заставляю веки опуститься и утихомириваю свое дыхание, пока раздумываю над его вопросом. *"Им нравится то, что они видят?"*

Ненависть к жизни выплескивается вместе с моими словами, когда я открываю глаза:

— Скоро я это выясню.

30 августа (День 1)

Рабыня Диана сильнее, чем я вообще мог себе представить. Два часа я пытал ее фотографиями семьи и наблюдал, как она извивалась снова и снова, пока окончательно не отключалась. Она была полностью обнажена, до нее доносились звуки телевизора, где то и дело рассказывалось о крови и смерти, но мне все равно не удалось пробудить в ней те эмоции, которые я хотел. Даже сейчас, когда я наблюдаю за ней через монитор компьютера, я вижу, как прошлое окутывает ее, полностью вырывая из настоящего. Ей все равно, что показывают по телевизору. Я не припомню, чтобы кто-то другой выдержал так же долго, прежде чем закричать, чтобы я выключил эту хрень. Но она не сделает этого. Я ощущаю ее силу воли. Ее гордость.

За нежеланием делать так, как я велю, стоит нечто большее. Что-то случилось. Я видел, как что-то изменилось прямо на моих глазах. Где-то глубоко внутри нее. Я могу объяснить это только чувством, которое возникает и во мне, когда смотрю в ее глубокие зеленые глаза. Тьма взывает ко мне оттуда. Держит ее взаперти, и я понимаю, что только в этой ловушке ей невыносимо спокойно.

Настоящей Дианы здесь нет. Где она прячет себя, остается мне не понятно. Из больничных записей и рассказов людей, с которыми я общался, я узнал, что она была тихой, но доброй женщиной. Но сейчас передо мной лежит не она. Эта женщина такая же, как я. В ней... так много ненависти.

Я не могу не вернуться к моменту, когда заметил изменения.

— Я скоро это выясню.

Я знаю, что это значит — она решительно настроена убить себя. Угроза заставляет меня нахмуриться. Я был готов задушить ее за слова, которые мне пришлось произнести, но она остановила меня своей злобой, выплеснув ее на меня. Она хотела сделать мне больно. Возможно, даже что-то большее. Могла ли Диана думать о том, как навредить кому-то еще? В этом я не уверен. Любой, кто заставлял меня остановиться и задуматься над своими словами, всегда что-то подразумевали. Я не боялся ни одного из них, но в ту секунду, когда почувствовал ее невозмутимость... я уже знал, что столкнулся с равной себе. Если девичьи формы и тело полностью не поглотили бы меня, это сделала бы скрытая сущность ее личности. Но не так, как это происходит между обычными любовниками. Потребность сломить ее больше, чем кого-либо другого, захватила меня с головой. Я хотел открыть секреты, которые хранились не только в ее голове, но и в ее теле. Целых два часа я не мог усмирить свой член, который болел от постоянного напряжения. Я оставил рабыню, когда больше не смог этого выносить. С каждым ее неповиновением, я чувствовал все больший соблазн овладеть ею.

Она зевает, но не отворачивает голову и не закрывает глаза. Этого становится более,

чем достаточно. Диана находится в своем маленьком коконе безопасности дольше, чем я позволял кому-либо другому. Настало время пойти дальше, и вернуть ее. Рабыне не понравится то, что я для нее приготовил. Боль, через которую я собираюсь ее провести, не оставит в ней ни малейшего желания жить, но это нужно сделать. Место, которое она в данный момент представляет в своей голове, не является безопасным, и я не позволю Диане там оставаться. Рабы, за которыми приглядываешь на расстоянии — могут быть опасными. Как для меня, так и для себя.

Я подхожу к своему шкафу, и достаю оттуда хлыст. Мысль о том, как я заставлю ее кожу гореть, вынуждает меня замедлиться, когда прохожу мимо зеркала. Я провел несколько часов с новой рабыней, и уже собираюсь преступить к вещам, которые обычно делаю на третий день. Необходимость увидеть реакцию Дианы на боль, является всем, что мне сейчас необходимо, и я не собираюсь этого отрицать. Будет ли она умолять меня остановиться? Будет ли плакать, и захлебываться от рыданий? Или все вместе... Но *понравится* ли ей это? Если только... Часть меня умоляет, чтобы она отреагировала на это. Я провел недели с навязчивой идеей овладеть ею. Но ничто не столкнет меня с того пути, которого я должен придерживаться.

По телу разливается жар, и я стягиваю с плеч пиджак, бросая его на кровать. Как только я вынимаю запонки и закатываю рукава, то начинаю блокировать в своей голове воспоминания о ее широких бедрах и полной груди. Она выглядит идеально во всех нужных местах. Мне не стоит обманывать себя. Я и не делаю этого. Надо сосредоточиться, но даже не находясь в ее комнате, она не дает мне это сделать.

Я поднимаю хлыст, и направляюсь к двери, которая разделяет наши прилегающие друг к другу спальни. Ее глаза становятся шире, когда я вхожу.

— Ты уже готова поговорить? Я уверен, что задал тебе вопрос перед самым уходом. Ты его помнишь?

Я приближаюсь к ней до тех пор, пока не останавливаюсь у края кровати. Проходит несколько секунд, но она не отвечает. Я ударяю кожаным хлыстом по верхней части ее бедра. Глубокий вдох... Вот и все, что я получаю вместе со следом на коже рабыни.

— Давай я освежу твою память. Я спросил, рабыня, почему ты не рассказываешь мне, где ты встретила со своим мужем. Ты готова отвечать? Или мне снова причинить тебе боль?

Ответа не слышно.

В этот раз я бью сильнее, чем в предыдущий. Ее челюсти сжимаются, как и кулаки. Она смотрит на меня тем же взглядом, когда наши глаза встречаются.

— Можешь даже взять и отыметь себя! — произносит она, выплевывая каждое слово. Кажется, это входит у нее в привычку. Это одна из самых гнусных вещей, которые может совершить человек, и от мысли об этом, во мне каждый раз закипает кровь.

— Отыметь себя? Отыметь *себя*? Ладно, я отымею тебя, если ты так много об этом думаешь.

Я хватаю края рубашки и с силой дергаю. Пуговицы разлетаются по всей комнате. Злость на ее лице за мгновение превращается в ярость. Но я не останавливаюсь. Я сбрасываю с себя рубашку, не сводя с нее взгляда, и вижу, как нервно бегают ее глаза от моей груди к животу. Генетика делает свое дело. Мне не нужно работать над собой не покладая рук. У меня есть время между встречами с рабами, которых мне предстоит сломить, и я провожу его с пользой. Как только Диане станет лучше, она вернется в свою привычную рутину. Мы

оба займемся тем, что не заставит нас заскучать.

— Не смей даже думать о том, чтобы прикоснуться ко мне своими *мерзкими* руками. Если ты хотя бы попробуешь это сделать, я убью тебя. Ты слышишь?! Я это сделаю!!! — кричит она, пока я снимаю с себя обувь и расстёгиваю ремень.

На моих губах расцветает ехидная улыбка.

— Мерзкими? С твоей стороны очень грубо говорить так. Ты меня даже не знаешь.

— Я знаю то, что ты отмороженный псих. Ты похитил меня, приковав к гребаной кровати. Ты раздел меня догола и бьешь палкой! Это *мерзко!* — она ставит ударение на последнем слове.

— Это хлыст, — поясняю я, ударяя ее по другой ноге. Из ее рта вырывается шипение, когда я повторяю маневр. А потом еще и еще.

— Прекрати!

Она напрягает прикованные наручниками руки, и пытается перевернуться на бок. Краем глаза я замечаю ее попку, и не могу устоять, чтобы не ударить по ней тоже. Жестко. Глубокий звук, вырывающийся из ее горла, эхом разносится по комнате, и она начинает отчаянно вырываться. Я скрещиваю руки на груди, выжидая, пока она успокоится.

Проходят минуты, прежде чем это происходит. Ее щеки покрыты дорожками от слез, и она тяжело дышит, притягивая к своей груди еще больше моего внимания. Но меня не соблазнить.

— Или отвечай на вопрос, или я продолжу.

— Мне нужно в уборную. Мне можно это сделать, или ты хочешь, чтобы я сходила в туалет прямо на кровать?

— Сделаешь это, и сама же будешь на ней спать.

Она закатывает глаза, и смотрит перед собой.

— Значит, дай мне сделать это самой. Отпусти.

— Сначала ты ответишь на вопрос. Потом я тебя отведу.

Она выдерживает паузу и отвечает после глубокого вдоха.

— Кафе. Мы встретились в кафе. А теперь отпусти меня.

Я ударяю хлыстом по внутренней стороне ее бедра, и этот удар сильнее, чем все предыдущие. Всхлип тут же вырывается из ее груди.

— Подумай лучше!

— А может, *ты* подумаешь лучше?! — произносит она, глядя сквозь слезы. — Я отвечаю на то, что ты спросил. Избивая меня, ты не делаешь себя каким-то особенным. Ты ни разу не спросил о подробностях нашей первой встречи. Даже то, где именно мы встретились.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Но поскольку ты чертовски упряма, позволь я кое-что уточню. Скажи мне как, когда и где ты встретила со своим мужем. Что тебя в нем привлекло? Каким он был как личность?

— Я сутками могу об этом говорить. А в уборную мне нужно сейчас.

— Значит, отвечай быстрее.

Она грубо выражается, выпуская воздух из легких, и на лице не остается ни единой эмоции. Злость. Нетерпение. Ни остается ничего.

— Мы встретились в кафе в центре Портленда. Мы сидели за разными столиками спиной друг к другу. Официантка перепутала наши заказы, и когда я подслушала, как он объяснял, что он не заказывал... — она останавливается. — Я не помню, что именно

заказывала, но помню, что это точно предназначалось для меня, так что я обернулась объяснить это. Тогда я впервые встретила с ним лицом к лицу. Время для меня остановилось, а позже я узнала, что и для него тоже. Мне казалось, что мы смотрели друг на друга вечно, прежде чем я смущенно засмеялась, и взяла тарелку, которую он уже держал. Поскольку мы оба были одни, он спросил, не хочу ли я к нему присоединиться. Прошло три часа, а мы все говорили и говорили... Обо всем, о чем только было можно. Я влюбилась в него мгновенно и навсегда. Любовь с первого взгляда, — она потряхивает головой, выбрасывая ненужное воспоминание. — Он был очень веселым и любил приключения. Он только что вернулся с Эвереста, на который совершил восхождение. Чуть не погиб, но гордился тем, что довел путешествие до конца. Бессмысленно, но после этого мы стали неразлучны. Мы поужинали в тот вечер, и делали это каждый Божий день, пока один конченый пьяный придурок не проехал на красный сигнал светофора.

И на ее лице снова появляется злость. Она перекрывает собой даже оцепенение, в котором она находилась, пока рассказывала.

Хорошо.

— Пока хватит мести, — я достаю ключ из кармана и расстёгиваю наручники. На коже остаются следы, в местах, где она их дергала, но открытых ран нет. Я спускаюсь к ее лодыжкам, и слышу стон, когда она приподнимается на кровати. На внутренней стороне ее лодыжки я замечаю татуировку. У меня не было времени рассмотреть ее получше, но сейчас, когда я так близко — это маленький якорь размером с подушечку на моем большом пальце.

— Это... — что-то падает на мое плечо, распространяя обжигающую боль по моему бицепсу. Толстые куски керамики рассыпаются вокруг меня. Не проходит и пары секунд, как во мне вскипает ярость, от которой я застываю на месте, моргая словно идиот.

По руке стекает кровь.

— Ты... — рычу я, замечая, как она тянет на себя наручник на ноге, до которого едва ли может достать. Прежде, чем я что-либо произношу, она откидывается назад, и заряжает ногой мне в голову. Я инстинктивно защищаюсь рукой, а потом бросаюсь на нее, припечатывая ее своим телом к кровати. Рука опускается на горло рабыни в удушающем захвате.

— У тебя огромные проблемы. Ты понятия не имеешь, какого зверя ты только что разбудила.

По ее лицу расползается не только настоящий страх, но и еще что-то. Что-то, что даже я не в состоянии понять.

— Давай! — ее голос звучит хрипло. Он прорывается сквозь мою хватку. Наказывать рабыню болью сейчас — не имеет смысла. Мой разум закипает от злости, и я делаю единственную вещь, которая приходит мне в голову. То, чего я на самом деле хочу.

Я впиваюсь в нее губами, прижимаясь членом к ее голой киске. Она мгновенно замирает в моих руках. Прежде, чем Диана успевает отреагировать, я поворачиваю ее голову большим пальцем, двигаясь губами по нежной шее к уху. Когда языком я достигаю мочки, она издает звук, заставляющий вжать женское тело в матрас еще сильнее.

— Ты этого хотела? — шепчу я, сжимая мочку зубами. — Ты уверена в этом, *рабыня*?

— Нет. Прошу.

Я толкаюсь между ее бедер, презирая ткань, которая нас разделяет. Жажда оказаться глубоко в ней, преподать ей жесткий и грубый урок, сжигает меня изнутри.

— Нет, что? Ты скажешь это. Я мог бы встать и отвести тебя в уборную. Но если ты

передумала... — я оставляю угрозу незаконченной.

— Я не хочу, чтобы ты меня насиловал.

— Не хочешь, кто? — я скрежещу зубами, вынуждая ее обратиться ко мне так, как положено. Желание услышать "Господин" из ее уст, до боли сжимает мое тело. С другими это было всего лишь важной частью дисциплины. Но с ней, мне нужна маленькая частичка того, почему я так скучаю. По настоящей рабыне. По той, которая знает истинное значение этого слова, и которая ценит свою свободу. Возможно, пока она не осознает, но я смогу ее научить.

Я ослабляю хватку из-за потока мыслей в своей голове. Правда ли я хочу этого? От нее? От женщины, которая только что ранила меня? Кровь, вытекающая из пореза, спускается к пальцам, и каплями падает ей на шею. Но она воин. Это может стать куда лучше, если она позволит мне помочь ей. К тому же, если она останется здесь, мне не придется переживать о том, что желание умереть вернется к ней, как только она покинет это место. В этом доме она всегда будет под защитой.

— Отвечай мне, мать твою! — я поднимаюсь над ней еще выше, спускаясь рукой по ее груди, оставляя кровавый след на коже. Я не могу удержаться, чтобы не размазать красные капли по бледной коже. Контраст цветов и смысл ситуации прост — я никогда раньше не чувствовал такое возбуждение.

Я сижу перед ней, истекая кровью после того, что она натворила. И чувствую, как с каждой секундой все больше теряю свои силы.

Я смотрю, как подрагивают ее губы, и тут же качаю головой.

— Если ты еще раз в меня плюнешь, я перегну тебя через колени, и не оставлю твою задницу в покое, пока на ней не останется живого места. Ты неделю не сможешь на ней сидеть. Не веришь мне, испытай удачу!

— Ты мне не господин!

— Ты хочешь, чтобы я тебя трахнул? Я думаю, дело именно в этом.

Она презрительно прищуривается, и этот взгляд идет в разрез с моими словами. Она хочет, чтобы я оставил ее в покое.

— *Ни за что.*

Я не могу сдержать улыбку.

— Может ты и думаешь так сейчас, но мы посмотрим, что будет дальше. А теперь, или говори то, что мне нужно, или я расстегну брюки и отымею тебя так, как захочу.

— Ты — Дьявол. Вот кто ты. Так что, *Дьявол*, я не хочу, чтобы ты меня насиловал. Как тебе это?

— Хм-м... Неплохо. Но это не то, что я имел в виду.

Я прижимаю большой палец к ее щеке, заставляя повернуть голову в сторону. Хотя мне очень этого хочется, я не готов признать ситуацию в целом. Я провожу носом по волосам за ее ушком, вдыхая аромат жасмина.

Диана больше не ощутит боли. Я задушу в ней все мысли о смерти, даже если мне лично придется держать подушку на ее лице. Но сейчас я угрожаю ей своим членом. Она ничего не боится, кроме меня. Я могу стать ее тяжелейшим бременем, адом, от которого она так хочет сбежать. Понадобится время, чтобы затмить боль от ее утраты, но с тем темпом, с которым я продвигаюсь, она начинает ненавидеть меня все больше с каждой секундой.

— Я *правда* хочу тебя, рабыня. Покажи мне, как сильно ты хочешь меня, — я утыкаюсь своим лбом в ее, спускаясь рукой вниз по бедру. Кончиками пальцев я добираюсь до места,

где мы соприкасаемся.

— Не смей, — она пытается увильнуть, но не может преодолеть силу, с которой я припечатываю к кровати ее руки, голову и бедра.

— Я все ближе... — я сдвигаюсь в правую сторону, резко поворачивая голову, чтобы встретиться с ней глазами. Болезненный плач срывается с ее губ, когда я добираюсь до внутренней части бедра, почти прикасаясь к киске. — Я знаю, что ты влажная. Я чувствую это через свои брюки. Не важно, привлекаю я тебя или нет, но со стопроцентной уверенностью могу сказать, что тебе это нравится, — я провожу кончиком пальца по ее промежности. — Признай это перед своим Господином. Ты хочешь, чтобы я касался тебя.

Она всхлипывает.

— Нет. Мне не нравится это! — она останавливается. — Господин. Вот. А теперь отвали от меня.

Это явное стоп-слово (*прим. пер.: стоп-слово — это слово, которое используется для остановки того или иного действия. Часто применяется между партнерами, состоящими в БДСМ-отношениях*), если я не ослышался. По венам разливается ледяная вода, и меня разрывает между победой и алчностью. Злость преодолевает жажду власти, что явно лучше для нее. Я встаю, хватаю ее закованную лодыжку и отцепляю наручник.

— Вставай!

Она фыркает, когда я протягиваю ей руку, чтобы помочь подняться. Я не отпускаю ее, пока мы не пройдем через всю комнату и не оказываемся в ванной.

— У тебя десять минут, сделать все, что тебе нужно, включая душ. Если подумаешь о какой-нибудь глупости, сегодняшняя ночь окажется самой худшей в твоей жизни.

Но даже когда я говорю, она сканирует глазами помещение, будто наркоманка, которая ищет очередную дозу.

— Десять минут.

Я закрываю дверь, и отхожу к монитору, кликая на него мышкой, и разворачивая изображение на весь экран. Глядя от монитор, я подхожу к аптечке на стене. Я не на секунду не оставляю рабыню без присмотра. Мне видно каждое ее движение. И я жду. Это всего лишь первое испытание из многих. Либо сейчас, либо в ближайшем будущем, но она попытается что-то сделать. Мне просто нужно убедиться, что я к этому готов.

Мне пришлось подчиниться. Какого черта я решила кому-то довериться, когда нужно было просто покончить с собой? Теперь, я поймана в ловушку в каком-то доме ужасов с психом, который не в состоянии держать свои руки при себе. Отсюда должен быть выход. Но для этого мне нужно пройти мимо него и обследовать запертый дом. И это кажется невозможным.

Я останавливаюсь, спускаю воду в унитаз, и основа осматриваюсь вокруг. Ничего, кроме расчески, геля для душа, зубной щетки... Рядом установлена душевая кабина, никаких бритв, что еще раз доказывает мне, что нет ничего, что могло бы мне помочь.

Ладно. Надо включить воду, чтобы выполнение его указаний хотя бы выглядело правдоподобно. Я не намерена тратить на душ ни секунды своего времени, когда возможно могу найти что-то, что поможет мне сбежать отсюда.

Звук льющейся воды наполняет комнату, когда я на полную поворачиваю вентиль и закрываю дверь. *Пар.* Да, очень хорошее решение, если он снова придет за мной и нужно будет от него отбиваться. Он не обеспечит полной потери зрения, но это немного облегчит мне задачу.

Перед глазами оказывается еще одна дверца, и я бросаюсь к ней, пытаюсь ее открыть. Полотенца, полотенца для рук, несколько бутылочек с... детским шампунем? Я подпрыгиваю, пытаюсь разглядеть, что лежит сверху. Ничего не видно. Я хватаюсь за верхнюю полку руками, а ногами встаю на нижнюю, чтобы преодолеть препятствие. Ничего.

Дерьмо!

Где-то здесь должно быть что-то острое. Я направляюсь обратно к раковине и открываю ящики и нижние шкафы, которые ее окружают. Пусто. Каждый последующий открытый мной отсек оказывается пустым, заставляя возрасти мою тревогу. Я должна просто попытаться броситься на него и побороть? Это не сработает. Может быть, я и не слабая, но не нужно обманывать себя. Я уже ощутила всю его силу, и с моей ее даже не сравнить.

Вцепляюсь пальцами в волосы, когда из глаз грозятся брызнуть слезы.

— Думай, Диана, — слова едва слышны даже для моих ушей. Мой мозг должен хоть немного поработать. *Какая самая опасная вещь у меня есть?* Я знаю это и так, без лишних раздумий. Шампунь. Если я смогу ослепить его им, возможно, выиграю себе немного времени, чтобы найти выход из этого дома. Но если я не... нет, я не могу думать о такой возможности прямо сейчас.

— Пять минут.

Его крик настигает меня даже в ванной. Я поворачиваю краны, чтобы сделать воду приемлемой и вхожу внутрь. Первое, что я вижу, это слишком знакомая бутылочка. Бл*дь, детский шампунь. Я хватаю его, поворачивая вокруг, чтобы прочитать этикетку, хотя уже и так знаю название.

— Черт возьми! — я бросаю его на пол так быстро, как только могу. Нет никакого шанса, что я ослеплю его им. Не тогда, когда он заставляет гореть мои собственные глаза.

Видимо, он делал это прежде. Нет сомнений, что он мучил и насиловал других женщин, до меня.

Подавляющее желание упасть на пол и свернуться в клубок, сейчас намного сильнее, чем когда-либо. Разве, я не могу просто спокойно умереть?

Больше нет.

Не тогда, когда мне приходится тратить каждую минуту на поиск возможности сбежать или ранить человека, который сделал меня своей пленницей.

Дверь распахивается раньше, чем заканчивается отведенное мне время. Наши глаза встречаются через запотевшее стекло душевой кабины, которое отделяет нас и шквал такой ярости, которой я никогда не испытывала раньше. Бинт промок, сквозь его повязку уже просачивается кровь, но он ни капельки не выглядит обеспокоенным моим нападением. Не с таким голодным выражением лица. Которое я готова стереть. Единственный вариант, при котором я могу это сделать, почти ужасает. Но разве все может стать еще хуже?

— Я не думаю, что я когда-либо видел так много, — улыбка искажает его рот, когда он останавливается возле двери, с выражением *“ненавижу людей”*. Он подходит ближе. — Ты хочешь причинить мне боль, рабыня?

Больше, чем он думает. Несмотря на это, я молчу, не доставляя ему такого удовольствия, как мой ответ. Вместо этого, я стою под потоком воды, который оmyвает меня с ног до головы, и удерживаю на нем свой взгляд. Если я собираюсь осуществить свой план, мне придется поторопиться.

— Ты нашла, что искала?

Мои руки замирают в волосах, и я понимаю, что осматриваю верхнюю часть комнаты. Он наблюдал? Мои мысли прерываются, когда он продолжает говорить.

— Там, — произносит он, указывая на настенные часы, в непосредственной близости от шкафа. — Здесь, — он тычет пальцем в сторону двери. — И вон там, — показывает на зеркало, напротив которого я стояла. — Не будет ничего из того, что я не узнаю. Ты будешь под наблюдением все время. И я действительно имею в виду именно это. *Всё* время.

— Ты больной. Ты делаешь записи голых женщин, которых потом планируешь изнасиловать?

Он смеется.

— Я не собираюсь этого делать. Если бы я хотел тебя изнасиловать, то уже давно бы это сделал. Быть в поле моего зрения — больше в твоих интересах, чем в моих. Поверь мне. А теперь выметайся. Твое время вышло.

Нет, это *его* время вышло. Я выключаю воду и хватаю флакон, валяющийся на дне кабинки, наливаю небольшое количество в ладони и размазываю его по своему телу.

— Какого черта ты делаешь? Я сказал, что твое время вышло, — чем ближе он подходит, тем быстрее я пытаюсь намылиться детским шампунем, еще крепче сжимая в руке бутылочку. Когда стеклянные двери распахиваются, я хватаю его руку, покрывая ее пеной, и пытаюсь дотянуться до второй. Если бы я сделала это с его лицом, то все уже было бы кончено, но я боюсь быть к нему настолько близко, это слишком опасно.

Он шагает вперед, и я не раздумывая наваливаюсь на него всем своим весом. Мне едва удастся сдвинуть его с места, но я успеваю проскочить в небольшое отверстие. Мне не хватает скорости. Он ловит меня и прижимает к груди, я оборачиваюсь, благодаря шампуню, который заставляет нас скользить. К сожалению, как и когда он прикоснулся ко мне раньше, электричество наполняет каждый дюйм моего тела. Я ненавижу его, но не могу отрицать

возникающее возбуждение.

— Отпусти меня! — я яростно извиваюсь в его руках, сползая в процессе все больше и больше. Это срабатывает. Он тащит меня в сторону от душа, сжимая в кольцо своих рук, но удержать меня у него не получается.

— Я впервые вынужден признаться... — говорит он, кряхтя, пока моя грудь трется об его, а я вытягиваю руки вверх, пытаюсь соскользнуть вниз под весом собственного тела. Но уже мгновение спустя, я оказываюсь свободна, и как только поворачиваюсь к двери, спиной к нему, он хватает меня сзади. — Я не уверен, чего ты хочешь добиться, проделывая это, рабыня, но я должен признаться, — его дыхание щекочет мою шею, — это меня действительно заводит.

И это так. Я могу почувствовать доказательство его желания, упирающееся в мою поясницу, пока пытаюсь извернуться за спину и вцепиться ногтями ему в лицо.

— Я не удивлена, — произношу я, успокаиваясь, сильнее упираясь руками. — Я намерена выбраться из этого дома. Почему бы тебе просто не освободить меня? Я заплачу тебе, если деньги это единственное, что тебя волнует, — хотя, учитывая то, чем я окружена, я сомневаюсь, что дела обстоят именно так. И честно говоря, я не дала бы этому ублюдку ни цента. Моя главная цель — это свобода и я готова сделать все, чтобы ее заполучить. Все, кроме одной единственной вещи.

— Ты остаешься, — напряжение плотно оседает в его голосе из-за нашей борьбы. Если я смогу развернуться снова, то постараюсь предпринять новую попытку побега, и она будет удачней.

Сила моего веса с отсутствием трения, срабатывает даже лучше. Я поднимаю свои ноги, двигаясь с большим усилием.

— Черт возьми, — выдыхает он. Боль пронзает мой скальп, когда он убирает вторую руку, обернутую вокруг моей талии, отрывает меня от пола, только чтобы вцепиться своими пальцами поглубже в мои волосы, отчего моя спина выгибается дугой. Я с остервенением цепляюсь за дверной косяк, когда понимаю, что он тащит меня обратно в ванную. Он дергает сильнее, и пальцы соскальзывают. — Твоя задница будет принадлежать мне, как только я нас помою. Ты устроила такой беспорядок.

Я пинаю его ногой, в надежде, что это поможет. Он же лишь вцепляется в меня еще крепче.

— Ни одна моя часть тебе *не принадлежит*, — я выставляю вперед руки, чтобы воспротивиться возвращению в душ, но он игнорирует это и открывает дверцы кабинки.

— Я думаю, это спорный вопрос. Посмотри, кому из нас нужна помощь, — он останавливается перед стеклянной дверью и поворачивает мою голову лицом к зеркалу. То, что я вижу в отражении, повергает меня в шок — застывшая, наполненная возбуждением пара, которая полна страсти, только по двум разным причинам. Никогда не считала себя маленькой женщиной, но образ позади меня большого и сильного мужчины, заставляет меня реагировать так, как я не должна. Не помогает даже то, что происходит и сколько боли он продолжает мне причинять. Мне так долго было больно внутри, что эти новые ощущения подсознательно заставляют выбирать меньшее из двух зол, и я знаю какое для меня предпочтительней. Которым... могу насладиться.

— Тебе это нравится, — произносит мужчина, притягивая меня ближе к своему лицу. Он наклоняется и кусает меня за губу, чем застает врасплох. Зубами клацаю в ответ, пытаюсь добраться до него, хотя моя реакция и запаздывает.

— Нет. Я ненавижу это. Я ненавижу *тебя*. Позволь мне уйти. Я не хочу быть здесь.

— Это плохо. Ты хотела умереть, и вот теперь я — твой Господин.

Я в замешательстве качаю головой.

— Ты пытаешься заставить меня не убивать себя. Но ты не можешь заставить меня передумать.

— Кто об этом говорит? Просто потому, что я не позволяю тебе убить себя прямо сейчас, не означает, что я не сделаю этого, когда почувствую, что ты готова.

Мой мозг пытается переварить его слова, когда он шагает назад в душ, а я не оказываюсь на его пороге. Прежде чем я успеваю схватиться за створки, он опускает меня и дергает за волосы, прижимая спиной к стене. В ловушке. Неожиданно на нас начинает литься вода, и он тянется вниз, снимая свои штаны.

— Как много времени пройдет, прежде чем ты решишь, что я готова? — я поворачиваюсь к нему спиной, не желая больше видеть его обнаженное тело. Того факта, что я уже сдалась — достаточно. Чувствовать еще больше похоти по отношению к этому мужчине, просто неприемлемо. Откуда во мне столько дерьма и темноты, если его терапия работает? Какая же я извращенная сука на самом деле?

— К сожалению, я не разговариваю с человеческими затылками.

Мои глаза закрыты, а раздражение заставляет меня отчаянно желать напасть на него. Я оборачиваюсь, изо всех сил сдерживая этот порыв.

— Ладно. Как долго я буду вынуждена оставаться здесь до того, как ты позволишь мне положить конец, катастрофе всей моей жизни, раз и навсегда? — горечи в моих словах даже больше, чем той боли, которая умоляет меня отправиться вслед за своей семьей. Это должно было стать личным делом. Его вариант мне подходит, но я не могу с этим смириться.

— Рабыня...

— Меня зовут Диана, — огрызаюсь я.

Гравитации больше не существует. Я распахиваю глаза еще шире, когда он впечатывает мою спину в стенку душевой. Одна его рука сильно прижимает мое тело, другая держит в захвате оба моих запястья, вдавливая их в мою грудь.

— *Ты* — рабыня. *Я* — Господин. Чем раньше ты это поймешь, тем скорее достигнешь пункта назначения. Не пойми меня неправильно, я мог бы сделать это прямо сейчас, настолько медленно и мучительно, что ты себе даже не представляешь. Но если ты этого не хочешь, то будешь выполнять мои приказы. Теперь скажи: "Да, Господин", и я отпущу тебя.

С легким рычанием, сам не свой от постоянного удушающего притяжения, он наклоняется ко мне. Вспыхивающий страх, подсказывает мне, что я действительно его совсем не знаю.

— Скажи это! — он прижимает мои руки к груди еще сильнее, пока не создается ощущение, что ребра вот-вот треснут.

— Да... — пока мы смотрим друг на друга, я ищу правильный вариант ответа. Из меня вырывается стон, я знаю, что не смогу этого сделать. Я не смогу покориться воле человека, подобного ему. Он хочет, чтобы я пошла против своей сути. Он преступник, и я не буду подчиняться. Согласившись на это, я отдам ему всю власть.

— Только одно слово. Скажи, *рабыня*, — верхняя часть его тела прижимается ближе, и я отворачиваюсь, разрываясь между возможностью получить желаемое, и тем, что должна переломить себя.

— Ты не мой хозяин. Я буду называть тебя по имени, но я не отдам тебе звание, которое

даст право мной владеть. Во—первых, ты этого не заслуживаешь. А во—вторых, ты ни хрена для этого не сделал, — говорю я, заглатывая воздух, которого не хватает моим легким.

Я осторожно поднимаю взгляд, почти боясь увидеть то, что меня ожидает. Последнее мгновение моей жизни? Форменное изнасилование? Встречая взор голубых глаз, я понимаю, что ход его мыслей намного хуже. Даже если я мужественно встречала все невзгоды, посылала его куда подальше, то когда взгляд мужчины приклеивается к моему лицу, я слишком напугана, чтобы двинуться.

— Так будет, — рука, поддерживающая меня под зад, исчезает и если бы не давление, толкающее к стенке меня в грудь, я бы упала. Он протягивает руку, поворачивает кран и регулирует душ, пока вода не начинает литься потоком. Скорость, с которой меня осыпает ледяная вода, когда он затаскивает меня внутрь кабины за волосы, почти сбивает меня с ног.

Непроизвольно из моего рта вырывается вопль, от холодной влаги, что орошает мои лицо и голову. Вода попадает в рот, и я захлебываюсь, прижимаясь к стене. Он отстраняется на несколько сантиметров, издавая рев, пока я пытаюсь откашляться.

— Я твой Господин и ты скажешь это.

Равнодушие снова вступает во владения. На сей раз, я могу отдышаться и удержать его даже при том, что оно почти исчезает от шока из—за перепада температуры. Проходят секунды, мои легкие горят, в то время как я пытаюсь отстраниться, чтобы мужские руки больше меня не касались. Но пока я не могу отодвинуться, поток воды хлещет по мне.

— Скажи это!

Меня тянут назад, и я глубоко вздыхаю.

— Нет, — удается выдать мне между вдохами.

— Ты так чертовски упряма, — вода выключается. — Ты назовешь меня Господином до того, как закончится ночь. Если же нет, — он распахивает дверь, вытаскивает меня, и марширует со мной на руках в ту ужасную комнату, — я заставлю тебя, тем единственным способом, которым тебя можно разговорить.

Множество видеокамер, наблюдающих за каждым моим шагом, по десять штук в каждой комнате, больше не сводят мою челюсть. Я едва слышу его угрозы, когда сосредотачиваю все свое внимание на кровати, которая выглядит ужасающе.

Мы продолжаем двигаться, и он тянет меня ближе к *ней*. Мои зубы стучат, но я не чувствую холода. Только страх от вида толстых удерживающих устройств, прикрепленных к передней части кровати. Это даже не наручники, а натуральные кожаные манжеты, как те, которые надевали на меня в больнице.

— Нет! — перед тем, как рухнуть на кровать, я начинаю сопротивляться, но его тело плотно прижимает меня к матрасу.

— О, да, — шипит он сквозь зубы.

Мужчина поднимает вверх мою руку, будто я не оказываю сопротивления. Другую он удерживает с той же легкостью. Я оказываюсь широко распластана напротив королевских размеров матраса, без возможности пошевелиться.

— Зачем ты это делаешь? — всхлипываю я, не в силах скрыть отчаяние, которое меня переполняет. И которое я пытаюсь сдержать внутри себя.

Он щурится, быстро скрывая промелькнувшее мягкое выражение лица, и откидывает назад мокрые волосы, которые прилипли к моей щеке.

— Потому что я могу. Скажи мне. Если бы тебе пришлось выбрать прямо сейчас, что бы ты выбрала: умереть здесь, в этом доме, или уйти и быть вынужденной прожить еще сорок

лет в реальном мире?

Нет никаких сомнений, когда дело доходит до ответа.

— Я бы предпочла умереть. Независимо от того, где это произойдет. Но это в том случае, если бы у меня был выбор. Которого у меня нет.

— Разве ты не видишь ничего хорошего через сорок лет? Это почти вся твоя жизнь, плюс еще лет десять. Как можно прожить их и не захотеть узнать, что будет дальше?

Я не хочу об этом думать. Даже не хочу рассматривать такой вариант.

— Моя жизнь закончилась, когда погибли мои муж и ребенок. Какую из этого часть, ты не уяснил? И все, что ты запланировал для меня — бесполезно. Убей меня, или дай мне уйти. Зачем чего-то ждать? Я же говорила, что хочу умереть. Я не собираюсь менять свое решение. Все эти манипуляции — все зря. Пожалуйста, — шепчу я, пристально всматриваясь в его глаза. — Я умоляю тебя. Разве я не достаточно настрадалась?

Настоящая боль ощущается от его жалости, когда он начинает поглаживать пальцами мою щеку.

— Страдания проявляются в разных формах. Некоторые могут убить нас изнутри, но именно они делают нас сильнее, помимо того вреда, который приносят. Я чувствую твою боль, рабыня, как если бы она была моей собственной. Извини, но смерть не посетит тебя сегодня вечером. Не от моих рук. Пока нет.

С этими словами он поднимается и подходит к шкафу. Что он имел в виду, когда сказал, что чувствует мою боль как свою собственную? Неужели он потерял кого-то? Или же подумывал о самоубийстве и не довел дело до конца? Мужчина, на чью спину я смотрю, вдруг видится мне в другом свете. Интригующим. Что же он надеется сделать или доказать? Что я не заслуживаю закончить свою жизнь? Мысли скачут в голове, пока он что-то перебирает на верхней полке. Мышцы его бедер напрягаются, когда он наклоняется немного вперед и назад. Я медленно поднимаю глаза вверх, осматривая его задницу, пока не достигаю упругих мышц на спине и плечах. По моей коже распространяется огонь, и я невольно издаю звук отвращения к себе. Что я делаю? Я растаиваю от малейшего чувства понимания и теперь собираюсь довериться ему?

Ящик падает на пол, а потом слышатся его ругательства. Он наклоняется и поднимает содержимое, кровь стекает с промокших бинтов, которые привлекают его внимание в то время, как он кривится. Еще больше проклятий заполняет пространство между нами, и он набивает ящик до самого верха и приближается к видеокамере. Взгляд, который он бросает, проходя мимо меня — это смесь досады и чего-то еще, что выходит за рамки моего понимания.

— Прямо сейчас — тебе очень повезло. Ты даже не представляешь на сколько, — он хватает бинты, раскладывая их перед собой, пока снимает испачканные.

— Иисус, — мой рот раскрывается от того, как глубоко выглядят порезы, даже с такого расстояния. — Необходимо перетянуть рану и остановить кровотечение. Или даже зашить. Тебе это не помешает.

— Чего ты ждешь от меня? Что я оставлю тебя и отправлюсь в больницу, чтобы наложить швы? Нет. Я зашью себя позже, сам.

Я стискиваю зубы.

— Я сама сделаю это, если ты меня развяжешь.

Он смеется.

— Как будто я позволю тебе подойти ко мне с иглой. Вероятно, ты попытаешься

выколоть мне глаза... этой чертовой шпуквиной. Заманчиво, да, но я не дурак, который подумает, что ты вознамерилась отложить свое самоубийство и помочь мне. Это пустая трата времени. Я собираюсь просто разложить эти чертовы вещи на место, чтобы спокойно спать сегодня ночью. Вот и все.

Его веки опускаются от усталости.

— Ты ведь ходила в школу медсестер до того, как познакомилась со своим мужем.

Это не вопрос. Совершенно очевидно, что он знает.

— Да. Я работала на трех работах, когда ходила на занятия, но мне удалось закончить. А потом я поняла, что это не для меня. И тогда я начала писать. Это стало моим призванием.

Он закатывает глаза.

— Попробуй сказать правду, рабыня. Ты просто не смогла смотреть на смерть, которая тебя там окружала.

Ох, если бы я только могла стереть воспоминания.

— Я думала, что работая с детьми с онкологическими заболеваниями, смогу оказаться полезной. Смогу помочь им увидеть, что они все еще живы. Ты прав. Оказалось, что мы теряем больше, чем спасаем. Это разрывало меня на части, — я отворачиваюсь от него, смотрю на шкаф, но не вижу его. Те дети преследовали меня в течение многих лет, даже после того, как я сменила профессию. — Не пойми меня неправильно. Тем, кому я действительно хотела помочь... лучшее, что я могла сделать, это помочь и уйти. Я просто не могу видеть страдания других, когда не в силах ничего изменить.

— Ты не можешь безучастно стоять в стороне. Это ясно, как день, — звук отрываемого бинта заставляет меня поднять глаза, и я вижу, как он закрепляет новую повязку на своей руке. Вот тебе и сбежала. — Твой характер для меня немного непонятен. Ты всю жизнь удерживала контроль в своих руках. Сейчас это закончилось. Я забрал его у тебя. На этот раз, ты позволишь вести кому-то другому, и ты подчинишься. Я знаю, тебе это не нравится, и это очень плохо.

— Ты не сможешь заставить меня слушаться тебя, если я откажусь.

Из него вырывается негромкий рык.

— Я не позволю тебе лишить меня того, что я хочу. Как я уже говорил, у нас есть все время мира. Чем больше ты будешь с этим бороться, тем дольше пробудишь здесь. Подумай об этом.

Я закрываю глаза, сопоставляя его слова с тем, что чувствую. Могу ли я просто отпустить контроль? Посмотреть, что из этого выйдет? Только если это ускорит встречу с Ронни и Кейли.

— Что ты сделаешь, если я скажу тебе, что можно обрести свободу став покорной?

Покорной?

Бинт ложится плотно и ровно. Он подходит ближе, каждый его шаг посылает доминирующие волны. Его обнаженная фигура, кажется настолько большой, что заставляет мое дыхание участиться. Не только из-за возбуждения, а и из-за того, как он влияет на ту меня, которая скрывается внутри. На настоящую меня.

— Господин? — шепчу я. В моей памяти так быстро всплывают образы меня и Ронни, сидящих за столом, что я едва могу их разобрать. Когда дело дошло до секса, я оказалась совершенно не опытной в отличие от своего мужа, но я припоминаю разговор, который мы вели в самом начале наших отношений. Он что-то говорил о подчинении. Об обмене энергией. Хотя, я не помню его, как человека, который все контролировал.

— Повтори, — он практически мурлычет, когда опускает свои руки на мои обнаженные ноги и проводит по ним вниз, а потом вверх, прижимая к матрасу. Моя голова опускается, не в силах сопротивляться примитивному желанию увидеть, как его тело реагирует на наш разговор. Его член настолько длинный и толстый. Почему меня волнует этот факт?

Я прочищаю горло, пытаюсь заставить свои ноги, лежать ровно, чтобы попытаться пнуть его в идеальный живот и отправить в полет.

— Я не имела в виду тебя. Я думала, — как бы я не заставляла себя, я не могу пошевелиться.

— Нет, ты вспоминала. О чем? — он подходит ближе, накрывая половиной своего тела мой бок, и подпирает голову локтем, укладываясь рядом со мной. Весь его член ложится поперек моего живота, такой мощный, теплый и длинный. Он все, о чем я могу думать.

— Иисус, ты не отодвинешься? Я не понимаю, почему ты делаешь это. Нет никаких причин, по которым ты вообще должен ко мне прикасаться. Или почему мы должны быть обнаженными. Просто... — используя весь свой вес, я отталкиваюсь ногами от матраса, чтобы поднять свои бедра. Его ноги толкаются вниз, припечатывая меня обратно к кровати.

Боль и удовольствие разносятся по моему клитору, когда он шлепает по моей киске. Я мгновенно сжимаю ноги, в шоке уставляясь на него.

— Не дергайся или я сделаю намного больше, чем это, — он опускает голову, утыкаясь мне в шею, и глубоко вдыхает. — Ты знаешь, никто не спал со мной в постели уже несколько месяцев. Будет приятно знать, что ты здесь. Мне не придется проверять тебя всю ночь. Я могу просто перевернуться, и ты будешь рядом, — зевает он. — Я думаю, что мне это понравится.

— Я не хочу, — бурчу я себе под нос.

Он приподнимается достаточно высоко, чтобы вытянуть из-под себя одеяло, а потом накрывает им нас.

— Отбой, — и освещение просто гаснет.

— Свет, — произношу я, удерживая взгляд на темноте потолка. Если я повернусь, то мы окажемся нос к носу.

Он улыбается.

— Он реагирует только на мой голос, рабыня. Так что, спи. Завтра у нас будет долгий день, — покалывание распространяется от его пальцев, которыми он скользит к низу моего живота. — Но если ты не устала...

— Руки прочь. — Я успеваю отодвинуться на дюйм, прежде чем он притягивает меня еще ближе, чем раньше, накрывая мои бедра своими. И снова, все, что я могу чувствовать — это его член, который прижимается ко мне.

— Не расстраивайся, — шепчет он возле моего уха. — Я буду рядом с тобой всю ночь. Может, тебе даже понравится, если вы позволишь себе расслабиться.

Я со всей силы зажмуриваюсь, пока жду, что его рука двинется ниже. Но этого не происходит. Он начинает храпеть через несколько минут, а я получаю возможность сдвинуть ногу, чтобы пнуть его, если захочу поступить как сука. Только я не хочу его будить. Впервые с момента своего прибытия сюда, я чувствую себя расслабленной. Непринужденной. Завтра, я попробую сбежать еще раз. Или найду что-то, что покончит со мной. Больше я ничего не могу сделать. В моей голове зарождается что-то малюсенькое, и я не могу разобрать, что это. Месть? Любопытство узнать, кто он? В ней так много вопросов, наряду с гневом, связанным с моей ситуацией. Он заставил меня усомниться. От чего желание убить себя,

становится даже больше, чем прежде; как пламя, разгорающееся в темном мире, где я существую.

31 августа (День 2)

Я просыпаюсь от пронзительного и душераздирающего вопля. Но он не из-за меня. Он из-за Ронни — погибшего мужа моей рабыни. Я знал, что это случится. Неделя, когда я изучал кто она такая, разговаривая с медсестрами, врачами, и даже с женщиной, которая живет по соседству, позволили мне узнать, что это происходит каждую ночь.

Диана умоляет его вернуться, я же разрываюсь между желанием разбудить ее или позволить девушке остаться в том аду, который живет в ее сознании. Мои принципы побеждают. Так что, когда ее ресницы начинают подрагивать, и она открывает глаза, щурясь на свет, включенный позади меня, то начинает плакать еще сильнее.

И тогда я целую рабыню. Потому что большая часть меня, хочет поглотить ее боль и облегчить страдания. Другой же причина в том, что мне нужно нанести следующий удар. Секс играет для Дианы огромную роль. Я прикасаюсь к ней и даю понять, что готов пойти до конца. Но я знаю, где проходит граница дозволенного. А она — нет. С отвращением, которое она ко мне испытывает, все происходит так, как я запланировал.

Прокус на моей губе, является лучшим тому доказательством. Черт, упрямая женщина наносит удар мне в лоб сильнее, чем я рассчитывал. Даже если я делаю это для ее же блага, она будет рвать меня на куски, пока это не закончится. И скорее изнутри, чем снаружи... ведь я не должен был так сильно увлекаться ей. Я не очень хорошо справляюсь с отказами. А сейчас, я жажду каждую частичку ее тела и разума.

Шуршание заставляет мою руку замереть. Ее голова поворачивается; я знаю на что иду. Снова. Часы оповещают, что сейчас семь утра. Даже с неожиданным пробуждением около трех ночи, я все равно проспал больше чем обычно.

— Просыпайся, рабыня, — я закрываю книгу, отталкиваясь ногами от пола. Моя рука пульсирует от боли, доказывая какой ублюдок скрывается под пиджаком классического костюма, когда я подхожу и постукиваю ее по ноге. Но все не так уж и плохо, как я думал в начале — жидкий медицинский клей отлично скрепил края раны. — Поднимайся, живо. Ты не будешь разлеживаться весь день. У тебя на сегодня много работы.

Я встаю возле кровати и жду, как она отреагирует, когда поймет, что за час до ее пробуждения, все удерживающие манжеты были сняты.

Дыхание рабыни выглядит замедленным. Видимо, кошмар позади.

— Уходи, — стонет она.

— Не ранняя пташка? Как насчет кофе?

Будильник пищит второй раз, когда она перекачивается на живот и замирает. Девушка рывком дотягивается до колен и поворачивает голову в моем направлении. Темные локоны ложатся вокруг ее головы волнами, из-за того, что она легла в кровать с мокрыми волосами.

— Как думаешь, ты можешь вести себя хорошо или мне стоит вернуть их на место?

— Ты имеешь в виду, — она отодвигает с лица свою длинную челку, — что они не будут

на мне надеты все время пока я здесь?

Я приподнимаю бровь.

— Зависит от тебя. Это тест. Для начала, я позволю тебе передвигаться по всей комнате. Но, — подчеркиваю я, — если я почувствую, что ты что-то задумала или ты сделаешь что-то *неразумное*, я ограничу и привяжу тебя снова. Теперь сходи в туалет, только быстро. На столешнице лежит зубная щетка.

Как ни странно, она повинуется без лишних вопросов. Когда дверь закрывается, я подхожу к монитору, на который не смотрю. Я знаю, что там она в безопасности. Бачок унитаза оживает от звука спускаемой воды. Через несколько минут, девушка возвращается обратно.

— Я ненавижу, что ты вторгаешься в мою частную жизнь, — на ее лице проступает гнев, когда она приближается ко мне. — Плохо уже то, что я вынуждена ходить перед тобой голой. Но это, — произносит она, указывая на дверь ванной комнаты, — переходит все границы.

— Если это заставит тебя почувствовать себя лучше, то я не *вторгаюсь* в твою частную жизнь. Но если я почувствую, что мне нужно будет это сделать, я сделаю. Сейчас, заходи. Одежда в твоём шкафу. Для начала, ты должна одеться. Есть много вещей, которые я хочу, чтобы ты сегодня сделала.

Устало, она подходит ближе. Она похожа на домашнее животное, которое впервые выпускают на волю. Кажется, нет ничего, что она пропускает, пока бешено осматривается вокруг, следуя позади меня.

— Что ты собираешься делать со мной? Мне нужно будет и дальше смотреть фильмы, как это было вчера?

Разбитая лампа и окровавленные простыни спрятаны. Я потратил полчаса, прежде чем привести в порядок душевую, убирая за ней беспорядок. Если бы я доверял Диане, и она не пыталась бы изрубить меня в фарш этой чертовой сломанной штуковиной, то я заставил бы ее саму все очистить. Но пока, она настроена перерезать мне глотку. Или себе. А я не позволю этому случиться.

— Да, помимо других вещей, которые тебе совсем не понравятся. Обсудим это позже. В ящике лежит белье, а в шкафу белый сарафан. Наденьте их, — я беру пульт, нажимаю на кнопку, чтобы вчерашнее видео повторялось снова и снова. — Пока я не принесу твой кофе и завтрак, ты будешь его смотреть, а потом расскажешь мне, что узнала, пока меня не было.

На экране жертва, которая умерла от передозировки. Я знаю это видео, как свои пять пальцев, так что я устрою целую викторину, вопросы которой уже плавают в моей голове.

— Это действительно необходимо? Я имею в виду, я знаю, что собираюсь умереть. Что изменится от просмотра этого документального фильма? Это точно не пойдет мне на пользу, при принятии окончательного решения, как именно покончить с собой.

Яжимаю плечами.

— Нет. Это тебе не поможет. Но, как я уже говорил раньше, это то, что произошло. Кто-то всегда имеет дело с последствиями. Ты собираешься взять ответственность за совершение самоубийства и должна иметь представление, с чем они имеют дело, прежде чем я позволю тебе себя убить.

— Я ценю это, — стонет она, надевая через голову платье. — Их работа отстой, но не я им ее выбирала. Если бы это зависело от меня, я бы умерла в морге. Мне плевать. По крайней мере, так бы я сразу оказалась в нужном месте. Я просто хочу уйти.

Меня почти выворачивает от ее нетерпения. Все эти часы, что я давил на ее психику — зря потраченное время. Это кажется мне совсем минимальным прогрессом. Но по крайней мере, Диана больше не находится в режиме "зомби". Это существенный плюс. И она хорошо отзывается на прикосновения. Если ты думаешь, что все под контролем, то это не так.

— Время, рабыня. Сейчас твоя смерть находится в режиме ожидания, пока я не пойму, что ты готова, — я указываю на телевизор. — Смотри. Я проведу тестирование, когда вернусь.

Одерживая легкую победу в этом вопросе, я закрываю вторую дверь изнутри и выхожу через главный вход, запирая его на ключ. Она не догадывается, что я запланировал для нее на сегодня. Если она думает, что события вчерашнего дня заставили желудок рабыни сжаться, а я знаю, что ее чуть не стошнило, то представляю, как изменится лицо Дианы от моего следующего теста. Она захочет мне отомстить? Все разрушить? Если она это сделает, смогу ли я приковать ее снова? Последнее даже не является вопросом. Я *хочу* помочь ей преодолеть это. Мне придется. Другой вариант даже не рассматривается.

Лестница скрипит под моими ногами, пока я вытаскиваю из кармана брюк телефон и нажимаю на экран, чтобы вывести изображение на дисплей. Даже если я не наблюдаю за ней из своей комнаты, я все равно в состоянии ее видеть. Первые минуты ее полного одиночества крайне важны. Хотя Диана была заперта в комнате, она все же умудрилась разбить лампу. Я забрал вторую из ее спальни на всякий случай, вдруг она захочет сделать это снова, никогда не помешает лишняя предосторожность. Все является оружием. Нужно просто уметь правильно его использовать. Судя по тому, как она расхаживает по комнате, ее разум уже полным ходом перебирает варианты.

Звуки фильма заполняют кухню, когда я прибавляю громкость. Я могу видеть, как шевелятся ее губы, но понятия не имею, что говорит моя рабыня. Я включаю чайник и достаю с полки кофе, раскладывая фрукты на тарелке.

— Что-нибудь. Что-нибудь, — повторяющееся слово звучит так отчаянно и мучительно. Она подходит к шкафу, и я нажимаю на экране кнопку, переключаясь на камеру в задней части шкафа. Я в слепую тянусь за бейглом, когда она начинает рыться в одежде. Ей в руки попадает синее платье, заставляя приоткрыться ее рот еще шире. Гардероб набит ее собственной одеждой. Принадлежащей ей в реальной жизни.

По ее лицу скатывается слеза, и она закрывает глаза глубоко вздыхая. Я хмурюсь, раздумывая, что всплывает в ее памяти. Она наряжалась в это платье по какому-то особому случаю? Или эти воспоминания связаны с ее мужем, дочерью, или даже обоими? В нем нет ничего особенного. Оно на бретельках и скорее напоминает летний сарафан. Что-то подобное она могла надеть в парк или загород.

Черты ее лица приобретают ожесточенность, и это заставляет меня приблизиться к экрану. Она бросает платье на пол и начинает срывать с вешалок все, до чего могут дотянуться ее руки. Я наблюдаю, позволяя Диане самой разобраться с этим. Я не стану прерывать ее, пусть выплеснет горечь. Она была хорошей до того, как посмотрела в лицо своим страхам.

Платье висит в конце шкафа, точно так же, как было расположено в ее собственном гардеробе. Я переключая камеры, чтобы иметь лучший обзор. Когда она проходит вглубь, то на мгновение замирает, прежде чем дернуть за молнию защитного чехла. Я знаю, что внутри находится расшитое блестками красное платье, и на мой взгляд, в нем нет ничего запрещенного.

— Боже, пожалуйста, — нервно выдыхает она.

Мой пульс подскакивает, и я понимаю, что двигаюсь к кухонной двери. Мог ли я что-то пропустить во время обыска?

Застежка-молния уже опущена вниз, когда изображение пробивает брешь в моем спокойствии, и я направляюсь к лестнице. Я остаюсь сосредоточенным, поскольку наблюдаю за ее манипуляциями с платьем, когда вижу потайной карман. Бл*дь! Я не собираюсь ждать, пока она что-то вытащит. Я срываюсь на бег, перескакивая ступеньки, и направляюсь к ее двери. Ключ царапает мою ладонь, и я впикиваю его в замочную скважину, поворачивая быстрыми рывками. Мои глаза снова опускаются на дисплей, как раз вовремя, чтобы увидеть, маленький антикварный нож в ее руке. Она бросается в дальний угол, и поворачивается так, что я больше не вижу, что она делает.

От моего толчка дверь с грохотом ударяется об стену, и я мчусь к шкафу, наблюдая, как она разворачивается ко мне. Капля алой жидкости скатывается вниз по руке, когда я бросаюсь на нее, отражая удар, который мне наносят.

— Отвали от меня! — она пытается выдернуть руку из моего захвата, и нож падает на пол, когда я едва не переламываю ее запястье.

— Ты действительно думала, что я не узнаю, что ты делаешь? — взрываюсь я. Моя рука сжимает ее горло, а собственное прошлое, встает перед глазами красной пеленой. — Что я тебе говорил? Ты просто не можешь не сопротивляться, не так ли? — я впечатываю ее в стену, даже не задумываясь, что делаю.

— Давай же, — булькает она задыхаясь. — Сильнее.

Я усиливаю хватку и замечаю, что ее руки тянутся вверх, как будто она хочет схватить меня за руку, но останавливается, просто закрывая глаза. Я не могу сделать это. Не могу понять, как легко она принимает исход. Она уже мертва. В душе.

Губы Дианы синеют. Я выпускаю рабыню из рук, загоняю в сторону кровати и накрываю ее своим телом, прежде чем она может ускользнуть. Паника на ее лице говорит мне, что она знает, что будет дальше. Вопль заполняет комнату, когда я борюсь с ее сопротивлением и заковываю в наручники. На ум не приходит ничего кроме крови, которой была покрыта моя жена. Единственная настоящая рабыня, которая когда-либо была у меня. Я не смог спасти ее тогда; даже не увидел глубину всей той боли, которую она хранила из-за утраты нашего новорожденного сына. Попытка Дианы болезненно напоминает мне об этом. Слишком болезненно, чтобы я мог принять это.

— Теперь ты заплатишь за свою глупость.

Своими действиями она причинила мне боль, вскрыв эмоциональные раны, которые я даже не знал, что все еще были. Те, что я отгонял от себя так, как только мог. Эта опасная ситуация доводит меня до отчаяния, и я не могу думать ни о чем другом, как преподать ей урок, который так или иначе заставит ее отказаться от желания умереть.

Лямки платья соскальзывают, когда я дергаю его вниз, обнажая ее грудь. Я не собираюсь дожидаться ее реакции. Моя одежда летит на пол, и я возвращаюсь обратно, кусая девушку за шею, посасывая нежную кожу и прокладывая путь ниже.

— Нет, — всхлипывает она, мотая головой.

— Да, — произношу я с большим трудом. — Ты не хотела ничего чувствовать, так что без вариантов.

Я стаскиваю ее платье до бедер, оттягиваю трусики, пока не слышу, как они разрываются с одной стороны. Натягивая их рывком, они врезаются в ее кисть.

— Ты знала о последствиях. Знала, что я наблюдаю, — говорю я, стягивая их, чтобы образовалось давление между ее складок, перед тем, как сжимаю трусики еще сильнее. — И все же ты попыталась навредить себе. Как думаешь, что должно было произойти дальше? Определенно не смерть, которую ты так жаждешь.

— Остановись, — выкрикивает она. Ее голова поднимается, когда я наклоняюсь и всасываю в рот ее сосок, сжимая его зубами. Мои глаза остаются на ней все время, пока я дразню тугую горошину, повторяя действия. Жестко кусая напоследок. — Пожалуйста... Господин, — умоляет она, и голос к концу становится громче.

Рычание грохочет в моем горле, и я разжимаю губы. Назначенное мной стоп-слово — произнесено. У Дианы нет другого выхода. Если бы у нее все получилось, то сейчас, она была бы уже мертва в том шкафу. Возможно, мои действия выглядят неприемлемыми, но что остается делать? Я заставляю ее чувствовать, даже если это будет последняя вещь, которую мне суждено сделать.

— Скажи это еще раз, рабыня, — моя рука запутывается в густых волосах, пока я удерживаю ее голову и посасываю нижнюю губу.

— Слезь и я выполню, — слова, вылетающие из ее рта, заставляют бежать мою кровь еще быстрее.

— Ты не можешь торговаться со мной. Здесь я отдаю приказы, а не ты, — я сжимаю сильнее, боль отражается на лице рабыни, и я запрокидываю ее голову назад под неудобным углом. Недовольство превращается в стон, когда мой член скользит напротив ее мокрой щели.

— Скажи это.

Она втягивает воздух ртом, пока я продолжаю об неё тереться. Мой член изнывает от желания оказаться в ней, почувствовать крепкий захват, пока я буду погружаться в ее тело до самого основания. Мои внезапные опасения приводят меня в замешательство: должен ли я буду двигаться в её киске быстро, пока она не станет молить меня о пощаде, или я буду должен быть медленным и по возможности страстным. Обычно это не мой стиль. Не был им даже с Розой.

— Ты остановишься, если я повторю это?

Опускаю руку вниз, и я проталкиваю ее так, что она оказывается между девичьих ног. Влажность, что встречает меня, заставляет мои глаза закрыться в недоумении. Она такая горячая и мокрая, нуждающаяся, такая отзывчивая к моим прикосновениям. Я очерчиваю по кругу ее дырочку, не собираясь проникать внутрь, даже если она начнет раскачивать бедрами.

— Я жду.

Ее ноги сгибаются, и она отталкивается бедрами, пытаясь сбросить меня, но я с легкостью удерживаю рабыню прижатой к матрасу.

— Нет. Не раньше, чем ты согласишься, и слезешь с меня.

— Ты совсем не слушаешь. Своим молчанием, ты просто показываешь мне, что на самом деле не хочешь, чтобы я останавливался. И это хорошо, потому что я не хочу этого делать.

Я утыкаюсь в ее шею, пока мои пальцы оказывают магическое воздействие на ее киску. Медленными кругами, я двигаюсь вверх по щелочке, пока дыхание Дианы не становится глубже. Я знаю, что она пытается сдерживать звуки, но девушка не в состоянии остановить себя, от вращения бедрами из-за моего поддразнивания.

— О, Боже, — Диана пытается отрицательно покачать головой, но я держу ее за волосы так крепко, что она едва может двигаться. — Ты должен остановиться.

— Почему? Потому что тебе это нравится? В этом нет ничего плохого, рабыня, — по крайней мере, она чувствует нечто иное, чем желание умереть. Мои прикосновения перемещаются вниз до тех пор, пока не достигают момента, когда я могу проникнуть в нее. Ее зубы впиваются в губу до крови.

— Ты не прав, — взрывается она, издавая стоны в процессе. — Это неправильно. Слезай. — Рыдает она, пинаясь и выгибаясь. Раз. Второй. Я оставляю в покое ее киску и расстегиваю ремни, освобождая руки. Когда я становлюсь на колени, то хватаюсь за ее лодыжки, соединяя их, пока она продолжает со мной бороться.

В тот момент, когда я снова сжимаю вместе лодыжки, я поднимаю её ноги, раздвигая бёдрами, и устраиваюсь между ними, пока полностью не ложусь на неё. В её киске будет так тесно... я уже это представляю.

— Я хочу тебя, рабыня.

— Диана, — произносит она сквозь слезы.

— Ты — моя рабыня. Диана — мертва. Ты позволила мне убить ее.

Она отворачивает голову в сторону, и я прижимаюсь губами к ее уху.

— Теперь, ты принадлежишь мне. И я тоже принадлежу тебе. В этом мы вместе. Как все сложится — зависит только от тебя.

Медленно, она поворачивается ко мне, встречая мой взгляд с той темнотой, которая сидит внутри нее. Я не могу отвести глаза, с восхищением наблюдая за напряженностью, которая пленит каждую клеточку моего тела.

— Если это зависит от меня, значит, контроль мой. Не твой, — улыбка подергивает уголки ее губ. — Так, кто здесь сейчас хозяин положения... *Господин?*

Мой голос полон сарказма, когда я смотрю в его глаза, которые наполнены такой плотной пеленой воспоминаний, что это заставляет меня почувствовать себя растерянной. Пальцы пробегаются по моему плечу и захватывают волосы, дергая так сильно, что мне приходится откинуть голову назад во избежание удушья.

— Ты думаешь, что это чертова игра? — он сжимает сильнее, пока сквозь мои сжатые зубы не вырывается крик. Губы щиплет от прокуса и боль, не покидающая мое тело, возвращает к жизни каждый мой нерв.

— Да. Это *твоя* игра. Я просто мышка, которая бежит через лабиринт для твоего нездорового развлечения, — невозможно скрыть дрожь в моем голосе. Я так возбуждена и в тоже время напугана, что это даже не имеет смысла.

Зубы впиваются в мое плечо, заставляя меня закричать, срывая голос. Это мучительнее, чем все, что было раньше. Мое тело содрогается, дрожа от болезненных ощущений. Слезы начинают свободно капать еще до того, как я вспоминаю, что пыталась их сдержать.

— Неправильно, — огрызается он. — Это не игра, а урок. Когда ты узнаешь разницу, ты поймешь.

— Я не хочу понимать. Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое. Позволь мне уйти! — серьезно, со мной определено, что-то не так. Почему я не хочу, чтобы он прекратил причинять мне боль? Почему прекращает болеть душа, когда он угрожает, что трахнет мое тело? Понимание этого, заставляет меня сломаться еще сильнее. Это не нормально! В кого я превращаюсь?

— Очень плохо. Я хочу, чтобы ты показала мне борьбу. Твоего искреннего желания умереть — не достаточно. Прежде чем уйти из жизни, сначала ты должна начать жить. Ты должна заработать свой билет на другую сторону, и я буду единственным, кто поставит штамп в твоём сраном паспорте. Теперь, до твоих тупых мозгов должно дойти, что тебе придется вложить все свои силы, в какое-то стоящее дерьмо.

Если бы не его вызывающий тон, то я пропустила бы эти слова. Разговор с Джейми врезается в меня с силой грузовика.

— Ты хочешь, чтобы я делала что-то хорошее, чтобы заслужить смерть?

Хватка ослабевает, и я поворачиваюсь к нему лицом. Гнев превращается во что-то суровое, когда он смотрит вниз.

— Да. У меня для тебя есть работа. Она причинит тебе больше боли, чем ты возможна готова вынести, но она должна быть сделана, если ты хочешь, когда-нибудь покинуть это место.

Я проглатываю остатки жжения в горле от его удушья.

— Что это значит?

— Ты исправишься и будешь делать, что я скажу. Называй меня Господин и оставь попытки совершить такую же фигню. Только тогда ты сможешь узнать. У тебя впереди еще несколько недель, прежде чем наступит тот самый момент. Я не верю, что ты не причинишь вред. Себе или кому-то еще.

Кому—то еще? Звучит, словно я могу отсюда уехать. Или, по крайней мере, могу связаться с кем—то из внешнего мира.

— Если я буду выполнять твои приказы, то ты прекратишь это, прямо сейчас? — я пытаюсь сдвинуться под ним. Его нижняя губа выпячивается, пока пристальный взгляд остается прикованным к моему.

— Я не даю никаких обещаний.

— Мудак.

Пальцы сжимают нижнюю часть моего лица, сдавливая щеки.

— Выходит, твой Господин — мудак. Удачное начало, не забывай о нем.

— Отлично. Господин—мудак. Теперь ты отстанешь от меня?

Его голова наклоняется влево, а затем вправо в медленном покачивании.

— Последствия, рабыня. Ты еще не получила свое наказание.

— Наказание? Какого черта, разве это... — произношу я, смотря на его голую грудь, — это не является моим уроком?

— Тебе начинает это нравиться. Поэтому, давай наслаждаться обществом друг друга, словно это не единственная наша цель. Одно из двух. Выбор за тобой.

— Еще одно удовольствие, которым ты собираешься насладиться? — спрашиваю я, с просачивающимся в мой голос ядом.

— Ох, рабыня, ты даже не представляешь насколько. Я буду наслаждаться этим больше, чем ты можешь себе представить.

Конечно, он будет.

— Тогда ты должен мне доказать, что я избавлюсь от тебя.

Он смеется, издавая мягкий звук, который заставляет меня встретиться с ним взглядом, осознавая свою ошибку.

— Слезь с меня! — исправляюсь я. — Не... таким образом. Иисус. Ты всегда трахаешь мозг?

— Только тебе. Сейчас выбирай. Кнут или флоггер.

Мои глаза округляются, вспоминая приятное жжение. Неужели флоггер принесет мне столько же удовольствия?

— Это все варианты?

Снова эта улыбка.

— Мы могли бы продолжить с того момента, на котором остановились.

— Никогда! — слова срываются с моих губ раньше, чем я могу осмыслить сказанное им.

Большая часть меня, практически не хочет останавливаться, но это идет вразрез с моим желанием умереть. Против всего, что я храню в своем сердце. Я выдерживаю его пристальный взгляд и честно отвечаю:

— Флоггер.

— Жаль, что ты ответила так, и тем не менее — это ложь. В конце концов, ты отдашься мне, — мои ноги все еще приподняты, когда он освобождается из захвата моих бедер. — Но пусть будет по—твоему.

Член Господина по—прежнему также возбужден, как ощущалось, когда его длина скользила по моей киске. Я отворачиваюсь, когда он направляется к входной двери, отказываясь созерцать его тело, или пялиться на мужскую задницу. Боль будет лучше, чем альтернатива, где он трахает или насилует меня. Тем не менее, мне хочется на это посмотреть.

Я только начинаю расслабляться, когда он возвращается обратно, держа в руках кожаные манжеты. Они покачиваются от его движений, задевая ноги, когда мужчина подходит ближе. У меня сжимается горло, и мои руки начинают трястись от страха. Я не уверена, что хуже: его плоть, или размер члена. Оба могут быть использованы в качестве оружия. *Или удовольствия.*

— Я не должен этого делать, но чем черт не шутит? Возможно, ты продолжишь сопротивляться, — он в предвкушении облизывает губы, останавливаясь рядом с изголовьем кровати. Мой пристальный взгляд остается сосредоточенным на его лице, я не испытываю желание видеть насколько Господин возбужден. Он так близко. Здесь. Быть может на расстоянии двух футов. А его член, еще ближе. — Я собираюсь освободить тебя, но ты должна разместить ладони напротив стены и представить, что так начнется твое наказание. Если попытаешься сбежать, или убереешь свои руки... мы вернемся в кровать и продолжим с того места, на котором остановились.

Бл*дь. Почему я должна проходить через это? Почему надо выбирать один из тех вариантов, которые мне предлагают?

— Мои руки не оторвутся от стены, так что ты можешь выбросить из головы остальные варианты. Этого не произойдет

— Что же, посмотрим.

Он хватается за ключ, освобождая меня от наручников и заменяя их манжетами. Тяжесть разливается по моим конечностям, но я заставляю себя встать и подойти к стене прямо перед собой. У меня нет возможности сбежать от него. Я знаю, что не убегу далеко, так что последствия — это последнее чего я хочу: его обнаженное тело рядом с собой. Я действительно не смогу. *Не вынесу.*

Холод просачивается в мои пальцы, и я в ожидании закрываю глаза. Мягко лаская, он скользит по моей спине, и я вздрагиваю, когда мужчина перебрасывает мои волосы через плечо.

— Такая мягкая, — говорит он, подходя ближе и касаясь моего тела.

— Покончим с этим, — скрежещу я зубами. Я больше не хочу, чтобы он меня касался.

Господин хватается за бедра и дергает так, что мой зад почти прижимается к его телу.

— Через тридцать секунд, ты будешь жалеть, что не набросилась на меня, — он отступает, а я зажмуриваюсь, когда сосредоточенно приветствую боль. Было ли так и раньше? Чувствовала ли я себя лучше, несмотря на то, что находится внутри меня? *Мне бы хотелось. Не для чего сопротивляться. Это плата. Боже, я смогу. Я должна быть наказана, зато что хочу, чтобы он продолжал меня касаться. За желание, на самом деле ощутить его большой член.* Стон вырывается из моего рта, а ноги пылают в огне, который впивается в тело словно иголки, распространяясь по всей спине.

— Считай и благодари своего Господина.

Я даже не успеваю отдышаться, чтобы начать говорить. И я не успеваю ответить, когда он обрушивает на меня следующий удар.

— Сделай это!

Всхлипывая, я впиваюсь ногтями в ладони, отзываясь на его рычание.

— Два... спасибо... — Боже, это слово может меня убить. Я не могу дать ему такую власть.

Удар!

— Скажи это, — кричит он, вновь обрушивая удар. — Ты собираешься научиться повиноваться, даже если мне придется вбить в тебя это. Теперь, считай и благодари *своего* Господина.

— Четыре. Спасибо...

Удар!

— Еб*ть! — выкрикиваю я. Жар опалает заднюю часть моих бедер, заставляя мои колени подогнуться к полу.

— Это именно то, что мы собираемся сделать. Скажи, прямо сейчас, скажи, рабыня!

Удар! Удар!

— Нет! — я не могу остановить поток слез, который вытекает будто из моей души. Они льются по моим щекам, словно кто-то открыл кран. Возможно, это сделал он.

Удар!

— Скажи мне, кому ты принадлежишь?

Я должна сделать это? Поддаться ему и поклониться в ноги? Боль. Я родилась с ней, жила ей... питалась ей, как гребаным пятизвездочным изысканным блюдом.

Я открываю глаза, глядя на пути удерживающие меня. Мое тело содрогается, но я позволяю этим ощущениям себя затопить. Приветствуя их, вместо того, чтобы бежать, как я привыкла.

— Давай же, рабыня. Твои ноги уже дрожат. Говори!

Улыбка расцветает на моем лице и не исчезает от боли, опаляющей мою задницу. Я стону от жара, принимая его. Заключая в объятия.

— Может мои ноги дрожат, но я все еще стою.

Позади меня грохочет рычание, и от следующего удара, перед глазами начинают расплываться белые пятна. Мои волосы сжимают, а я оказываюсь скручена, и повалена на кровать.

— К черту это, — его палец проскальзывает в меня, и я пытаюсь бороться с желанием, но возбуждение, которое сопровождает его жесткий толчок, заставляет меня ожить. Мурашки покрывают мою спину, а тело начинает дрожать, когда он проталкивает второй палец. Мой разум, который умоляет о большем, не помогает остановить растущую напряженность в животе, но я полна решимости ее скрыть.

Я лишь раз ударяю локтем его бицепс, прежде чем он заламывает мою руку за спину, придавливая сильнее.

— Отъ*бись от меня! — мой рот говорит одно, а тело жаждет другого. Как раз, когда вырываются слова, я со стоном, сжимаюсь вокруг него, умоляя, чтобы он не останавливался.

— У тебя был шанс. Если бы ты не хотела меня, то подчинилась бы. Приказ был не сложный, — зубы сжимают мочку моего уха, и я не соглашаюсь из-за его пальцев, находящихся внутри меня. — Однако, можешь не переживать, рабыня. Я знаю, что тебе нужно. Зная тебя — ты не избежишь неприятностей.

Его пальцы исчезают, и он с силой проталкивается внутрь меня членом. Я молчу, по-прежнему не желая терять контроль, мечтая снова просто видеть его пенис, а не чувствовать внутри. Его рука скользит по моему бедру, и кончики пальцев пробегаются по расщелине, потирая клитор. Оргазм едва ли не накрывает меня, но все же мне удается его сдержать.

— Боже, ты такая чертовски тугая, — еще больше его значительной длины проталкивается в меня и мои бедра свободно приподнимаются. Он проникает в такие глубины, о существовании которых, я даже не знала. Я резко втягиваю воздух, от

переизбытка незнакомых ощущений. Несмотря на попытку игнорировать его прикосновения, удовольствие выстреливает прямоком в мой бутон, который он потирает. Мои бедра взлетают, и я с криком прячу лицо в стеганом одеяле, когда мне удастся подавить оргазм. — Иисус, гребаный... Христос, — стонет он, врезаясь в меня снова.

Толчки становятся жестче. Грубые, с желанием атаковать. Рука мужчины скользит по моей спине, оборачиваясь вокруг шеи, сжимая ее бицепсом... начиная меня душить.

— Я почти надеюсь, что ты будешь бороться со мной очень долго. Я могу привыкнуть к этому.

Мои руки взлетают вверх, и я впиваюсь ногтями в его кожу, ощущая, как он притягивает меня к себе еще ближе.

— Ты хочешь большего, не так ли? Вот так? — скорость скольжения его пальцев по моему клитору увеличивается, как и ритм проникновения его члена, из-за чего, мне приходится бороться с тем, что могло произойти с самого начала.

Мышцы непроизвольно сокращаются, заставляя меня закричать. Пальцы моих ног впиваются в его голень, когда я вхожу в раж. Отказываясь кончать с удвоенной силой, я все же не хочу, чтобы он останавливался. Пока нет.

— Ох, как же мне нравится, когда ты сопротивляешься, рабыня. Сделай это еще раз, — я едва могу дышать, когда он начинает сильнее сдавливать мое горло. — Ну же, пинайся ногами, — но все, что я могу — это изо всех сил царапаться ногтями, которые, кажется, нисколько его не беспокоят. Второй раз в своей жизни, мне становится понятно, насколько я беспомощна. Первый раз я была беспомощна, когда потеряла семью. Второй, теперь... с ним. Я вдруг чувствую себя совсем крошечной в его объятиях. Боже, он действительно может убить меня, если захочет. Почему я умоляла его о смерти, а теперь вдруг боюсь умереть? Ответ приходит быстрее, чем возникает вопрос. Потому что теперь все в его руках, а не в моих. Я позволю монстру провести меня по этой дороге, попутно наслаждаясь тьмой, узнавая возможности его страсти.

Я зажмуриваюсь, в то время как мое сердце разбивается еще сильнее. Ясность моего разума покрывается туманом, когда его пальцы щелкают по клитору.

— Очнись, твою мать! Ты никуда не ушла, сейчас ты прямо здесь. Борись! — рука оставляет в покое мое горло, вместо этого зажимая мне рот и нос. В панике, я пытаюсь укусить его за пальцы. Спазмы от нехватки кислорода сжимают грудь и в тот момент, когда я думаю, что грохнусь в обморок, он хватается за мои волосы, а воздух наконец-то поступает в легкие. Мужчина швыряет меня на матрас, прижимая к нему щекой, одновременно приподнимая мои бедра еще выше, и начинает вбиваться в кисть, овладевая ей.

— Хватит, — пытаюсь закричать я. Огонь опалает мое горло. Я упираюсь коленями, продолжая сопротивляться. Если он хочет борьбы, то он ее получит. Удовольствие, которое я испытываю, на данный момент достаточно. Последствия... я не хочу о них думать. Я знаю, что потом будет плохо. Я могу почувствовать печаль и предательство, запускающие свои щупальца в недра моего сердца. Может, мне повезет, и они просто вырвут его из моей груди, и все это, наконец, закончится.

Его палец, потирает вокруг моего заднего прохода, от чего мои глаза расширяются и сопротивление, становится реальным. Я никогда не занималась анальным сексом прежде и незнакомые ощущения, когда он погружает кончик влажного пальца, пугают меня.

— Я собираюсь заставить тебя кончить, сильно. Ты готова?

Мой скаल्प пронзает жалящая боль, когда я пытаюсь покачать головой, но с каждым

движением, сопротивление становится все меньше.

— Наклонись и поиграй с клитором. Я хочу, чтобы ты взорвалась так сильно, что никогда не забудешь, кто это сделал с тобой.

Его погружение сопровождается жжением, когда он входит глубже. Я подчиняюсь на автомате, прикасаясь к себе между ног и задавая правильный ритм. Его член все еще проникает в меня в устойчивом темпе, и я снова чувствую, что уже близка.

— Именно так, рабыня. Скоро ты захочешь кончить, и я не могу дождаться, когда почувствую, как твоя киска сжимается вокруг моего члена. Теперь, шевели своими пальцами быстрее, — Господин отпускает мои волосы и упирается ладонью сбоку от моей головы, которая откидывается назад, когда его палец полностью входит в мою задницу. Я втягиваю воздух, а боль и удовольствие смешиваются, скрадывая мое дыхание без какого-либо предупреждения. Нависает возможность почувствовать себя живой. Никто не предупреждал меня, что будет так хорошо. Непередаваемые волны экстаза, разрывают мои внутренности в клочья, когда новая волна начинает формироваться в моем сознании. Таким образом, я ненавижу наш секс. Ненавижу настолько, что этого вполне достаточно, чтобы фактически захотеть сделать это снова, после того, как мы закончим. Не хорошо. Совсем не хорошо...

— Ох... черт, да, — член пульсирует внутри меня, и я чувствую, как он выходит. Теплая жидкость изливается на мой зад и это горячее, чем любой его толчок, который он сделал внутри меня. Мои глаза закрываются, отказываясь смотреть вокруг. Я не могу. Я не могу вынести того, что случилось. Это убивает меня. Это... невыносимо.

3 сентября (День 5)

Рабыня Диана отстранена. Сбита с толку. Ее сопротивление временно исчезло, пока она остается погруженной в свои мысли. Изредка, она провоцирует меня, наблюдая за моей реакцией. Она хочет, чтобы я заклеил ее опять, но я отказываюсь делать это так скоро. Не после того, как я в приступе ярости оставил на ней синяки и ссадины. И их много, они покрывают ее спину, задницу и ноги. Первые пару дней, она едва могла лежать или сидеть.

И все это случилось из-за Розы и нашего ребенка. Наши отношения не были типичным браком по любви, скорее сделка или одолжение ей и ее брату; таким образом, она смогла стать гражданкой США. Если бы я не задолжал Раулю собственную жизнь, то никогда бы этого не сделал, но мне понравился ее покорный характер, так что я женился на ней. Годы, проведенные вместе, сделали нас хорошими друзьями и любовниками, но не в том традиционном смысле, о котором говорят другие люди. Потеря ее и нашего ребенка — уничтожили меня. Я отодвигал большую часть горя вплоть до этого момента, но желания моей рабыни, слишком близки к моим худшим кошмарам. Они снова возобновились от желания соединиться с Дианой.

Из-за сочетания ее упрямства и страсти, я не в силах сдерживать монстра, который притаился внутри. Зверь полностью поглотил меня. Это смертельная комбинация. Если я твердо намерен ее спасти, а не убить. Я потерял контроль первый раз в своей жизни; превратившись в человека, которого я даже не знаю. На мгновение мне стало страшно... и небезосновательно.

Теперь, из-за моей сдержанности, Диана сердито отворачивается от меня. Она хочет тайну, которую я храню под замком, и я не могу отрицать, что меня все больше привлекает мысль рассказать ей. Но гнев, который она испытывает, слишком хорош. Мне нужно время, чтобы все обдумать. Переварить то, что я сделал. Ее молчание предоставит мне его.

И хотя я уже все обдумал, я настроен скептически относительно того, как поступить. Я не могу спасти ее так, как сделал с другими. Я не доверяю ей за пределами своего дома. Она знает, как нужно себя вести. Как притвориться. Если я смогу заставить рабыню выбрать жизнь, то не думаю, что когда-нибудь действительно поверю, что эта ее счастливая маска настоящая. Это больше не настоящая она. Она темная и разрушительная. Боль — это то, на что она начинает полагаться. Я бы хотел оставить ее для себя, и возможно, она переродилась бы в мазохистку для садиста, живущего во мне. Но мы не прекрасная пара, которой возможно могли бы стать, если бы встретились при других обстоятельствах.

В другой жизни, возможно. В этой же... она будет толкать меня к моим пределам. Попробует заставить меня убить ее. Я это знаю. Так почему же я с нетерпением жду ее провокаций? Потому что у меня есть свой собственный план; план, который принесет мне пользу, точно так же, как и ей. Если я смогу воплотить его, возможно, появится что-то,

что можно будет спасти в ней, когда я закончу. Или, может быть, я снова ищу предлог, чтобы, в конце концов, удержать ее. Намеренно удержать ее в темноте. Эта мысль так заманчива.

Звуки заставляют меня поднять взгляд к монитору. *Кошмар*. Из-за меня? Эта мысль вызывает у меня улыбку. Это лучше, чем смерть, которая ее мучает. Крик прекращается, и она переворачивается на живот. Не осталось ничего, что Диана сможет использовать против себя, она в безопасности.

Не отрывая свой пристальный взгляд от экрана, я двигаю рукой, чтобы взять антикварный нож, которым она пыталась себя зарезать. Имя "Ронни" выгравировано на деревянной ручке. Мой палец потирает углубления. Оружие не принадлежало ее мужу, оно принадлежало его отцу. Почему оно было в комплекте с ее платьем, было тем вопросом, ответ на который я получил спустя два дня после того, как мы трахнулись. Мне потребовались часы, чтобы вытащить его из нее, но она наконец-то призналась, что спрятала его там, чтобы потенциальные покупатели дома не украли вещицу, в один из осмотров. Это имело смысл, но я ненавижу то, что пропустил его во время своего обыска. Что если бы нож был более острым? Что если бы я не подоспел вовремя?

Я открываю ящик, прячу нож и закрываю его за собой. Ей пришло время начать свой день, и я с нетерпением этого жду. Мои методы не сработали, но я знаю, что должно подействовать. Страх. Он станет ключевым моментом. Засов благодаря мне скользит в обратном направлении и мягкое сияние освещения, льющегося из моей комнаты, падает на бежевый ковер, который покрывает ее пол. Сейчас только четыре утра, и я знаю, что она крепко спит. Это сработает в мою пользу. В этот момент, она не может увидеть, что приближается опасность.

Звучит щелчок, когда я закрываю нас. Мелкими шагами, я приближаюсь к кровати. Бинт натягивается напротив моей кожи, когда я стягиваю футболку, которая идет в комплекте с моими шелковыми пижамными штанами. Мой член уже твердый от одной только мысли, что меня ожидает.

Мне не требуется много времени, чтобы рассмотреть спрятанное под одеялом тело. Одним рывком, я срываю его с нее и наваливаюсь сверху обнаженной грудью, прижимая руку к ее рту, чтобы заглушить крик, который я знаю, она издаст.

— Свет, — команду я. — Доброе утро, рабыня. Ты хорошо спала? — гневные слова рвутся из нее еще сильнее, когда я прижимаю свою ладонь крепче к ее рту. — Ты серьезно собираешься отвечать? Ты думаешь, я не знаю, как ты спала? Я наблюдаю за тобой, — мое дыхание скользит по щеке девушки, — почти постоянно. Скажи мне, что ты видела в своем кошмаре? Это был я?

На какое-то мгновение она замирает, прежде чем снова начать свое сопротивление.

— Ты думаешь обо мне так же, как я думаю о тебе?

Какого черта, я творю? Я понимаю, что мне нужно внушить страх... и я хочу, чтобы он не был лишен эротического подтекста, но, черт возьми, я чересчур этим наслаждаюсь.

До меня доносится ее приглушенное мычание, а потом я ощущаю боль, когда она впивается ногтями мне в бок. Не так сильно, как я знаю, она может, но достаточно, чтобы оцарапать кожу до крови. С рычанием я убираю руку с лица рабыни, но продолжаю удерживать ее руки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты хочешь снова оказаться в наручниках?

— Нет, — тяжело выдыхает она.

Я прижимаюсь своими губами к губам Дианы, и девушка не сопротивляется. Раньше, она сказала бы мне не трогать ее. Или плюнула бы мне в лицо. Что-то изменилось.

— Расскажи мне свой сон, — я толкаюсь своим твердым членом в ее центр, и она пытается отодвинуться, избегая нашего контракта. Внутри, это заставляет меня улыбаться. Ну, по крайней мере, она не набрасывается прямо на меня с мольбами трахнуть ее снова. Кажется, это интересует Диану не так сильно, как произошедшее избиение.

— Ты знаешь мои сны. Я скучаю по своей семье. Мы можем перейти к той части, где я делаю доброе дело, а затем смогу покончить с этим?

Моя рука сжимается вокруг ее запястья так сильно, что она вскрикивает.

— Я передумал. Ты не готова ступить на этот путь. Ты все испортила своим небольшим инцидентом с ножом. Не говоря о том, что ты должна обращаться ко мне правильно.

— Но... ты сказал... — она немного отклоняется, угрожающе продолжая, — ты, бл*дь, сказал, что я смогу умереть, если сделаю это, — сила, которой я и не знал, что она обладает, выливается в сопротивление. Я сильнее вжимаю Диану в кровать, когда смотрю на нее сверху вниз.

— Твоя смерть наступит тогда, когда решу я. Может, это случится раньше, чем ты думаешь. А может, перед этим пройдут годы. Ты самая худшая рабыня, которая когда-либо у меня была. Дерьмо, ты не слушаешься. Почему я должен дать тебе то, что ты хочешь? Ты *ничего* не заслужила. Что дает тебе право на чувство собственной избранности? Ничего, — взрываюсь я. — Ты уже мертва, помнишь? Я, черт возьми, убил тебя, когда ты вошла в эту дверь. То, что ты пережила со своей семьей — это паршиво, но не хуже, чем оказались способны вынести другие. Я хотел показать тебе это, но ты все испортила.

Прорывающееся рыдание, переходит в крик. Ее голова покачивается назад и вперед, и я сжимаю ее, удерживая так, чтобы она смотрела на меня.

— Ты хочешь стать свободной, так стань моей рабыней, по-настоящему. Подчиняйся каждому моему приказу. Называй меня, как тебе положено, — я облизываю ее нижнюю губу, и она начинает подо мной дрожать. — Ты подчинишься мне, и я исполню твое желание.

— Я ненавижу тебя, — взрывается она. — Я ненавижу тебя!

Меня действительно распирает смех.

— Я не ожидаю, что ты облегчишь мне задачу, но если ты хочешь умереть, то сначала пройдешь через все круги ада. Единственный способ познать истинный смысл — это пережить то, что я тебе уготовил. Настоящий я. Тот, кого ты увидела только мельком. И он не такой сексуальный. Выбирай: это, или ты будешь гнить в этой комнате до тех пор, пока не умрешь от старости. Никто не будет искать тебя, Диана. Все заинтересованные уверены, что ты или сбежала, или покончила с собой там, где никто не сможет тебя найти. Они ожидают от тебя именно этого. Они никогда не догадаются, что нужно искать тебя здесь. Если в твою безмозглую голову пришла мысль о Джейми, и ты думаешь, что он заберет тебя, или приведет полицию туда, где ты, то не трать впустую свое время. Он посадил тебя у твоей новой съемной квартиры. Дорин скажет, что ты вернулась. А потом снова ушла.

Она дергается.

— Ты *ушла* и пропала, рабыня. Ты мертва, — шепчу я. — Точно так, как ты и хотела.

— Я хочу, чтобы *ты* сдох. Я убью тебя, — взрывается она. — Я, бл*дь, буду...

— Ты будешь что? — мои пальцы впиваются сильнее, пока она кричит. — Ты будешь

повиноваться — вот что ты будешь делать. Сейчас, скажи. Скажи, что я твой Господин.

Ее рыдание превращается в продолжительный, душераздирающий вой.

— Говори! — шлепаю рабыню рукой по лицу, не достаточно сильно, чтобы причинить боль, но наверняка достаточно, чтобы вернуть ее внимание.

— Никогда. Бл*дь, никогда.

Стаскивая ее с кровати, я оборачиваю руку вокруг хрупкого горла, пока пальцы ног пытаются нащупать пол в качестве опоры. Я знаю, что душу рабыню, но она все еще может вдохнуть воздух. Ее ногти впиваются в мою руку, когда я подхожу и хватаю пульт. Пока я нажимаю на кнопки, меняя диск, Диана по-прежнему остается в моих руках. Я знаю, что она думает, что я заставлю ее смотреть на самые отвратительные самоубийства, но она ошибается. Так сильно ошибается.

Смех наполняет комнату сладким голосом ребенка. Ее ребенка. Рукой я ощущаю ее вес, когда она ненадолго перестает дергать ногами. Будто кто-то отключает от нее аппарат, поддерживающий жизнедеятельность. А потом, она превращается в сумасшедшую, пытаюсь вырваться, и борясь со мной так отчаянно, будто от этого зависит ее жизнь.

— *Мамочка! Смотри!* — темные кудряшки подпрыгивают, когда Кейли подходит ближе к переносной камере, держа новую куклу. Оберточная бумага разбросана по полу, везде виден свет: синих, красных, зеленых, и белых огоньков, от дерева, запечатленного на заднем плане.

— *Посмотри на это, Кейли,* — Диана появляется на экране, а мужчина смеется. Голос слышится достаточно близко, и становится очевидно, что он тот, кто держит камеру.

— Не надо больше, — медленно произносит она. Рыдания сотрясают ее так сильно, что я ощущаю их глубоко в своей душе. Пальцы, впивающиеся в мою чертову кожу, будто пытаются ухватиться за собственную жизнь. Боль, которую мне пришлось испытать несколько минут назад, теперь кажется несущественной в сравнении с тем, что я вижу, как передо мной разрывается ее сердце.

Мой захват ослабевает, когда я толкаю девушку на колени и встаю позади нее, все еще сжимая ее горло рукой, на всякий случай.

— Стоять на коленях крайне важно. Я ожидаю, что ты будешь делать это для меня. Теперь, прими свои воспоминания, рабыня. Это твоя дочь. Повернуться к ней спиной — это худшая вещь, которую ты можешь сделать. Столкнись со своими страхами, — говорю я, превращая свой голос в шепот. — Посмотри, как она прекрасна.

В это время, опираясь на меня всем весом, она продолжает сдерживаться и смотреть. Борьба в ней заканчивается, когда она начинает плясать на экран, рыдая. Контраст смеха и плача прорывается сквозь мои стены, и я оборачиваю свою вторую руку вокруг ее живота, притягивая ближе к себе, чтобы усадить девушку между своими бедрами. Увидеть ее, узнать ее, в ее счастливом прошлом, подобное которому, когда-то могло быть и у меня...

Мои глаза закрыты, я утыкаюсь лбом в ее макушку. Возможно, у Розы и меня, могло быть что-то подобное, если бы наш ребенок остался жив. Она была так взволнована по поводу родов. Появления нашего сына. Так же, как и я. Шесть дней. Вот и все, чем мы смогли насладиться, прежде чем "синдром внезапной смерти младенца" забрал его у нас.

— *Вот, открой один из этих,* — голос Дианы эхом раздается вокруг меня. — *Ронни, положи камеру и садись с нами.*

Темнота, которая окружает меня, кажется, буквально обхватывает мое тело. Мои веки открываются шире, и я прижимаюсь к ее щеке, пытаюсь оставаться тихим, пока перед ней

разворачиваются события.

— Я так по ним скучаю. Боже... — кончики ее пальцев на мгновение впиваются в меня. — Зачем он их отнял?

Я не знаю, что ответить. Это один из тех вопросов, который я задавал себе слишком много раз.

— Я не знаю. Но ты не одинока, рабыня.

Она дергается.

— Как ты можешь так говорить? Без них, у меня никого нет.

— У тебя есть я, — я считаю свой тон нейтральным, когда возвращаю свое внимание назад к экрану. — Твоя боль... — я расскажу ей о себе? Поделюсь частичкой себя, что не делал ни с одним рабом, которого брал? Моя рука сжимается вокруг нее еще крепче, когда я обнимаю ее изо всех сил. Слова не выходят, независимо от того, насколько сильно я пытаюсь их произнести.

— Ты потерял кого-то, не так ли? — в ее голосе слышится почти надежда. Желание установить эту связь, и я хочу помочь ей.

— Да, — я обхожу подробности, так как смотрю вперед и наблюдаю за тем, как Диана притягивает дочь, усаживая на свои колени. Муж садится рядом с ней, когда они раскладывают перед собой подарки. Какими счастливыми они выглядят. Нет... какими счастливыми они были. В них нет поддельных эмоций. Их любовь очевидна, как белый день.

Из-за заложенного носа, мне приходится промаргиваться. Моя рабыня не выпытывает у меня ответы, и я благодарен ей за это. Но то, что она выудила, из меня частичку личной информации... не разделили ли мы что-то слишком личное? Я начинаю думать, что возможно, мне стоило держать свой рот на замке.

— Дорогой, тебе не следовало, — рука Ронни тянется к Диане, только чтобы прижать пальцы к ее губам. Слезы сияют в глазах девушки, когда она смотрит на ожерелье, лежащее в длинной коробке, которую она держит в руках. Поверх колен Кейли.

— Я запомнил, как долго ты рассматривала его, когда мы шли через торговый центр. Оно будет отлично на тебе смотреться.

Она достает его вручая ему, когда мужчина убирает с пути ее волосы и застегивает вокруг шеи. Бриллианты искрятся на свету и сердце, которое находится в середине, наполняется бликами.

Рука Дианы покидает мою руку, скользя вниз, ощупывая пальцами грудь.

— Где оно? — спокойно спрашиваю я.

Ее голова немного поворачивается в мою сторону, и она отвечает глубоко вздыхая.

— С Ронни. Я... у него... было мое сердце. Он имел право забрать его с собой, — немного дрожа, она оборачивается назад, чтобы взглянуть на экран. — Не надо больше. Пожалуйста.

— Я не могу его выключить. Ты должна его смотреть. Каждый день.

— Нет! — слова выпускают гнев, внезапно прорывающийся из нее назад. — Не делай этого. Закончи это прямо сейчас. У тебя есть сила. Сожми крепче мое горло. Позволь мне уйти, наблюдая это. Это было бы прекрасное окончание, учитывая, что я возвращаюсь к ним. Господин, пожалуйста.

Мой пульс ускоряется от ее правильного обращения. Однако она стремится уступить, чтобы добиться желаемого. Неприемлемо.

— Нет. Ты знаешь мои правила. Дай мне то, что я хочу, и взамен, я исполню твое

желание, — я отпускаю ее и поднимаюсь на ноги. Диана не встает с колен, когда я покидаю комнату. Что касается оставшейся части дня, то она проведет его со своей семьей. Всем, что от нее осталось.

Удар!

По моей спине словно пробегают языки пламени, и я сильнее прижимаю ладони к стене. Мои глаза закрываются, боль приносит освобождение от гнетущих меня демонов, заполняя собой дыру, находящуюся в моей груди. Прошло две недели, а я до сих пор ни чему не научилась. Во всяком случае, со слов моего Господина. Он говорит, что я всего лишь испорченный ребенок. Позор каждой рабе, которая когда-либо только ходила по земле и гордилась своим предназначением.

Я понятия не имею, что означают эти слова, но начинаю понимать Господина чуточку лучше, чем в самом начале. Есть в его жестокости неуловимая красота. Грациозность в том, как он может ласкать мою плоть, или же заставить ее плакать. Господин говорит, что знает, в чем я больше всего нуждаюсь, и дает мне это, поэтому он выбрал наилучший момент, чтобы поставить меня к стене.

Смотреть на свою семью с каждым днем становилось все легче, но одновременно с этим я отпускала их все дальше. Тоска заставляла меня отодвигать поднос, который он передо мной ставил. Еда — это привилегия. Он подчеркивал это неоднократно. Я быстро поняла смысл этих слов, когда он отказал мне во всем, кроме измельченных кусочков хлеба и небольшого стакана воды. Эта пытка длилась почти два дня, прежде чем он принес мне приличную пищу.

Это не стало бы таким ошеломляющим, если бы в тот день я не работала непрерывно. Изнурительные упражнения заставили меня проголодаться, и я хотела съесть что-нибудь сытное после всех заданий, которые выполнила. То, что я не стояла на коленях, когда он вошел в комнату, быстро все изменило.

Удар!

— Ты серьезно все еще думаешь, что сможешь сбежать отсюда? — сила, с которой вжимается в мою спину его тело, заключает меня в ловушку напротив стены. — Что я говорил тебе об этом?

— Простите, Господин, — произношу я сквозь стиснутые зубы. Все-таки официальный термин дается мне нелегко.

— Еще пять в наказание за твое неуважение. Когда я закончу с тобой, ты, черт возьми, действительно почувствуешь раскаяние.

Он отступает на шаг, и на мое тело обрушивается очередной удар. Он также силен, как и первый. Крики срываются с моих губ, а все тело уже просто горит. Я не могу думать о прошлом, просто наслаждаюсь пустотой. В этом я преуспеваю. Для меня остается загадкой: как один тип боли может облегчить другой, но меня это настолько не волнует, что в данный момент я даже не пытаюсь это выяснить. Что было, то было, и мне нужно временное освобождение от отчаянных мыслей.

Удар! Бедро охватывает обжигающее пламя, и я чувствую, как моя киска сжимается в миллионный раз в тех пор, как стало понятно, что этого не избежать. Не то чтобы я постоянно думаю о сексе после единственного раза между мной и Господином. Но я

определенно ощущаю побочный эффект того, чем наслаждалась. Это стало неожиданностью, но я уже ничего не могу с этим поделать.

— Расставь свои ноги шире и выгни спину.

Я скорее ощущаю Господина рядом с собой, чем слышу. Прикосновение его ладони к моей слегка выгнутой спине и последующий шлепок заставляют меня вскрикнуть от удивления.

— Мне кажется, что я отдал тебе четкий приказ, — он нажимает сильнее, пока мне не начинает казаться, что я не смогу прогнуться еще больше. Необходимость начать спор вертится на кончике моего языка, но я молчу из любопытства, желая увидеть, собирается ли он причинить мне боль в дальнейшем. Если продолжить сопротивляться, то результат известен, и будет лучше, если я смогу избежать этого как можно дольше. Даже если в действительности, отчаянно желаю повторения.

— Вот. Сейчас не двигайся.

Шаги удаляются, и дверь за ним закрывается. Я знаю, что должна вести себя тихо. Он наблюдает за мной из своей комнаты, независимо от того, чем сейчас занят.

Из меня вырывается глубокий вздох. Не такой уж и глубокий на самом деле. Возможно две недели — это самый большой срок из того, что он установил в самом начале. Время, по истечении которого я смогу вернуться домой. Вернуться к моей семье. Я невольно хмурюсь, осматриваясь по сторонам. Знаю, что мое желание умереть неизменно, но я пытаюсь игнорировать ту искорку, которая начала во мне расти. Она разгорается внутри меня все больше, заставляя задаваться огромным количеством вопросов. Мой Господин и Джейми не выходят из головы. Они действительно собираются удерживать меня следующие сорок лет, если я буду жива? И если я смогу сделать что-то хорошее, то что это будет?

Дверь снова открывается, заставляя меня отвлечься от размышлений.

— Хорошая девочка, — это сказано так тихо, почти шепотом, но я не могу отрицать того факта, что мой пульс учащается. Звук его голоса вызывает во мне какие-то чувства. Счастье? Это может быть оно? Нет. Это что-то больше. Глубже.

Шарик, прикрепленный к кожаной полоске, скользит по моим глазам и оказывается у меня во рту прежде, чем я успеваю отреагировать. Мое тело дергается, сопротивляясь, и я пытаюсь сдвинуть рукой эту штуковину. Мое плечо врезается в стену от его толчка.

— Что, черт возьми, я тебе говорил? Не дергайся.

Битва в моей голове оставляет меня заторможенной, пока он начинает закреплять его вокруг моей головы. Нет. Мне это не нравится. Плети или флоггер я могу выдержать, но засовывать мне что-то в рот, отнимая мою возможность говорить... от этого мне не по себе.

Мои плечи снова приходят в движение, но уже слишком поздно. Он уже все закрепил. Я опять протягиваю свободную руку к лицу, но он тут же ее перехватывает и прижимает обратно к стене. Ни слова не срывается с моих губ, когда я поворачиваюсь и качаю головой.

— Тебе не нравится? Чертовски жаль. Ты — моя рабыня и сделаешь все, что я захочу. Прямо сейчас я хочу, чтобы у тебя во рту был кляп. Продолжай в том же духе, и ко всему прочему я свяжу тебя по рукам и ногам, пока мы с твоим телом будем находить общий язык.

Я дрожу, ощущая, что влажность орошает внутреннюю поверхность моих бедер еще сильнее. Медленно оборачиваюсь и прижимаю свои руки обратно к стене. Если я не смогу говорить, то он будет полагаться на язык моего тела. Это состояние почти напоминает мне доверие.

— В чем дело? Не терпится?

Жжение распространяется по моей заднице, когда в дело вступает паддл. Я делаю глубокий вдох через нос, пытаюсь проигнорировать его вопрос и невозможность ему ответить.

— Раздвинь свои ноги, рабыня, — произносит он голосом, упавшим на октаву.

Удар!

Глаза обжигают слезы боли. От следующего удара они начинают капать.

— Такая изумительная попка. Мне нравится ее вид, — пальцы поглаживают мою пылающую кожу, и я закрываю глаза, стараясь не дать своим эмоциям взять верх. Он хочет, чтобы я взбунтовалась из-за его действий. И он так близко подвел меня к грани, что я готова это сделать. Необходимость развернуться и напасть на него уже поглощает меня. Бл*дь. Это выглядит слишком соблазнительно. Последствия же мне хорошо известны. Я жажду их, но я также хочу продолжить процесс обучения. Хочу стать послушной, чтобы он разрешил мне положить конец этому раз и навсегда.

Его пальцы перемещаются все ниже, пока он не начинает ласкать меня между ног. Я вздрагиваю, пытаюсь оставаться абсолютно неподвижной. Двумя пальцами он прикасается к моему клитору и потирает чувствительный бутон. Я прижимаю голову к стене, сжимая ладони в кулаки. Наслаждение взрывается во мне, и его звук отдается вибрацией в шарик, зажатый между моими зубами. Пускаю ли я слюни? Я пускаю. Бл*дь, я завожусь еще сильнее.

— Ты скучала по мне? — спрашивает он, приближаясь. Господин вытаскивает пальцы и врезается ими снова, растягивая меня еще больше. Я сжимаю руки, заставляя свою голову оставаться прижатой к стене. — Боже, как я скучал по твоей киске. Я хочу этого, рабыня. Облизывать каждый твой дюйм, пока ты не кончишь на моем языке. Позволь мне. Кивни головой, и твой Господин сделает это.

Он спрашивает? Почему? Я должна сказать, что это не нормально. Не является нормальным. Ничего из происходящего.

Моя голова кивает, но я продолжаю смотреть под ноги.

Толчки усиливаются, и я могу почувствовать, как во мне разгорается желание. Пока нахожусь в ловушке его рук, отодвигаю чувство вины в сторону. Он внутри моей киски, двигает своими пальцами, прижимая меня еще ближе и удерживая прижатой к его груди. Дергаться и сопротивляться бесполезно. Это только усилит мое возбуждение.

— Знаешь, мне это нравится. Почему бы нам не прогуляться в подвал, где я смогу показать тебе твою новую жизнь? Я думаю, что ты заслужила это.

Подвал? Если я думала, что не случится ничего похожего на фильм ужасов, то поход в подвал станет чертовой свечкой на праздничном торте. В жилах стынет кровь, пока я пытаюсь отдышаться.

— На самом деле, у меня есть то, что сможет доставить тебе удовольствие, — он разворачивается и несет меня на руках через всю комнату, словно тряпичную куклу. Моя рука цепляется за его брюки, когда он проходит через соседнюю дверь и тянется к верхней части шкафа, стоящего у самого входа. Он достает ошейник и поводок, а мои глаза расширяются. Какого хрена... Он собирается нацепить это на меня?

Мне не приходится ждать ответа на свой вопрос. Мои ноги подкашиваются, и я падаю на колени.

— Попытаешься дернуться, и будешь страдать так, как никогда.

Боль меня не пугает. Но его взгляд — да. В глазах Господина коктейль из желания и

чего—то гораздо более зловещего. *Дьявол. Подвал.* Черт, я не хочу туда идти. Я не желаю испытать то, что он задумал.

Хватая, он закрепляет вокруг моей шеи плотный узкий ошейник. Рывок, который он делает, заставляет меня сделать шаг навстречу. Наши глаза впиваются друг в друга, заставляя меня отступить, и я перевожу взгляд вниз на свои пальцы, пытаюсь прожечь пол и провалиться сквозь него.

— Ползи.

Он тянет меня еще раз.

Во всем теле ощущается тяжесть от того, как он манипулирует мной и заставляет трястись от страха. Что—то не так. Я чувствую это всем телом. Настоящее чудо, что я продолжаю двигаться вперед. Каждый шаг приближает меня к неизвестности и кошмару, который ожидает меня впереди.

Деревянный пол в коридоре холодит мои ладони, но, несмотря на это, они начинают потеть. Я снова встречаюсь с прищуренным взглядом своего Господина. Но в этих голубых глазах нет ничего соблазнительного. В их глубинах скрывается зверь. Живое существо, которое живет отдельно от человека, которым он хочет казаться снаружи.

Впереди лестница, и я хватаюсь за нее, пока он тянет за ошейник.

— Вставай.

Я не хочу этого. Я хочу сбежать. Сбежать от своей жизни. Которая бессмысленна.

Медленно поднимаюсь на ноги и следую за ним вниз по лестнице. Когда мы поворачиваем за угол и подходим к белой деревянной двери рядом с кухней, я чувствую, как начинают трястись мои коленки. Он открывает ее, и нас приветствует крошечная темнота, заставляющая меня задрожать еще сильнее. Он делает несколько шагов вниз, дергает за веревку, которая легко раскачивается из стороны в сторону. Это дорогой дом. Нет необходимости в старомодных вещах типа этого шнурка, свисающего с лампочки, а это означает то, что эта атмосфера создана намеренно.

— Идем, — рывок заставляет меня сдвинуться с места. Я могу видеть, как на его лице вспыхивает наслаждение, а уголки губ приподнимаются в ухмылке, когда он смотрит на мои мучения. — Не говори мне, что ты боишься, рабыня. Только не женщина, которая флиртует со смертью при каждом удобном случае.

Я мычу, и еще больше слюны вытекает из моего рта и бежит по подбородку. Проклятый кляп. Он снова толкает меня, заставляя сделать первый шаг. Нехорошо, если Господин сможет увидеть мой страх. И я не хочу попасть в ситуацию, из—за которой он сможет серьезно меня ранить.

Тени скачут по стене, когда он задевает лампочку, тем самым заставляя ее раскачиваться из стороны в сторону.

Еще один шаг.

— Не могу дождаться, когда ты увидишь свою новую комнату. Ты полюбишь ее.

Мою комнату? Нет. Я не хочу здесь оставаться. Удушливая вонь черной плесени может привести к печальным последствиям. Это действительно ее запах, или просто аромат гребаного подвала? Я должна заставить свою голову включиться в игру. Я сильнее этого. Он и не думает причинять мне боль. Он же не думает... или думает?

Я следую за ним, все глубже погружаясь в темноту. Ледяной холод цементного пола окутывает мои ноги. Холодок пробегает по моей спине, когда предметы начинают приобретать очертания.

— О чем ты думаешь сейчас? Тебе это нравится? — он расстегивает ошейник, и его рука ложится на мое плечо, когда он подталкивает меня вперед, вглубь комнаты. Он резко тянется через стол, чтобы щелкнуть выключатель на стене, и в этот момент я спотыкаюсь. Но не падаю. Его хватка становится только сильнее.

Мигающий свет отбрасывает тени, напоминающие длинные когти, которые переплетаются узорами на стенах. Я делаю шаг назад и попадаю прямо в объятия Господина, позволяя ему притянуть меня ближе и обвить руками мою талию.

— Я хочу трахнуть тебя здесь, рабыня.

Мое внимание привлекает поднос в дальнем углу комнаты. Я вжимаюсь в мужскую грудь при виде хирургических инструментов и пил разного размера, разложенных сверху. Руки, сжимающие мое тело, внезапно становятся тем, что я не могу вынести. Все притворство о моем бесстрашии вылетает в окно. Я кричу и пинаюсь ногами, пытаюсь избавиться от его захвата.

— В чем дело? Тебе не нравится эта идея?

Мои ноги отрываются от пола, когда он подхватывает меня и направляется к большой конструкции, стоящей в стороне. Приближаясь к ней, мы все дальше удаляемся от источника света. Соппротивление, которое я оказываю, дергая ногами, забирает каждую унцию моей силы. Каким-то чудом мне удается пнуть мужчину в бедро, заставляя остановиться.

— Вот это моя девочка, — шепчет он, утыкаясь мне в шею. — Тебя ждет хороший секс, — Его рука опускается и накрывает мою киску, потирая круговыми движениями, пока он подводит меня ближе к устройству с ремнями. Там есть крепежи для головы, рук и даже ног, которые не должны касаться пола. Я извиваюсь, совершенно ясно осознавая, что если окажусь там, то все будет кончено. Если Господин решит закончить все посредством распиливания меня на куски, то я буду бессильна в попытке остановить его.

— М-м-м, м-м-м, — я вкладываю все свое недовольство, которое хочу выразить, в шарик, через который пытаюсь говорить. Все, что я могу, это впиваться в него зубами, пока Господин продолжает ласкать мой клитор. Проходят минуты, но он не останавливается. Я замираю, прижимаясь к широкой груди, пока он уводит меня от темной реальности, которая окружает меня, к такой же тьме, что таится в моей голове. Моя неуверенность скрывается за маской непринужденности, и когда я убеждаю себя в том, что все предметы в комнате не что иное, как бутафория, то скрываю за ней истинные чувства. Наверняка инструменты даже не настоящие. И даже если это не так, то он не причинит мне ими вреда.

— Ты думаешь! — его рука отрывается от моей киски, он расстегивает ремешок и кляп выпадает. Я облизываю губы, разминая ноющую челюсть. — Тебе нельзя думать, когда я прикасаюсь к тебе.

— Я хочу уйти отсюда, — выдыхаю я. — Уведи меня обратно в мою комнату, пожалуйста, — я шевелюсь, пытаюсь заставить его опустить меня. Смех эхом разносится позади меня.

— Рабыня, это и есть твоя комната, — он отпускает меня, пытаюсь поместить мои ноги в оковы. Я подгибаю колени, расставляя ноги в стороны, тем самым мешая ему свести их вместе. Рычание возле моего уха заставляет меня покрыться мурашками, которые распространяются по всему телу.

— Прекрасно. Если ты не хочешь это, мы попробуем что-нибудь поинтереснее, — от резкого толчка мои волосы разлетаются, занавесом прикрывая лицо, и я снова отступаю назад, пытаюсь вжаться в мощную грудь. Мне необходимо что-нибудь, чтобы отвлечь его, и

тогда я смогу освободиться. Большое количество предметов расположено вдоль стены, и я боюсь каждого из них. Возможно, это комната полна жутких темных теней из-за мигающего света. Но я знаю лишь то, что могу доверять только своим инстинктам, а каждый из них приказывает мне бежать.

Мы проходим мимо большого креста, приближаясь к тому, что надеюсь, является всего лишь скамьей с выгнутой спинкой. Я не упускаю из вида тот факт, что на концах есть манжеты. Он хочет уложить меня на спину. Я знаю это.

Маски, кляпы, паддлы, флоггеры всевозможных цветов и длины, с различными наконечниками — все выстроились вдоль стены. Большую часть предметов я даже не могу узнать, но есть и те, что откровенно меня пугают.

— Не делай этого. Пожалуйста. Я хочу уйти, — из моих глаз вот-вот польются слезы, в то время как я продолжаю попытки освободиться. Кажется, это совершенно его не волнует, потому что он бросает меня на скамью и накрывает мое тело своим, применяя силу, чтобы застегнуть на мне манжеты. Я извиваюсь и кричу. Но это не имеет значения. Ничто из того, что я делаю, не заставит Господина отказаться от намеченного плана.

Он отходит, чтобы взять моток скотча, отрывает несколько кусков, придерживая их на пальце.

— Ты хочешь уйти... куда? — его глаза в ожидании задерживаются на мне. И вот снова. Все внутри меня сжимается от этого пристального взгляда.

— Забери меня отсюда, Господин. Это не моя комната. Не здесь.

— Размер помещения не должен тебя волновать, рабыня. Обживайся.

От его слов у меня перехватывает дыхание. С каждым шагом, который он делает мне навстречу, свет искажается все сильнее, заставляя мужчину выглядеть иначе, показывая неестественность его движений. *Монстр*. Да, вот кого он мне сейчас напоминает. Демона с черными глазами и злобной улыбкой.

Скотч приклеен к моим губам, и я рыдаю, когда он начинает приковывать руки и ноги.

— Веришь или нет, но сейчас ты выглядишь великолепно. Напуганная. Рыдающая. Умоляющая меня спасти тебя. Ты видишь иронию, рабыня? — он наклоняется, целуя меня через скотч, закрывающий мои губы. — Господин, которого ты боишься, и спаситель, в котором ты нуждаешься. Я не знаю, кем хочу быть.

Моя приглушенная мольба остается проигнорированной, оставаясь без ответа, когда он подбирает то, что надеюсь, является небольшим пультом, и нажимает на кнопку. Громкая музыка заполняет пространство. Из-за текста песни я отворачиваю лицо, скрывая его в тени и прижимаясь к прохладной коже кресла. Я боюсь этого мужчину, ведь с каждым днем человек, которого я знаю, становится все страшнее. Смогла бы я его пожалеть? Возможно. Так или иначе, но вся симпатия к нему исчезает между вспышками света. Похищенная и запертая в каком-то незнакомом месте, что хранит тайну ужасов, несомненно, произошедших в этой комнате.

Мое тело вздрагивает от прикосновения к плечу. Вопли звучат на заднем плане, а я ищу внутреннюю силу, которая как я знаю, у меня есть.

— Ты молишься? Просишь прощения за свои грехи? — его пальцы скользят по моему лицу, убирая волосы на одну сторону. — Может быть, это просто мечта для нас двоих, и мы сможем проснуться, не вспоминая вещи, о которых хотим забыть. Черт возьми, может быть, мы сможем исцелить раны и наконец, остановить кровотечение. Но для этого нужно страдать, — его пальцы прикасаются к моим заклеенным губам. — Готова ли ты к еще

большей боли?

Он имеет в виду ту же боль, которую я испытывала в своей комнате, или он говорит о чем-то новом? Например, разрезать или распилить меня на куски?

Шлепок по заднице, заставляет шире раскрыть глаза. Его лицо находится лишь в нескольких дюймах от моего. Монстр временно исчезает, а на его месте появляется кто-то, так похожий на человека, с взглядом, полным любопытства, похоти... тоски и чего-то еще, что я не могу понять. Его рука скользит по щеке, приподнимая мою голову. Он нерешительно наклоняется вперед, снова прижимая свои губы к моим. Наши взгляды пересекаются, и он отворачивается, закрывая глаза так быстро, что я все еще не знаю ответов. В этот момент, возвращается его темная сторона.

Он поворачивается, хватаясь за стол, который стоит к нам ближе всего. Страх не рассеивается, но я опускаю голову, чтобы удобнее лечь на спину.

У меня в животе порхают бабочки, пока я пытаюсь разгадать секрет своего Господина. Кто он такой? Я не понимаю его постоянно меняющееся настроение. Является ли это для него нормой? Действительно ли он такой на самом деле? Возможно, все это осколки трагедии, что остались от целой жизни, которую я даже вообразить не могу? Или этот мужчина просто болен? Слишком много вопросов, в ответах на которые я не уверена: действительно ли он причинит мне боль? Но даже учитывая, что мне страшно, я не могу противиться желанию узнать его.

Я стою у стены и наблюдаю, как рушится ее защита. Впервые моя рабыня действительно сломлена из-за страха перед своим будущим. Диана кажется всего лишь маленькой девочкой, пытающейся спрятаться внутри себя, все сильнее погружаясь в водоворот боли и удовольствия, которые я предлагаю ей. Ох, мне незачем скрывать свои больные фантазии, заполняющие мою голову в те моменты, когда я наблюдаю за ней.

Безграничные возможности. Я могу сделать с ней все, что захочу: в среду я очень хотел сделать представление намного проще, используя метод запугивания. Возможно, подвал и является частью шоу, но помимо этого он играет жизненно важную роль в том, кто я есть на самом деле. Это то место, которое я мечтаю, когда-нибудь разделить с идеальным сабмиссивом.

Могу ли я разделить это с ней? Я знаю что, несмотря на выражение ужаса на ее лице, она примет все, что я захочу ей дать. Где-то глубоко внутри, Диана этого хочет. Вопрос лишь в том, как долго она сможет бороться. Но я не собираюсь думать об этом сейчас. Здесь передо мной — красота и совершенство, околдованные страхом, который заставляет трепетать.

Я обхожу рабыню по кругу, чтобы встать рядом, и провожу своими ногтями вниз по ее спине, от чего тело Дианы начинает дрожать. Она пытается спрятаться, словно маленькая девочка, отворачивая лицо обратно к кожаной обивке скамьи, на которой лежит. Я с трудом вспоминаю, что необходимо снять свой пиджак, и вот он уже падает на пол. Ничто не должно отвлекать меня от того, что находится сейчас передо мной. Даже Роза не зашла бы так далеко. Но я и не пытался сделать это с ней. Но Диана... другая. Она даст мне все это. Воплотит каждую гребаную фантазию, о которой я когда-либо мечтал.

Я расстегиваю кнопку за кнопкой на рубашке, обнажая себя для холодного воздуха, который заполняет мерцающее пространство. Мое дыхание сбивается, а поступающий в кровь адреналин зашкаливает, когда различные сценарии проигрываются в воображении. Я скольжу пальцами по спине, нанося жесткий удар по ее заднице, пытаюсь вернуть девушку в реальность. Диана дергается от шлепка, но ее крик лишь подстегивает меня нанести новый удар, совсем рядом с тем местом, куда угодил первый.

Я срываю с себя рубашку одной рукой, а другой выдергиваю из петель ремень и обрушиваю его на ее спину. Начиная с этого момента, пять последующих ударов прокладывают дорожку по бедрам, избегая области почек. Она натягивает манжеты, а ее задница приподнимается, пытаясь избежать хлестких касаний ремня. Влажность между ног девушки приветствует мои пальцы, заставляя меня закрыть от удовольствия глаза. Значит, ей нравится. Конечно, я хочу, чтобы ей нравилось, но не так сильно.

Я подхожу ближе и прижимаюсь к ее телу. Пальцами сжимаю тонкую шею, приближая ее рот к своему. Еще больше рыданий вырывается из ее горла.

— Ты любишь быть укрошенной, рабыня?

Она пытается громко закричать и отодвинуть в сторону свою голову.

— Я хочу расписать твоё тело твоей же кровью. Подумай, как это будет смотреться при

таком освещении? Черным? Или с проблесками красного, прежде чем потемнеет? Я знаю, ты заметила инструменты.

Мы прижимаемся щека к щеке, и слезы увлажняют мою кожу. Отстраняясь чуть назад, я провожу языком вверх, чтобы их попробовать. *Я сделаю это.* Я продолжаю улыбаться, когда слизываю соленые капли и опускаю голову ниже. Дрожь, что снова охватывает тело рабыни, заставляет мой член дернуться под тканью брюк. Я напротив ее входа и очень возбужден.

Удар! Удар! Удар! Звук шлепков о плоть Дианы делает меня твердым как сталь.

Громкий крик срывается с ее губ, когда она пытается оглянуться назад. Я знаю, она хочет увидеть за чем я иду: за скальпелем или за пилой. Это очень заманчиво. Может быть, я порежу ее. Я поворачиваю голову к столу, обдумывая следующее действие, и мой взгляд скользит между ним и девушкой. Я отхожу на несколько шагов назад, обдумывая свой следующий шаг. Ее голова начинает трястись еще сильнее, когда я добираюсь до места назначения. Приглушенные звуки становятся громче, пока не превращаются в душераздирающий крик.

Не глядя, я протягиваю руку за инструментом, лежащим с краю. Самым маленьким. Я знал, что это должно было случиться. Если Ронни и Кейли по-прежнему вторгаются в ее кошмары, то моя работа не окончена. Диана должна узнать, что есть вещи страшнее смерти, которые она почувствует здесь и сейчас. Только так это сработает.

И все же, я продолжаю улыбаться. Уголки моих губ приподнимаются, когда я медленно иду в ее сторону, обнажая скальпель, который взял со стола. *Давай, детка, плачь сильнее. Продолжай.* Она яростно дергает манжеты при моем приближении. Делаю три шага и сдвигаюсь в сторону, откуда она не может меня увидеть. Звук ее воплей только усиливается, перекрикивая громкую музыку, призванную вселить страх и нарушить сознание.

Я обрушиваю удар на другую половину ее задницы. Шлепок заставляет Диану вздрогнуть. Тишина, следующая после удара, только напоминает мне, как близко находится скальпель. *Не хочу, чтобы меня случайно зарезали, ведь ты бы сейчас это сделала, рабыня?* Мысленно я почти смеюсь. Черт, я наслаждаюсь этим слишком сильно. И это еще раз подтверждает степень моей испорченности.

Я начинаю наносить частые удары, тем самым оставляя красные пятна на ее идеальной бледной коже, где на самом деле хочу видеть шрамы. Я желаю оставить свою метку, как напоминание обо мне; напоминание на всю оставшуюся жизнь, которое укажет, что с ней случится, если я узнаю, что она снова ищет смерть. Что это будет: небольшая "м" (*прим. пер.: Master — переводится, как Господин*) на руке, на плече, или спереди, где она будет ее видеть?

Я наношу очередной удар и всем весом наваливаюсь сверху, заставляя ее испуганно задргаться. В действительности у нее нет возможности сдвинуться с места. Из-за этого она начинает плакать еще сильнее. Слезы оставляют мокрые дорожки на щеках, позволяя моей руке легко скользить по ее коже, чтобы приподнять голову и прижаться к ней своим лицом.

— Сейчас, сейчас, рабыня, — моя щека отстраняется, и я оставляю ее голову в покое. — Это будет немного больно. Но важно лишь то, что это будет значить для *меня*. Это должно ослабить твой страх.

Я показываю ей скальпель и верчу туда-сюда в своих пальцах, чтобы девушка смогла его рассмотреть. После того, как я взял его в руки, мое сердце разогналось до такой же скорости, что и ее, бешено стуча в моей груди. Свободной рукой я хватаю скотч и медленно его отклеиваю, позволяя рабыне свободно говорить.

— Пожалуйста, — всхлипывает она. — Я не хочу, чтобы ты это делал.

Ее мольба получает отклик от другой части моей личности, но я знаю, что должен это сделать.

— Может быть, я больше не хочу, чтобы ты сопротивлялась мне.

— Я не буду, — уверяет она. — Я обещаю, — ее интонация звучит *почти правдоподобно*, но я не хочу рисковать. Ей нужно увидеть, на что я способен. Что я могу сделать, если захочу.

— Я тебе не верю.

Рука Дианы дергается в манжете, но я хватаю ее и разворачиваю запястье, наблюдая, как падающий свет делает ярко-красные шрамы более заметными.

— Может быть, я сделаю это рядом с ними. И возможно, если тебе повезет, то я не задену вену.

Девушка по до мной замирает, и я жду, пытаюсь определить, как она пройдет этот тест. Мой пульс зашкаливает, когда я прижимаю маленький скальпель и провожу им по нежной коже, позволяя ей почувствовать поцелуй холодного металла.

— Нет, — произносит она, качая головой. Ее голос настолько полон страха, что мои глаза закрываются от удовольствия. Я успокаиваюсь, но она снова начинает говорить. — Не так. Используй пистолет. Я хочу, чтобы это случилось быстро. Мне не нравится вариант, где есть возможность истечь кровью.

Звук вырывается из моего горла прежде, чем я успеваю его остановить. Все-таки, она выбирает смерть, а не жизнь. И хуже всего, что она выбирает смерть, а не меня. Ярость и ревность опаляют мои внутренности, прожигая дыру в моей груди, и поднимаются выше, вытесняя все тепло из моего взгляда. Я берусь за манжеты и начинаю медленно отстегивать их, чтобы успеть перевернуть рабыню. Мне мешает ее извивающееся тело, когда я собираюсь пристегнуть девушку обратно. Ее голова дергается вперед, и я получаю удар в лицо, прежде чем успеваю разгадать замысел Дианы. По моей челюсти распространяется обжигающая боль.

Я снова оказываюсь перед ней, лишая ее возможности двигаться.

— Ты заплатишь за это, рабыня.

— Это будет стоить того, если завтра у тебя будет синяк, — кричит она, и в ее голосе слышится триумф. Это почти заставляет меня улыбнуться, но злость от предыдущей выходки рабыни, по-прежнему разъедает мой разум.

— Если моя кожа посинеет, то ты расплатишься таким количеством шрамов, что тебе и не снилось.

Она напрягается, когда я зажимаю одну ее руку между нами, а другую удерживаю и закрепляю в манжете. Диана открывает и закрывает рот. Она сглатывает, выглядя при этом еще более напуганной.

Она выглядит так, словно ее предали, поэтому я принимаю решение притормозить. Закрепляю второе запястье и смотрю на нее, позволяя своему сердцу успокоиться. Я вижу выражение страха и боли, отражающиеся в ее глазах от вспышек света, и какое-то незнакомое чувство тяжким грузом проваливается в мой желудок, скручивая его. Сказать, что это выглядит не сексуально, значит солгать. Но я в замешательстве не из-за этого. Мой мозг не может оценить собственные ощущения или мысли. Я несколько раз моргаю, пытаюсь вникнуть в происходящее. Боже, я становлюсь мягче. Я, черт возьми, влюбляюсь и довольно серьезно. Бл*дь...

— Господин?

Музыка не затихает, пока я вращаю скальпель между пальцами. *Она привыкла правильно ко мне обращаться. Слетающий с ее губ титул звучит сладко. Девичий голос наполнен отчаянной надеждой. Она боится истечь кровью. Диана боится меня, но не как женщина, испытывающая страх перед своим убийцей. Девушка уже моя. Она именно там, где и нужна мне, если я хочу помочь ей исцелиться и двигаться дальше. Если...*

— Рабыня, — я наклоняюсь и размещаю локти по обеим сторонам от ее лица, оборачивая ладони вокруг изогнутого конца скамьи. Пальцами сжимают кожаную обивку, и пытаюсь вернуть свой контроль. Ее дрожащие губы на мгновение притягивают мой взгляд. — Чтобы ты не вообразила себе, реальность даже близко не стоит с тем, что произойдет. Я не причинял тебе вред раньше и не причиню его сейчас. Отпусти все и наслаждайся этим, как это делаю я.

Что, черт возьми, я несу? Мои челюсти сжимаются, пока я сражаюсь со словами, которые пытаются вырваться на свободу. *Я хочу, чтобы она умоляла меня изрезать ее. Приняла то, что я предлагаю.* Нет. Я покачиваю головой, пока спорю сам с собой. Диана не должна здесь оставаться. Она заслуживает нечто большее, чем эта жизнь. Больше, чем я могу ей дать.

Не говоря ни слова, она пытается выдержать мой взгляд, но опускает глаза каждые несколько секунд, принимая какое-то решение. Я не позволю ей думать слишком долго. Моя рука опускается на щеку рабыни и соскальзывает вниз к горлу, сжимая его достаточно сильно. Я толкаю свои бедра вперед, прижимаясь своим членом к ее складочкам.

— Мне нравится, что именно ты, являешься частью этого. Ты, — выдыхаю я, касаясь своими губами ее губ. Чем сильнее я толкаюсь вперед в кисть рабыни, тем более мокрой она становится. В действительности Диана безупречна. Я знаю, что могу ей дать то облегчение, которое она дает мне, хоть это и испортит мою репутацию. Для нее видеть во мне монстра — уже чересчур, но он лишь часть того, кем я являюсь. Что если она увидит мою другую сторону?

С девичьих губ срывается стон, и я впитываю его всем своим естеством. Я начинаю быстрее скользить членом по ее мягкой плоти, и не останавливаюсь, даже когда туман застилает мое восприятие правильного и неправильного. Все, о чем я могу сейчас думать — это дикое желание, которое я скрывал слишком долго. С моих губ срываются стоны, пока я продолжаю скользить по ее влажным складочкам.

— Позволь мне порезать тебя. Не очень глубоко, чтобы появились лишь капли крови. Я хочу этого, рабыня. Я хочу тебя.

Я прижимаюсь своими губами к ее, и на мгновение, мой язык проскальзывает внутрь, пробуя девушку на вкус. Моя рука по-прежнему обхватывает горло, и я продолжаю сжимать пальцы, затрудняя ее дыхание.

Диана разрывает наш поцелуй из-за нехватки воздуха и отворачивает голову, а с ее губ слетает стон, ласкающий мой слух. Я знаю, что словами она не подтвердит свое согласие, но так или иначе, я заставлю рабыню это сделать. Если она откажет мне, то я уйду.

Мои губы спускаются вниз по ее челюсти, и я использую свой палец, чтобы удерживать лицо Дианы, как можно дальше от меня. И тут же наношу удар по внутренней стороне бедра. Она разводит их еще шире, делая именно так, как я хочу. Но я не останавливаюсь. Я шлепаю мягкую кожу снова, царапая и сжимая нежную плоть. Ее ноши раздвинуты, а киска, расположенная напротив меня, словно испытывает мою силу воли.

— Кровь за кровь, — выдыхает она, сжимая мои пальцы, чтобы попытаться повернуться обратно ко мне. Бл*дь, я моргаю, гадая, правильно ли расслышал ее слова или это слова песни, играют с моим нестабильным разумом. Мой рот отрывается от девичьей шеи, и я снова впиваюсь в ее губы.

— Что ты сказала? — гнев искажает мои слова, несмотря на то, что я заинтригован. Соблазнен.

— Если мне придется носить твою метку, то ты будешь носить мою. Только так я позволю тебе подойти ко мне со скальпелем.

Моя бровь удивленно приподнимается.

— Я не думаю, что у тебя есть выбор. Если я захочу вырезать свое имя внизу твоего живота, то сделаю это!

Дерьмо. Это вообще не то, что я собирался сделать. Мое полное имя? Я люблю слышать, как его произносят мои рабы, но нанести его прямо на ее кожу? Эта идея поглощает меня.

Она широко открывает глаза, а затем прищуривается, понимая свою силу.

— Ты получишь разрешение, если попросишь его у меня. Хозяин Дианы. У меня есть для тебя одно небольшое предложение. Было бы глупо не воспользоваться им, пока есть такая возможность. Я сомневаюсь, что это случится еще раз.

Моя голова склоняется к плечу. Каким образом ей удастся подавить в себе страх и оказаться достаточно смелой, чтобы бросить мне вызов? Я хочу вернуть свой контроль обратно.

— Я сказал, что собираюсь сделать это в любом случае. Что я выиграю, если соглашусь пометить твоим именем свое тело? Ты будешь мертва через несколько недель, ведь я знаю, к чему все идет. Я же не собираюсь умирать в ближайшее время.

— Последний шанс, — ее тон становится ниже, а веки опускаются, пока мои пальцы приближаются к ее входу. Я, бл*дь, заинтригован.

— Я думаю, что ты просто хочешь меня зарезать. Как я могу доверить тебе оружие?

Она с трудом сглатывает, облизывая полные губы.

— Зарезанной, предпочла бы быть я, но мы оба знаем, что ты не позволишь этому случиться. Я получу удовлетворение, если заставлю тебя носить мое имя до конца твоих дней, тем самым заставляя тебя страдать так же, как ты делаешь это со мной.

Страдать... я почти улыбаюсь.

— Ты, черт возьми, полюбишь это, рабыня. Ты предназначена для тьмы. — *А значит для меня.* — Ты начнешь первой. Если ты сделаешь надрез слишком глубоко или совершишь еще какую-нибудь глупость, то вспомни о том, что произошло раньше. Я не планирую позволить тебе умереть в ближайшее время. Ты будешь страдать так, что даже невозможно вообразить. Я покрою своими метками каждый сантиметр твоей кожи.

Я позволяю выплеснуться своим угрозам, пытаюсь оценить ее реакцию. Собирается ли она серьезно навредить мне? Возможно. Итак, почему я соглашаюсь на это? Бл*дь, никогда, даже в самых смелых фантазиях, мне не приходила в голову такая глупая мысль. Даже в мечтах. Однако, я здесь, расстегиваю пряжки на ее запястьях. Вручаю ей скальпель, словно это она все контролирует.

Лезвие ложится на ее колени, а руки нерешительно тянутся к моему животу, спуская брюки вниз и оставляя их на уровне бедер. Я чувствую, как она дрожит, пока ее пальцы замирают на моем теле.

— Сделай это, — я хватаю ее за длинные волосы и так запрокидываю голову назад, что

ей приходится посмотреть на меня. — Посмотрим, как глубоко ты сделаешь надрез. Одно неверное движение с твоей стороны, случайное или нет, и ты столкнешься с последствиями, с которыми не сможешь справиться.

Вслепую она тянется за инструментом и поднимает его на уровень второй руки, которая по-прежнему находится на моем животе. Стук моего сердца грохотом отдается в ушах, заглушая музыку, пока я жду, совершит ли она ошибку. Если я умру из-за этого, то это будет только моя вина. Смерть не пугает меня, но я несу ответственность за многих других людей.

Я отпускаю волосы Дианы, позволяя ее лицу приблизиться. Делаю глубокие, медленные вдохи через нос. Я беру под контроль возникшее напряжение, которое лишь усиливается. Боль — это не то, что я искал, но меня беспокоит не она.

Борьба искажает ее милые черты, и я жду, предоставляя ей возможность сделать следующий шаг. Огонь вспыхивает на месте пореза, когда она чуть сильнее прижимает скальпель и скользит им на добрых три дюйма вниз. Я блокирую шок от длины разреза, не позволяя своей концентрации разрушиться. Челюсть сжимается от обжигающей боли, но это только подстегивает ее сделать дугу, завершая большую букву "д". Резким движением она вырезает "и" и "а". На сей раз я готов, когда она заканчивает "н" и начинает вырезать "а".

Имя выглядит большим, пересекая всю нижнюю часть моего живота. Кровь стекает вниз, просачиваясь в ткань моих слаксов. Она достигает основания моего члена, впитываясь в материал, покрывающий мои бедра. Диана сделала все правильно, ведь я бы знал, если бы это было не так.

— О, мой Бог, — наши глаза встречаются, ее лоб нахмурен, и недоверие искажает ее лицо. Голова Дианы дрожит, и моя рука, прижимающаяся к ее груди, смещается, когда я начинаю поглаживать ее по спине. Она бросает скальпель, будто обжег ей руку.

— Не бойся сейчас. Дело сделано, — я поднимаю лезвие и размазываю по груди оставшуюся на нем кровь. Медленно, я указываю на нее, пока она в ужасе прижимает к губам ладонь, сжатую в кулак. — Твоя очередь.

Глаза девушки следуют за скальпелем, становясь еще шире, когда я прижимаю его к ее коже. Она кажется слишком неподвижной, я даже не уверен, дышит ли она. Возможно, задерживает дыхание. Я не дожидаясь, чтобы узнать ответ, поскольку адреналин подталкивает мою руку к действию, и из-под лезвия проступает кровь. С моих губ почти срывается стон, пока я как замороженный смотрю на тайную фантазию, которая оживает перед моими глазами.

Я обращаю свой взгляд к рабыне, поскольку моя рука продолжает спускаться ниже. Ее веки прикрыты, а она тихо постанывает от боли. Большой палец моей руки кружит по ее клитору, в то время как я продолжаю резать, слыша, как изменяются звуки и тон ее голоса. Дерьмо. Я не спеша пробуждаю в ней желание бороться. Используя этот единственный шанс, который больше никогда не получу снова.

— Ты отлично справляешься. Практически закончили, — ее тело дрожит, и я знаю, что это от смеси боли и удовольствия. Мой палец проскальзывает в ее киску, и она крепко сжимает мышцы, когда я толкаюсь дальше, глубже, так же как делаю это со скальпелем. Мой член еще никогда не был напряжен так сильно... Боже, хотя кровь заливают всю надпись, я все еще могу ее разглядеть. Неровные края разрезанной плоти на нас обоих. Разный почерк. Больше всего на свете я хочу овладеть Дианой — это наш момент. И он принадлежит нам. Что-то, что только мы вдвоем можем разделить друг с другом. Никто не сможет отнять это. Шрамы на нашей коже останутся на всю жизнь. Они свяжут нас вместе навсегда.

"Господин". "Диана". Кровь капает так, словно вытекает из наших поврежденных сердец. Воспоминания останутся навсегда, хотя мы и пытаемся от них сбежать.

Я роняю скальпель и приближаюсь, накрывая ее тело и прижимая свой рот ко рту рабыни с большей страстью, чем планировал. Обхватывая руками лицо Дианы, я проскальзываю языком между губ, словно выпивая девушку и желая запомнить каждую маленькую деталь этого единственного вечера.

— Господин, — пальцы впиваются в мою спину, и я отстраняюсь, подталкивая ее к сооружению.

— Самое время.

Недолго думая, она встает на ноги и просовывает голову и руки в отверстия между балками, верх которых я приподнимаю. Я присаживаюсь перед ней, чтобы снова поцеловать, как только все надежно закреплено. Это награда за ее покорность, но ситуация выглядит иначе. Никакие слова не помогут объяснить, что я чувствую. Единственный способ доказать ей, что это только между нами... Секс.

Я медленно поднимаюсь и начинаю пятиться назад, не поворачиваясь к ней спиной. Мои инструменты разложены вдоль стены, и я внимательно осматриваюсь. Тянусь вперед, скользя пальцами по лежащим плетеным розгам, имеющим на концах узелки. Это идеально подойдет. Сказать, что я возбужден, будет явным преуменьшением, но у меня нет сомнений, что моя рабыня там, где я хочу ее видеть. После того, как я закончу трахать и стегать Диану, я собираюсь отправить ее через край, прямо к Святому Граалю из моей фантазии.

— Приготовься, — говорю я, когда возвращаюсь обратно, просто для того, чтобы она смогла услышать мой голос. Я хочу ее предупредить. Подготовить.

Я скольжу пальцем к влажному местечку между ее ног и кружу около входа, обрушивая жесткий шлепок на попку девушки. Она сжимается вокруг моего пальца, и я погружаю его еще глубже. Потребность ощутить себя внутри нее заставляет меня сбросить всю одежду. В это время я продолжаю наносить удары, не позволяя ее коже остыть, меняя лишь их местоположение.

Я продолжаю дразнить ее устойчивыми толчками, вставляя то один палец, то сразу несколько. Выдержка рабыни — удивительна. Она заставляет опасаться.

Моя ладонь со всей силы опускается вниз и это заставляет Диану закричать. Боль является чем-то постоянным все это время. Это испытание. У меня не займет много времени, прежде чем она отправится туда, куда я запланировал. А после, мне придется ждать очередного выброса адреналина...

Я вынимаю палец и начинаю медленно проталкиваться в нее своим членом, ощущая, как тепло окутывает головку. Делаю это на автомате: накрываю ее тело своим и наслаждаюсь теплом нашего слияния. Протягивая руку, я хватаю девушку за волосы, когда вгоняю себя глубоко в ее киску. Крик превращается в стон, и она пытается двигать своими бедрами мне в ответ.

Удар!

Я по-прежнему прижат к ней, но подстраиваюсь под движения ее бедер, вцепляясь в ручку плетки, как будто она мой спасательный круг. Бл*дь, я не могу дождаться, чтобы использовать ее. Не могу перестать представлять свое имя на коже рабыни. Все крутится и перемешивается в моей голове.

— Я не хочу, чтобы это закончилось, рабыня. Я хочу остаться в этой комнате навсегда, — отсутствие контроля, который держал мой рот закрытым, доведет меня до беды. Я знаю

это, но не могу остановиться. — Скажи, что тебе нравится то, что я даю тебе.

— Мне нравится, Господин. Я... Боже, — вскрикивает она.

От этих слов, я хочу дать ей еще больше. Удержать ее так долго, как только смогу.

— Ты кончишь один раз. Один раз и все. Ты готова?

Я прижимаю свои пальцы к ее щели и потираю, стимулируя клитор. Она еще сильнее сжимается вокруг моего члена, заставляя меня закрыть глаза. Я немного приподнимаюсь и прижимаюсь к ее клитору кончиками пальцев, а затем медленно поглаживаю, начиная трахать быстрее.

— Давай, детка, продолжай сдерживаться. Правильно, — мой темп нарастает, люблю, когда она слушается. Трудно сдержать лавину, которая так мощно накрывает тебя. Моя грудь поднимается, и я сжимаю бедра Дианы, толкаясь в нее еще несколько раз.

— Господин! — спазмы заставляют ее задержаться подо мной. И она сокрушительно кончает, сжимая меня изнутри.

— Хорошая девочка, — говорю я, опуская плеть на спину Дианы. Следы выглядят замечательно. Бл*дь, но те красные, с неровными краями... они спереди. Не на спине, где бы мне хотелось их видеть сейчас.

— Я собираюсь сделать эту ночь лучшей в твоей жизни, рабыня. Боже, ты дашь мне то, чего я хочу, а взамен — я подарю тебе что-то, о чем мечтают все сабы.

Я увеличиваю скорость и силу проникновения до тех пор, пока не понимаю, что она больше не в состоянии вынести. Мой член пульсирует, и я не задерживаюсь ни на секунду. Выхожу из нее и наблюдаю, как моя сперма толчками выстреливает на ее задницу, посылая через меня волны эйфории.

— Детка, как... — я вдыхаю долгожданный кислород, который обжигает легкие. Мои ноги трясутся, я отстраняюсь и вытираю сперму с ее покрасневшей плоти краем простыни. Второй рукой я освобождаю ее от удерживающего механизма и обнимаю, наблюдая за покачивающейся головой рабыни. Можно сказать, что мы разделили особый момент. Или разделим в ближайшее время.

Близость, когда она закована — для нее почти подвиг. Диана не в себе. Она прижимает ко мне голову с таким доверием, что у меня захватывает дух, это даже... заставляет мое сердце биться чаще.

— Подними свои руки.

Она поднимает их вяло, ей тяжело. Когда я сковываю запястья манжетами, девушка моргает. Это не займет много времени.

Одной рукой я глажу ее киску, а другой обвиваю талию, чтобы прижать и удержать около себя. Я начинаю размазывать ее соки от предыдущего оргазма, но меня не хватает надолго. Отстраняюсь от ее тела и несколько раз шлепаю по заднице. Боль почти невыносима. Она должна быть такой. Чем сильнее, тем лучше.

Я становлюсь между ее ног. Хватаюсь сначала за одно, а затем за другое бедро для поддержки. Она вскрикивает и дрожит от этих прикосновений.

— Тебе это нравится, детка? — я снова ее шлепаю, пытаясь игнорировать то, как в моем воображении она превращается из девушки в рабыню. Черт возьми, это становится слишком сложно. — Ответь мне, — требую я. Мой палец проскальзывает обратно в нее, и я погружаю его глубже, достаточно для того, чтобы заставить ее извиваться.

— Ответь на вопрос. Тебе это нравится? — я хлопаю ладонью по щеке. Не сильно, но достаточно, чтобы привлечь внимание.

— Да, Господин. Мне это нравится.

Ее слова заставляют меня остановиться, позволяя ей найти точку опоры. Плетка, зажатая в руке, заставляет работать мое воображение. Я замахиваюсь, позволяя ее змейкам соприкоснуться с поверхностью бедра рабыни. Диана широко распахивает глаза. Она пытается задержать дыхание, но с ее губ срывается стон и всхлип, пока она старается задержать дыхание. Я ударяю по второму бедру, не давая ей времени прийти в себя, и впиваюсь пальцами в ребра. Она сжимается от этого прикосновения, но не сдвигает ноги.

Мой член напряжен. Необходимость, продлить наш секс, видимо, становится приоритетом. Но я отодвигаю эту мысль. Трахнуться можно и в другой раз. Есть кое-что важнее. Только сейчас я не собираюсь прятаться от самого себя. После сегодняшнего вечера мне придется уйти. Держать себя на расстоянии от этой женщины, которая пошатнула мое мировоззрение. Которая заставила меня усомниться, кто я на самом деле.

Я снова заново беру руку для удара и плетью огибает внешнюю сторону бедра, заставляя ее кожу сменить цвет под раскачивающейся лампой. Возвращаю свое внимание к другой ноге, а Диана поджимает губы в ожидании боли. Размахиваюсь сильнее и обрушиваю удар на ее задницу. Один раз. Второй. Третий. Ее реакция заторможена. Черты лица расслабляются под действием эндорфинов.

— Ах! — вскрикивает девушка, когда я продолжаю пороть и сжимать пальцами ее попку.

— Вот так, малышка. Почувствуй это. Бл*дь, позволь себе погрузиться полностью, — я разворачиваю рабыню к себе, наблюдая, как скользят манжеты, а ноги спотыкаются и подгибаются. Плетью приземляется на другой половине ее задницы, и она рыдает сильнее, чем должна. Оборачиваю руку вокруг тонкой талии, и проталкиваю пальцы в кисть, поглаживая снова и снова. Для облегчения боли, я повторяю процесс. Наблюдаю. Запоминаю каждую секунду.

Глубокие, тяжелые вдохи заставляют ее грудь вздыматься, и я сжимаю сосок, спускаясь ниже. Мой палец проталкивается внутрь, но она не двигается. Я не останавливаюсь. Сильнее впиваюсь в сосок, и жду. Ничего. Когда ее голова безвольно заваливается на бок, на моих губах расцветает улыбка.

— Ох, рабыня, — я откидываю волосы со лба Дианы и разворачиваю лицом к себе. Ее полные губы приоткрыты, а широко распахнутые глаза смотрят сквозь меня. Она медленно моргает, что порождает во мне желание улыбнуться во все тридцать два зуба. И я делаю это. Бл*дь, я на самом деле, толкнул ее через край... отправил в мир фантазий. Счастлива. Да, она на вершине блаженства и все это благодаря мне.

— Добро пожаловать за грань, детка.

Шепот и горячее дыхание вырывают меня из темных закоулков беспамятства, вытаскивая из непонятного сна, который я не могу вспомнить. Покалывание почти смешивается с болью, и я хочу застонать от ощущения блаженства, в котором пребываю.

— Возможно, если ты останешься, то тебе здесь понравится. Я смогу позаботиться о тебе. Я думаю, что хочу, чтобы ты здесь осталась.

Шепот настолько тихий, что я не уверена, правильно ли расслышала его слова. Я знаю, что это Господин. Глубина его голоса возвращает мое тело обратно к жизни, заставляя возбуждаться снова и снова. Но в этом нет смысла, как и в нежности, которой наполнен его голос. Я чувствую, как состояние покоя покидает меня, когда приближается мой тюремщик.

События ночи возвращают меня назад, и я чувствую, как начинаю дрожать от воспоминаний. Прежде чем я успеваю собрать их воедино, что-то мокрое скользит по моему животу. Боль заставляет открыть глаза. Огонь расползается по ране, и я кричу, пока он удерживает меня в лежащем положении, прижимая ладонь к моей груди.

— Ш—ш—ш. Я просто тебя мою, рабыня. Ты в порядке. Я буду хорошо заботиться о тебе. *Я буду в порядке? Он позаботится обо мне?* Он убеждает меня, будто спасет или исцелит от пагубного желания, но он тот, кто режет меня и покрывает синяками мое тело.

Давление на моей груди ослабевает, и я расслабляюсь, осматривая тускло освещенное помещение. Мы все еще в подвале, и я лежу на кровати, которую видела в дальнем углу. Большие железные столбы переходят в металлический навес, расположенный сверху. Мои веки закрываются, я не могу окончательно проснуться. Я осторожно позволяю себе начать вспоминать. Все кажется таким размытым, пока я не вспоминаю про манжеты. Я с трудом понимаю, как оказалась на кровати. Но... есть и другие вещи. То, как приятно меня ласкали, пытаюсь успокоить. Вверх и вниз, именно так он успокаивающе поглаживал мою руку от плеча до кончиков пальцев. И шепот... конечно, большую часть этого я лишь представляю, а не помню. Ощущения, которые витают вокруг, покорили меня, особенно когда Господин гладил мою руку, но это не может быть реальным. Нет никакого шанса, что я могу поверить его словам. Я знаю лишь то, что это могут быть мои собственные фантазии. Поврежден ли мой разум? Может быть...

Я заставляю свои веки подняться, вспоминая, что услышала, когда впервые очнулась. Он хотел уберечь меня, по крайней мере, так он сказал. Этого достаточно, чтобы заставить меня запаниковать. Если он хочет уберечь меня, то он не позволит мне умереть. И даже если мне захочется жить, то это означает, что я никогда его не покину.

Его голубые глаза на мгновение встречаются с моими, прежде чем я обращаю внимание на мазь, которой он покрывает буквы. Мои предыдущие опасения исчезают, а на их место приходят новые. *Наши имена должны быть вырезаны на коже друг друга. Бл*дь, кажется, мы друг друга пометили.* Боже, что если это действительно случилось? Я хочу застонать, но все же не могу отрицать ту часть меня, которая с теплотой вспоминает все это и даже то, что произошло. И как он это воспринял? Был ли в ужасе от меня? Или я была как он? Я прочищаю горло, прогоняя следующие вопросы. Я не могу думать об этом сейчас. Он прав. Я

не собираюсь оставаться здесь и дальше, чтобы беспокоиться об этом. В горле застревает ком. Я снова чувствую это пламя, которое только еще больше разгорается, и именно его с каждым днем мне все сложнее погасить.

— Господин? — мой голос в тишине хриплый и скрипучий.

— Да, рабыня?

Столько эмоций одолевают и словно проходят сквозь меня, и я не могу игнорировать тот факт, что мне все время хочется улыбнуться. Внутри я чувствую себя лучше. Как гора с плеч свалилась. Странное ощущение, которое я не могу объяснить. Неужели это связано с тем, что произошло?

Я приподнимаюсь на локтях, игнорируя момент, когда он окидывает меня взглядом.
Черт.

— Я не могу вспомнить многое из прошлой ночи. Что... случилось?

Уголки его губ приподнимаются вверх, но улыбка выглядит не дерзкой, а скорее самой сексуальной, какую мне только доводилось видеть. Это нечто иное.

— Это называется — "за гранью". Ты была великолепна. Совершенна... — кажется, он понимает, что выражение его лица меняется, и отходит к столу. — Позже я объясню подробнее. Как ты себя чувствуешь?

Могу ли я передать это словами? Я не уверена. Это что-то слишком сильное. Я просто хочу свернуться на своей стороне кровати, лежа с тупой улыбкой на лице из-за того, что это была самая сногшибательная ночь, которую я *не могу* вспомнить. Это пугает меня сильнее, чем то, что он сделал. Меня не преследуют печаль или страх. Я не ощущаю их; им *здесь* не место. Разочарование — да, но моя самая сильная эмоция — это счастье.

— Я... хорошо. Больно... — черт, мне безумно больно, но я не собираюсь говорить ему об этом. И все больше и больше убеждаюсь, что поступаю правильно. Другое дело, если я буду держать рот на замке. Если я услышу его жалость, или желание и дальше удерживать меня здесь, то это будет большей проблемой, чем та, что есть у меня сейчас.

— Ты не умеешь врать. Тебе очень больно и это плохо, — он обмакивает тряпочку в миску с теплой водой, стоящей рядом с ним, и проводит ей между моих грудей, переходя от одного полушария к другому. Я пытаюсь успокоить свое дыхание, но чувствую, как твердеют мои соски. Из-за низкой температуры комнаты они еще сильнее скручиваются в узелки, контрастируя с внешним холодом и теплом моего тела.

Тряпка скользит левее, чтобы обмыть больше, и я уже не могу игнорировать пристальный взгляд, ни на секунду не покидающий моего тела. Я сглатываю, а мой желудок сжимается, когда он хватается за мое согнутое колено и разводит ноги в стороны. Я могла бы начать бороться, могла бы сжать их вместе, но новое ощущение вызывает у меня беспокойство. Что-то изменилось. Не только у меня, у нас обоих.

Теплая и влажная тряпка путешествует по внутренней стороне бедра и продвигается к моей киске. Мои глаза закрыты, пока он проходится плотным материалом по верхней части моей щели, вплоть до самого входа, обтирая меня легким движением руки. Я закусываю губу, предвкушая следующее движение. Слышится плеск воды, а затем его большой палец раскрывает мои складочки. Вода льется непрерывным потоком по чувствительной плоти, и я ахаю, двигая бедрами от удовольствия, которое возникает. Мне кажется, что он прикоснется ко мне тканью, но я ошибаюсь. Вместо этого его прикосновения переходят на мой клитор, потирая его нежными, мучительными кругами, и процесс с водой повторяется. С моих губ срывается стон, и я тянусь вниз, сжимая под собой шелковые простыни.

Вес его тела перемещается, и я прижимаюсь к кровати сильнее, когда ладони раздвигают мои колени шире. Он облизывает меня языком, заставляя задаваться вопросом, должна ли я позволить этому продолжиться. Я хочу этого. Очевидно, что он тоже. Но после прошлой ночи, хочу ли я полностью попасть под его влияние? Смогу ли я продержаться в последующие дни или даже недели?

Всасывая мой клитор в рот, он стонет и начинает двигаться. Вибрация от его стоны заставляет меня задохнуться. Голова идет кругом, пока я наблюдаю, как он облизывает и посасывает, уделяя этому все свое внимание. Когда язык Господина проталкивается в мой вход, я выгибаюсь, больше всего на свете желая вцепиться в его волосы, чтобы прижать его к себе еще ближе.

— Черт, я не могу тобой насытиться, — он задевает мою кожу зубами, и наклоняя голову, всасывает клитор, чем заставляет меня желать большего. Мои бедра двигаются все быстрее, отчаянно пытаюсь протолкнуть его глубже, но он остается на месте. Я не могу пошевелиться. Не могу сдвинуться с места, чтобы подтолкнуть мужчину туда, где хочу, чтобы он находился. Тепло превращается в жаркое пламя, и его язык неоднократно меня дразнит. Моя голова болтается из стороны в сторону, пока он сохраняет устойчивый ритм. Едва ощутимые щелчки языка заставляют меня затаить дыхание. Я отчаянно желаю быть заполненной.

— Господин, пожалуйста.

Крепко сжимаю зубы. Я не уверена, кто более шокирован моей мольбой: я или он. Так легко его имя выскользнуло из моего рта. Не из-за страха или того, что он этого ждал, именно в этот момент, обнимая его, я... принимаю свою роль.

Влага блестит на его подбородке, когда он поднимает голову. Изумление меняет цвет его глаз на светло-голубой, хотя почти всегда они кажутся черными.

— Ты меня хочешь, рабыня?

Никакого принуждения. Всего лишь вопрос. Тот вопрос, ответ на который меня душит. Все это происходит по обоюдному согласию. Если я произнесу эти слова вслух, если я соглашусь...

— Ш-ш-ш, — его голова дергается, и он поднимается с колен. Мое имя на его животе заставляет меня открыть от изумления рот, когда я воочию вижу свою работу. "Диана". Так аккуратно и чисто вырезано на его гладкой коже. Его имя вылетело из моего рта, мое имя на его коже... это уже слишком. Но у меня не получается все это тщательно обдумать. Вдруг он нависает надо мной, поглаживая костяшками пальцев мою щеку, с таким выражением на лице, которое я никогда не видела раньше. Жесткие линии, которые обычно искажают его лицо от злости, исчезают. Сейчас он самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела, и я не могу заставить себя думать о чем-то другом. Куда подевался монстр, которого я знаю? Тот, кто так легко может поглотить меня, если я совершу ошибку? Я не могу думать, не могу говорить, пока смотрю на этого привлекательного незнакомца.

— Просто чувствуй.

Он с силой толкается в мою киску, и я закрываю глаза, полные обжигающих слез. *По обоюдному согласию.* Да. Здесь нет никакого насилия или борьбы, которые приводят к тому, что я позволяю этому произойти. Я не хочу думать. Чувство вины накроеет слишком скоро. Оно уже скручивает и разрывает мое сознание. Как только я останусь одна, много времени на то, чтобы покончить с жизнью, мне не понадобится.

Моя рука поднимается вверх, сжимая его плечо, пока он медленно скользит внутри

меня своим членом. Он не избавляется от моего прикосновения. Не следует никакого резкого захвата моего запястья, которое я ожидала. Вместо того чтобы убрать мою руку, он поднимает вторую и обвивает ей свою шею. Поцелуй, которым он прижимается к моему плечу и продвигается к шее, заставляет гореть мои глаза еще сильнее.

— Обними меня, рабыня.

Он приподнимает мой локоть, и я обнимаю его обеими руками. Сжимая мое предплечье, он показывает мне, что желает, чтобы я крепче его обхватила. Все внутри меня протестует, пока я заставляю себя повиноваться. Его губы пытаются уговорить мои открыться, и я зажмуриваюсь сильнее, пытаюсь приспособиться к интимной близости, которая противоречит моему внутреннему состоянию. Воспоминания о моей семье наваливаются на меня, и я не сдерживаю всхлип.

— Я не могу это сделать, — вздыхаю я и отворачиваю голову. Выражение его лица, которое я вижу лишь мгновение, подсказывает мне, что Господин вернулся.

— Не можешь это сделать? — он прищуривается еще сильнее, и его взгляд становится злым. *Пылающим*. Мои руки сдернуты с его шеи и падают на кровать. — Не можешь это сделать? А теперь? Ты можешь сделать это теперь, рабыня? — его рев заставляет мое дыхание участиться, опасаясь, что я нанесла существенный вред. Я открываю рот, но прежде чем успеваю заговорить, его ладонь крепко прижимается к моим губам. — Ни слова. Я все равно с тобой закончил. Я оставлю тебя в твоей комнате, — его член врезается в меня, когда он наклоняется вперед, хватая сначала одну манжету, а затем другую. Я кричу, понимая, что это приносит столько удовольствия, что я едва могу чувствовать страх.

— Ты не можешь оставить меня здесь, — я пробую под ним пошевелиться, ищу способ выскользнуть и расстегнуть оковы. Это бесполезно.

— Я могу сделать все, что захочу. Я — Господин. Тебе лучше не забывать об этом, — его член все еще стоит, когда он уходит, оставляя меня в холоде, который я чувствую не из-за температуры в помещении. Впервые, я действительно его обидела, и я не уверена, что чувствую по этому поводу.

Почему трахаясь вчера вечером, я подумал, что что-то изменилось? Диана не хочет меня. Не настоящего меня. Она видит во мне лишь варвара. Какого-то ненормального мужика, который похитил ее и держит в плену в этом огромном доме, где у нее нет права голоса или контроля над чем-либо. Эти мысли ввели меня в заблуждение и подтолкнули к тому, что я решился показать ей свою другую сторону. Мне казалось, что она готова испытать все то, что я еще мог бы ей предложить. Бл*дь, как же я ошибался. Единственная вещь, которая нужна от меня этой женщине — это ГРЕБАНАЯ пуля.

Я поднимаюсь вверх по лестнице и прохожу мимо своей двери, направляясь прямо к шкафу, чтобы взять какую-нибудь одежду. Рывками натягиваю на себя ткань, и каким-то образом мне все же удается одеться, а не изорвать вещи. Галстук болтается в моей руке, и я со всей силы бросаю его на кровать. Моя грудь болит так, словно я протянул ей нож и позволил вогнать его себе в сердце, которое не билось с тех самых пор, как я потерял свою семью. Как я мог быть таким глупым? Я снова и снова задаюсь этим вопросом. Мне нужно все исправить. Придется вернуться к первоначальному плану. Дело не во мне и даже не в том, чего я хочу. Необходимо поступить так, как будет лучше для нее.

Я останавливаюсь, позволяя всему этому уложиться в моей голове. Ключи оказываются в руке прежде, чем я успеваю закончить собственную мысль. Звук моих шагов едва различим, когда я спускаюсь по лестнице. Дверь, за которой хранится мой контрольный набор, открыта. Я вхожу, хватаю баночку с таблетками и вытаскиваю темно-красную пилюлю из секретного отсека, лежащую отдельно. Есть только один способ узнать наверняка, насколько далеко готова зайти моя рабыня. Пришло время ее испытать.

Таблетки гремят в пузырьке из-за дрожи в моих руках. Во второй руке я прячу другую таблетку и направляюсь в подвал. Мой желудок сжимается, когда я спускаюсь в тускло освещенную комнату. Диана поднимает голову. Я вижу, что ей страшно. Она отползает к изголовью кровати и прижимает колени к груди. Как только она замечает, что я держу в руках, ее глаза встречаются с моими.

— Покончим с этим, — я подхожу к небольшой раковине и наливаю стакан воды. Отхожу от нее и ставлю кружку на тумбочку. Ее дыхание сбивается, пока она пытается успокоиться.

— Что ты имеешь в виду под "покончим с этим"? Ты сказал, что я должна заслужить смерть.

Я снимаю манжету, и она свободно падает на кровать.

— Ты безнадежна, Диана. Сейчас же снимай другую манжету.

Ее бровь выгибается от обиды. Не уверен, связано ли это с основным заявлением или с тем фактом, что я обратился к ней по имени. Она выглядит нерешительно, протягивая руку и медленно расстегивая пряжку. Невооруженным взглядом видно, как дрожат ее руки, когда она кладет их на колени. Я не сдерживаюсь и не позволяю ей осознать то, что происходит. Крышечка от банки падает на шелковые простыни, и я вынимаю четыре таблетки, перемешивая их с той, которую прятал в руке.

— Две из них убьют тебя. Все пять сделают так, чтобы ты не страдала, — я оставляю их на открытой ладони в ожидании ее выбора. Я смотрю вниз и едва ли могу обнаружить единственную таблетку со снотворным.

— Что, если ничего не выйдет? — она даже не смотрит на то, что я держу в руке. Я чувствую, как зарождается маленькая искорка надежды, когда она смотрит мне в глаза. Если она не возьмет то, что я предлагаю... будет ли это означать, что в действительности она не готова умереть?

— Все получится.

Она облизывает свои губы и с трудом сглатывает, но все же продолжает смотреть на меня.

— Ты не можешь просто пристрелить меня?

Пристрелить ее. Если бы ее задница уже не побывала в аду и не вернулась обратно, то я бы перекинул ее через свои колени и нашел бы ответ на этот вопрос. Вот как бы это было, но сейчас мне остается только стиснуть зубы, несмотря на свой гнев.

— Ты хочешь, чтобы я сделал за тебя всю грязную работу? — я саркастически смеюсь. — Нет. Если ты хочешь убить себя, то тебе придется взять их.

Диана выглядит устало. Я вижу битву, которая происходит в ее голове, и знаю, что уже выиграл. Независимо от того, что она сделает, это мгновение принадлежит мне. Раньше ей уже выпадал шанс уйти из жизни, но ни одна из предыдущих возможностей не вызывала у нее такого отчаяния. Небольшой шаг, но, тем не менее, весомый.

— Пять секунд, — я держусь прямо, когда она смотрит вниз, на красные капсулы в моей руке. — Четыре. Три. Два...

Она забирает их с моей ладони, и я даже не пытаюсь остановить ее.

— Зачем ты это делаешь? — ее рука сжимается в кулак, удерживая таблетки. Я наблюдаю, как слезы застилают ее глаза, а голос надывается, после чего она начинает дрожать и закусывает нижнюю губу. — Почему тебе нравится смотреть, как умирают? Зачем было терзать меня или других, если все это время ты знал, чем все закончится? Зачем! — она выкрикивает последнее слово, не позволяя мне ответить. Ее тело врывается в мою грудь, когда она толкает меня на кровать, отправляя таблетки в рот. Я не сопротивляюсь. Даже не пытаюсь освободиться.

Диана тянется за стаканом воды и делает большой глоток, но ее рука по-прежнему остается прижатой к моей груди. Я знаю, что она не доверяет мне и отказывается понимать.

— Я ненавижу тебя, — всхлипывает она и ставит стакан на тумбочку. — Я ненавижу то, что ты сделал. Ты все испортил! — плач только усиливается, и удары обрушиваются на мою грудь один за другим. Проходит несколько минут, и она больше не в состоянии бороться. Я принял каждый удар, позволяя ей смириться с тем, что по ее мнению должно произойти.

— Каким образом я все испортил? — я предотвращаю следующий удар, стаскивая девушку вниз за ноги, а после сажусь верхом на ее колени. Она пытается ударить меня снова, но я держу крепко, и рычу, когда она начинает дергать ногами. Мое предупреждение не успокаивает ее. — Ответь на вопрос, рабыня.

— Ты делал именно это. Ты копался в моей голове. Ты заставил меня...

Рыдания становятся громче, и я не могу сдержаться и обнимаю Диану, крепко прижимая к себе. Я удерживаю ее, ведь она так идеально подходит для моих объятий. Мне хочется держать ее так вечно. Я никогда не позволю ей выйти на свободу.

— Смерть скоро придет к тебе, рабыня. Теперь ты счастлива?

Диана напрягается в моих руках. Ее голова дрожит, когда душераздирающая мольба слетает с ее губ.

— О, Боже! — она дергается вперед, вырываясь с достаточной силой, чем очень меня удивляет. — Отпусти меня, — произносит она, задерживая дыхание. — Меня сейчас стошнит.

Стошнит? Я отпускаю, но нахожусь в полной готовности поймать девушку снова, если это понадобится. Она бросается к раковине, засовывает пальцы себе в горло и ее начинает выворачивать. Мои глаза закрываются, пока глубоко во мне расцветает надежда.

— О, Боже. Может уже слишком поздно? — всхлипывает она, включает воду и выпивает целый стакан воды, пытаюсь снова вызвать рвоту.

— Я не уверен. Может быть. Подойди и позволь мне обнять тебя.

Подступающая паника заставляет ее хаотично двигаться, пока она с ужасом в глазах смотрит на меня.

— Я не собираюсь находиться рядом с тобой. Прямо сейчас я пытаюсь не умереть, если ты этого еще не понял. Кроме того, если я выживу, то не хочу находиться рядом с тобой, я хочу вернуться домой. Домой! — выкрикивает она.

— Ответь на вопрос. Как же я испортил тебе жизнь? — я подхожу ближе и наблюдаю, как на моих глазах *исчезает* весь прогресс, которого я с ней добился.

— Нет. Перестань вести себя так, будто ты заботишься обо мне. Не смей! Ты просто хочешь узнать, как далеко сможешь зайти со мной, прежде чем я умру? Или может, ты просто хочешь посмотреть, насколько сильно я позволю тебе изуродовать свое тело, прежде чем ты, наконец, позволишь мне убить себя, — последняя ее фраза доказывает мне только одну вещь. Она винит меня за предоставленный ей выход. Чем больше она говорит, тем больше я начинаю понимать ее. Она так сильно рыдает, что сотрясается всем телом.

Я блокирую ее отступление к стене. Она осматривает комнату и бросается к подносу с хирургическими инструментами. Диана успевает сделать лишь пару шагов, когда я подхватываю ее на руки и бросаю обратно на кровать. Она вытягивает руки назад, пытаюсь дотянуться ногтями до моего лица. Я же прижимаю ее к матрасу и сильно сжимаю хрупкие запястья, чтобы удержать под собой.

— Слезь с меня! Я не хочу, чтобы ты снова ко мне прикасался.

— Ты врешь, — шиплю я. — Ты хочешь меня. Ты хочешь этого. Вот почему ты так расстроена.

Она качает головой из стороны в сторону.

— Нет. Никогда! Все, чего я действительно хочу — это покинуть это место. Вернуться домой.

— Ты дома, рабыня. Я никогда не позволю тебе уйти, пока ты жива. Теперь ты принадлежишь мне. Это подтверждает та часть тебя, которая находится между твоих бедер.

И все же она продолжает качать головой.

— Я не хочу оставаться с тобой. Я даже не хочу видеть тебя снова.

— Может быть, тебе и не придется. Возможно, таблетки убьют тебя. Как ты себя чувствуешь?

Диана успокаивается и моргает несколько раз, смотря на потолок. Я вижу, как осознание ситуации отражается на ее лице.

— Я не знаю. Я... устала, — она в таком ужасе смотрит на меня, что мне почти становится жаль ее. — Я умираю. Нет, — выдавливает она. — Что ты мне дал?

— Какая разница, если они выполняют свою работу? Ты хотела умереть, рабыня, — я поддерживаю нейтральный тон. Хочу почувствовать ее страх. Заставить девушку поверить, что она действительно прощается с жизнью, которая пока еще не покинула ее.

Она упирается ногами, пытаясь перевернуться, но с моим весом, прижимающим ее, она даже толком не может сдвинуться с места. Особенно после снотворного, что она приняла, и которое уже начинает действовать.

— Я не все выплюнула. Боже, я не готова умереть. Ты должен позволить мне встать. Мне нужно снова попытаться избавиться от таблеток.

Мой захват ослабевает, скользит вниз по ее предплечьям, пока я не захватываю в ладони ее лицо.

— Ты уверена, что хочешь это сделать? Ты можешь умереть прямо сейчас. Это огромный шанс для тебя. Ты уже на полпути к смерти. Все, что тебе нужно сделать — это уснуть.

Слезы текут из-под ее закрытых век. Молчание длится чуть больше минуты.

— Ты прав. Я должна перестать бояться. Я должна сделать это. Здесь для меня ничего не осталось.

Я позволил расцвести надежде, но от ее ответа она увядает. Диана не рассматривает меня как свое возможное будущее, и я не могу винить ее за это. Она ошибается, и я не могу сдержаться, позволяя этим словам выскользнуть. К счастью, кажется, она их не слышит.

Я приподнимаю ее и перетаскиваю на середину кровати. Как только я начинаю застегивать на ее руках манжеты, она приоткрывает глаза.

— Что ты делаешь? Я не хочу умирать прикованной. Отпусти меня, — произносит она заплетающимся языком, и ее веки почти закрываются, поднимать их Диане становится все сложнее и сложнее.

Медленно я ложусь рядом и прижимаю ее тело к своему. Я мягко прикасаюсь к ней губами. Она не сопротивляется.

— Я буду скучать по тебе, Диана. А ты будешь скучать по мне? — я целую ее снова, мягко скользя своим пальцем по подбородку. Я не уверен, почему спрашиваю об этом. Но все мои мысли только о ней. Боже... что она со мной делает? Я влюбляюсь в нее и это плохо. Разве я недостаточно страдал все эти годы?

— Я... — ее лицо прижимается к моей груди, и я поднимаю ее голову, удерживая напротив своей. Несколько шлепков по щекам, оказываются достаточно болезненными, чтобы заставить девушку открыть глаза.

— Ответь мне, Диана. Жалеешь ли ты о чем-нибудь из того, что между нами было? — я сжимаю зубы, пока жду ее ответ. Она возненавидит меня, когда очнется. Но не потому, что подумала будто умирает, а из-за того, что я это запланировал.

— Я... — ее лицо искажается, как будто она старается не заплакать. И все же одна слезинка вытекает, а она закашливается. Я снова хлопаю по щекам, пытаюсь вытащить рабыню из сна.

— Давай же, детка, — шепчу я себе под нос. — Поговори со мной.

Я должен заставить ее говорить сейчас, когда она наиболее уязвима и готова сказать мне правду. Здесь и сейчас Диана должна признаться в том, что ей не позволяет произнести вслух гордость.

— Рабыня, — рычу я. — Просыпайся, твою мать! — моя рука скользит под ее голову, приподнимая, чтобы быть еще ближе. Боль от пощечин едва заставляет ее открыть глаза.

— Отвечай. Что ты чувствуешь ко мне? Ничего? — я говорю быстро, стараясь дать ей больше времени для ответа. Ее нога дергается, и она почти засыпает.

— Господин, — шепчет она.

Одно слово — это все, что я получаю до того, как она затихает. Мои пальцы проскальзывают в волосы по обеим сторонам от головы Дианы, когда я поднимаю голову вверх, чтобы прижаться своим лбом к ее. Я глубоко выдыхаю и прижимаюсь еще крепче.

Господин. Да, я твой Господин. Как мало ты знаешь, ведь смерть не придет за тобой сегодня. Тем не менее, тебя действительно будет ждать ад, когда ты проснешься.

— Рабыня. Рабыня...

Я нахожусь в крошечной тьме, но голос моего Господина вытаскивает меня из окружающей пустоты. Его голос звучит требовательно, достигая того места, которое я не хочу чувствовать. Место, в которое мне страшно снова впускать эмоции. Ноющая боль в груди кажется такой сильной, но я хочу заткнуть ту дыру, которая находится внутри меня. Ту, что появилась, когда я потеряла семью.

— Господин? — я возвращаюсь, страх становится сильнее, медленно распространяясь по моей коже. Найти его, будет означать, что я спасена. Так или иначе, я знаю это, даже если мне это и не нравится. Но если он останется безразличным... я здесь в ловушке. Потерянная в пустоте, которая готова проглотить меня целиком. Я чувствую это. Чувствую давление темноты, которая сгущается. Она хочет меня. Хочет удержать меня здесь навсегда.

Я с трудом сглатываю, заставляя свои ноги двигаться, пока пытаюсь подняться.

— Господин? — я громче зову его по имени, а в душе ощущаю, будто мчусь сломя голову, но в то же время не могу сдвинуться с места. Неопределенность делает меня раздражительной, будто какой-то монстр может выскочить из глубин моего личного кошмара и утащить меня обратно, навечно.

— Рабыня.

Он так близко. Я пытаюсь почувствовать ногами твердую почву, которая должна находиться подо мной. Головокружение настолько сильное, что я теряюсь в пространстве.

— Господин! — я кричу так громко, как только могу. Страх покрывает каждый дюйм моей кожи, и я почти могу почувствовать его запах. Плотная темнота вокруг меня начинает атаковать мое тело, заполняя собой рот и нос до тех пор, пока я не могу больше дышать. Я ничего не могу сделать, лишь пытаюсь добраться руками до лица... но я не двигаюсь. Она проникает в меня, и я не в состоянии ее остановить. Боже, я принадлежу ей — она во мне. Мы одно целое, или быстро становимся им.

— Рабыня.

В мои легкие поступает прохладный воздух. Он не такой плотный или вязкий, как предыдущий. Я делаю судорожный вдох, и мои глаза распахиваются, в то время как реальность и вымысел сливаются воедино. Каждый дюйм моего тела начинает дрожать, когда я встречаюсь взглядом с Господином, который сидит на кровати рядом со мной. В комнате полумрак, и тени на его лице пугают меня почти так же сильно, как кошмар. Я не понимаю, что происходит. Не могу избавиться от тьмы и в испуге дергаю манжеты. Моя голова пульсирует, а язык во рту ощущается распухшим и сухим.

— Посмотри на это. Ты жива.

Я моргаю. Один раз. Второй. Мои воспоминания возвращаются расплывчатыми и сумбурными образами, как домино, падающие друг на друга. У меня кружится голова, а мой разум словно в тумане.

— Я не умерла? — мне приходится прочистить горло из-за ощущения, похожего на сухость во рту, но в миллион раз хуже. Так вот откуда взялось это удушье, которое было в моем кошмаре. — Воды? — выдавливаю я.

Господин приподнимает мою голову рукой и прижимает к губам стакан. Я делаю большой глоток, не заботясь о потоке воды, который стекает по моему подбородку, спускаясь к груди. В любом случае я чувствую себя обезвоженной, словно выжатый лимон. Что, черт возьми, он мне дал? Я знаю, что спрашивать бессмысленно. Он не ответит мне сейчас, точно так же, как не сказал перед тем, как я потеряла сознание.

Я отстраняюсь и тяжело дышу, он отпускает меня и ставит стакан обратно на тумбочку. О чем я думала? На меня обрушивается слишком много противоречивых вопросов. Он злится, что я выплюнула таблетки? Что я струсилась перед смертью, свидетелем которой он с нетерпением хотел стать? Вот что ему нужно, не так ли? Наблюдать, как люди умирают? Они не приезжают сюда, если им это не нужно. Мой мозг отключается, когда до меня доходит смысл его слов. Он сказал, что хочет сохранить меня, не так ли? Что его имя на моем животе... подтверждает, что я принадлежу ему?

Я нервничаю, но позволяю нашим глазам встретиться. Он продолжает смотреть. О чем он думает? Это имеет значение?

— Могу я уйти домой, сейчас?

Тишина.

— Я знаю, что ты хотел меня убить...

Прежде чем я успеваю сказать что-нибудь еще, его рука с хлопком закрывает мне рот. Я чувствую на языке капли крови, и слезы застилают мои глаза. Чистая ярость, которая светится в его взгляде, вызывает приток влаги. Меня охватывает страх, но я пытаюсь сдерживать полноценные рыдания. Меня переполняют эмоции, и я не могу их отключить, как обычно поступала в таких случаях. Скорее всего, это связано с препаратом, который он дал мне.

— Никогда. Так. Не. Делай... Не предполагай, будто знаешь, чего я хочу. *Никогда*. Ты хотела убить себя, иначе бы не приняла те таблетки. Выбор был твоим и только твоим. И за то, что ты винишь меня, тебя ждет наказание.

— Но... — я широко распахиваю глаза, мой голос приглушен его ладонью. Паника призывает меня начать двигаться, чтобы выбраться из-под его руки. Я знаю, к чему это приведет.

— Я не хочу слышать ни одного возражения. Поэтому я должен быть уверен, что этого не произойдет.

Я пытаюсь уклониться от красного шарика. Это заставляет его сжать пальцы на моих щеках. Я кричу от боли, и это позволяет ему заткнуть мой рот кляпом. Ему сложно застегнуть крепление, но через несколько секунд он справляется.

— Вот, — он встает, обходит меня и хватает хлыст. Я не могу помешать своей киске, которая тут же становится мокрой. Это не поддается контролю, поэтому мне хочется заплакать еще сильнее. Это все неправильно. Бл*дь, меня убивает чувство вины. Почему я не умерла? Почему я заставила себя выплюнуть таблетки?

Я знаю, почему.

Потому что я хочу жить. Часть меня ненавидит его за это. Но пламя, которое он пробудил, растет. Оно ярче, чем когда-либо, учитывая мои желания. Не только боль, но и удовольствие тоже. Он заставил меня почувствовать себя *желанной*, даже если использовал

мое тело для своих собственных садистских наклонностей. Были моменты, когда возвращалась прежняя я. Мне бы хотелось избежать тех чувств, которые появлялись после секса, но я не могу отрицать того, что мне было хорошо. Я хочу большего, несмотря на то, что это неправильно.

— Раздвинь ноги.

Приказ вырывает меня из размышлений, но я колеблюсь. Жгучая боль заставляет меня жадно вдохнуть через нос. Он наносит три быстрых удара по моему бедру, рядом с тем местом, которое больше всего требует внимания.

— Сейчас, рабыня, — рычит он.

Обрушивается последний удар, и мой рот заполняют вибрации от рыданий. Он толкает мои ноги, и я раздвигаю их так широко, как только могу. Знаю, что это не то, чего он хочет. Он хочет разместиться между ними, но я не могу не бросить ему вызов. Я прищуриваюсь, пока мы смотрим друг другу в глаза. Моя интуиция подсказывает, что нужно отвести взгляд, и я бы так и сделала, если бы не голод, которым он пронизан. Я едва замечаю, как он замахивается, прежде чем удар приходится на мой клитор. Его силы достаточно, чтобы внутри разлился жар, но не на столько, чтобы причинить боль. Я выгибаюсь, не в силах себя остановить.

— Я думал, что ты ненавидишь меня? Хочешь, чтобы я никогда не прикасался к тебе снова? — он упирается коленями в кровать, а его рука ложится на мое бедро. — Когда ты на меня так смотришь, то словно просишь, чтобы тебя трахнули. Ты скучала по моему члену, рабыня? Или ты полна решимости довести меня, чтобы я удавил тебя голыми руками? Ты хочешь, чтобы я покончил с тобой из-за твоей же провокации? Ты думаешь, что я настолько неуравновешенный, что потеряю контроль?

Я медленно качаю головой.

— Ты хочешь, чтобы я тебя трахнул?

Я опять качаю головой, давая отрицательный ответ.

Он щурится, и это говорит мне о том, что он расстроен. Хорошо. Возможно, он вытащит кляп.

— Что же, очень плохо. Я собираюсь трахнуть тебя в любом случае.

Я сдвигаю ноги вместе, практически зажимая его руку, но он успевает ее отдернуть. Это не причинило бы ему боль, но по крайней мере, я удовлетворена тем, что заставляю его нервничать.

— Ноги! — в этом единственном слове звучит приказ, я пристально смотрю на него и выполняю команду. Жар продолжает нарастать от предыдущих шлепков. Он собирается бить по уже имеющимся синякам? Бл*дь, он точно хочет сделать именно это.

— Ты получишь по десять ударов по каждой стороне. Если ты попытаешься пошевелиться, то я добавлю еще десять. Кивни, если поняла.

Я закрываю глаза, но киваю.

— Пять по каждой ноге за свою точку зрения.

Первый шлепок практически заставляет меня дернуться от неожиданности. Пальцами нащупываю цепочку, которая соединяет манжеты, и сжимаю ее, пока он работает над внутренней и внешней поверхностью моих бедер. Жар от ударов, которые он наносит чуть ниже моей киски, заставляет мой рот наполниться слюной. Я хочу пошевелить бедрами. Если бы не желание заплакать и сбежать, то я могла бы это стерпеть.

— Семь слева. Ты уверена, что не хочешь пошевелиться? Мне нравится идея

продолжить, — кончик хлыста скользит по щели, размазывая мои соки. Он встряхивает его и снова опускает на мою кожу. Я вздрагиваю от ощущения текущих по моим щекам слез. Остальные удары он наносит медленно, выдерживая между ними промежутки. Он только что нанес самый болезненный, и судя по выражению лица Господина, он наслаждается каждой минутой происходящего.

— Что, ты желаешь обвинить меня еще в чем-то, прежде чем я закончу?

Молча, он отталкивает мою ногу и переворачивает ее на бок. Шлепок по заднице заставляет меня захныкать, несмотря на заткнутый кляпом рот. Понимание ситуации отвлекает меня от слез, соплей и слюней, которые стекают по моему лицу, и я начинаю рыдать еще громче, когда он вытаскивает шарик.

— Теперь ответь мне. Ты все еще винишь меня?

— Да, Господин, — я не двигаюсь. Мое лицо все сильнее прижимается к шелковым простыням, пока я разваливаюсь на части. Я, бл*дь, чуть не умерла, а теперь меня наказывает человек, чувства к которому выбивают меня из колеи. Этого вполне достаточно, чтобы сойти с ума. Бл*дь, я уже сошла, без сомнения. Поэтому стремлюсь к излечению. "Стокгольмский синдром" во всем его проявлении? Ее удивлюсь, если так и есть. В глубине души, я с самого начала наслаждалась тем, что тону, не желая выбираться из воды.

Рука Господина сдавливает мое плечо, и он разворачивает меня так, чтобы я оказалась перед ним. Его лицо ничего не выражает. Вообще ничего. Лишь взгляд того незнакомца, которого помню, и теперь я не знаю, кто мне нравится больше. Его хорошая или плохая часть? Нежная или грубая? Словно он одновременно скрывает в себе двух разных людей. Личности которого не принадлежат одному человеку.

— Ты останешься здесь до тех пор, пока я не решу иначе. Я буду приходить. Иногда ты будешь надолго оставаться одна, но у тебя есть работа, которую необходимо выполнить, и я не стану отвлекать тебя от нее.

— Работа? — мой голос звучит хрипло, когда я пытаюсь понять, о чем он говорит.

— Я спонсор крупного благотворительного фонда. И должен появиться на мероприятии, которое очень важно, а ты собираешься написать мне речь.

— Благотворительного фонда? Ты? — я почти готова засмеяться от того, как абсурдно это звучит, но останавливаю себя при виде его подергивающейся щеки. Монстр, человек, который не слушая возражений заклеил меня своим проклятым скальпелем, оказывается крупным спонсором и помогает... людям? *Помогает...* я смотрю ему в глаза, пока пытаюсь все осмыслить. Это больше, чем я; больше, чем вероятно я могу понять. Что-то подсказывает мне, что вина лежит на мне. *Статус. Деньги. Власть, которую он источает.* Он уже говорил, что потерял кого-то, и я осознаю то, что он не позволил бы мне убить себя. Но он дал мне таблетки. Это заставляет меня задуматься, ведь если бы я не струсилась и использовала свой билет в один конец, то куда бы попала: в рай или в ад? Что бы это значило? Ничто из этого не имеет смысла. — Кто ты на самом деле?

— Немного поздно для знакомства, ты так не думаешь, рабыня? В любом случае, это уже не важно.

Он встает, и я не могу не заметить, как его губы растягиваются в печальной улыбке.

— Подожди... пожалуйста, Господин! — я с трудом сглатываю, пытаюсь подтянуть себя, чтобы принять сидячее положение. Черт возьми, если эта тайна не умиряет мой гнев. Я хочу узнать, кто он на самом деле. Если бы он не показал мне свою другую сторону, я могла бы предположить, что этот монстр действовал только одному ему известным способом.

Благотворительный фонд. Но нет, я чувствую нечто другое внутри него. Что-то, что как мне кажется, он хочет скрыть от меня и возможно не зря.

— Что еще? — он оборачивается, его тело снова выглядит так, словно высечено из камня. Мои мысли хаотичны. Он забрал меня от моей семьи. Пусть и не физически, но мне нужно попробовать воссоединиться с ними. Я не могу об этом забыть или вовсе простить ему все что случилось, но я не в состоянии игнорировать его секрет. Я точно знаю, что это будет опасно для меня, но все равно не могу остановить слова, которые вырываются:

— Можешь ли ты поцеловать меня сейчас? Как... собирался это сделать раньше?

Здесь что-то есть. Жесткий взгляд тает от моей просьбы, и незнакомец передо мной ищет что-то в моих глазах, но я не могу понять, что именно. Возможно, в этот момент меня меньше всего интересует, что он там ищет; я очарована этой его новой стороной. Любопытством и его попытками сопротивления.

— Нет. Я ухожу за едой для тебя.

Даже когда он ушел, я не смогла перестать обдумывать все, что увидела. Начиная с того момента, как он уходил, продолжая смотреть на меня, и то, как он разминал кулак, пока поднимался вверх по подвальной лестнице. Я забралась ему под кожу. Он сказал, что хочет оставить меня себе. Это заявление сделал монстр, а не его лучшая часть, но мне интересно, что же случится, если я попытаюсь воззвать к его хорошей стороне? Ведь есть еще и середина между плохим и хорошим, та часть, которая называет себя Господином? Или зло в нем слишком укоренилось? Я не уверена, но, черт меня возьми, если я не попытаюсь это выяснить. Вместе со всеми последствиями.

Мог ли я поцеловать ее, как хотел сделать это раньше? Она не могла спрашивать об этом серьезно. Ее вопрос меня разозлил. Мне хочется забрать назад эти слова и бросить ей в лицо. Это, бл*дь, заставляет *меня* желать *подчиниться* ей; целовать медленно и страстно, когда она не сопротивляется, а дышит необходимостью быть со мной. Черт возьми. Я не могу об этом думать. Диана засела в моей голове так же глубоко, как и я в ней, когда трахал ее тело. Хотя она сделала это не намеренно, или все же нет? Как возник этот вопрос? Что вообще заставило ее задуматься об этом?

Я замираю с подносом в руках, пока обдумываю произошедшее. *Почему она передумала?* Сама мысль о смерти или пробуждение после того, как она поняла, что выжила, заставили ее переосмыслить чувства, которые она может быть ко мне испытывает? Будь я проклят, если знаю ответ. Эта женщина сводит меня с ума всеми возможными способами, которые я только могу вообразить.

— Поцелуй ее... — в моем тоне полно сарказма, но я качаю головой и ставлю миску на столешницу. Бл*дь, мой член этого хочет. Но это действие не входит в мои нынешние планы. Сегодня она меня взбесила — пробудила желание трахать ее долго и мучительно. Возможно, я так и поступлю. Проучу ее и заставлю держаться подальше от моей хорошей половины. Диане не нужно ее знать. Даже *эта* часть меня не достаточно хороша для нее. Конечно, я делаю правильные вещи в глазах общества, но во мне всегда будет жить тот человек, которым я являюсь сейчас. Я не могу убежать с одной частью и оставить другую далеко позади. Ответственность несут обе стороны. Для меня — это все, или ничего. Это не безопасно для нас обоих, независимо от того, что я хочу сохранить ее для себя. Мой мозг подсказывает мне, что ничего подобного не случится. Диана моя. Нет никаких сомнений, если речь идет о ней. Тем не менее, у меня остается четкое представление всей ситуации. Я не могу удержать ее, и причин для этого достаточно, чтобы написать гребаный роман. Когда Диане станет лучше, ей придется уйти. Исходя из того, что я увидел за последние двадцать четыре часа, понадобится всего пара недель. Нет, я даже преувеличил срок ее восстановления. Это случится гораздо раньше.

— Поцелуй ее, — повторяю я снова. — Черт бы побрал эту женщину, — черт, для меня даже секс с ней — это пытка. Теперь она знает, что во мне есть другое "я", лучше того, которое она привыкла видеть. Я должен попробовать заблокировать эту часть себя. И заставить ее забыть то, что она увидела.

Звучит сигнал, и я слышу:

— Господин.

Голос Джейми заставляет мои брови изогнуться. Это не похоже на него — зайти без приглашения, но я действительно не хочу иметь дело с этим прямо сейчас. И велика вероятность, что независимо от того, что он хочет сказать — это будет касаться работы.

Парадная дверь закрывается, тревога усиливается от звука шагов, которые приближаются ко мне.

— В кухне, — я ставлю тарелку супа на печь и оборачиваюсь, когда он входит в дверь.

Костюм, в который он одет, сшит на заказ, подчеркивая его широкие плечи и тонкую талию. Желтый галстук сбивает меня с толку. Обычно, он надевает черный, синий, или красный. Это не похоже на него. Это что-то новенькое. Он человек привычки, по крайней мере, таким я его знаю.

— О, обед, — он засовывает руки в карманы, осматривая небольшой стол в стороне, и снова смотрит на меня. Этот взгляд длится всего несколько секунд, прежде чем перемещается в сторону двери, выходящей из столовой.

— Она не там, — сухо произношу я и беру ложку, чтобы перемешать суп.

— Разве она еще не заработала возможность заходить на кухню? Прошло чуть больше месяца, — на одно короткое мгновение, прежде чем он успевает себя остановить, его лицо приобретает мрачное выражение. Мои глаза прищурены, пока я наблюдаю за ним, изучая, как он стоит в непривычной для меня позе.

Между нами повисает молчание, пока я продолжаю помешивать суп и обдумывать то, что собираюсь сказать ему. Прежде я никогда и ничего не скрывал от него о рабах, но с другой стороны, он никогда ничего о них не спрашивал раньше.

— Диана провалила свой тест этим утром. Приняла таблетки. Она не готова.

Джейми опускает голову, его челюсти напрягаются, а взгляд упирается в пол.

— Я знал, что она была в плохом состоянии. Я чувствовал это. Видел это в ее глазах, когда бросил здесь. Полагаю, что я не справился. Отчасти, поэтому я здесь.

— Да, она через многое прошла. Хотя, ей становится лучше. Она призналась, что не хотела умирать после того, как приняла их. Даже вызвала у себя рвоту. Конечно, она сделала это не достаточно быстро. И так или иначе, она уснула.

Он качает головой с недоверием, в то время как его взгляд по-прежнему устремлен в пол.

— Я могу увидеть ее?

Рука, которой я помешиваю еду, замирает, а живот напрягается, поскольку собственнические чувства замораживают мои конечности.

— Она не достаточно хорошо себя чувствует для того, чтобы принимать посетителей.

Джейми поднимает свой взгляд и встречается с моим.

— Не достаточно хорошо, чтобы встретиться со *мною*?

Бл*дь. Мой отказ убедит его, что она имеет значение. Это не так, ведь я прячу ее от мужчин в целом, но безусловно, я не хочу, чтобы он зашел в подвал и увидел ее обнаженной. Ее тело принадлежит *мне*. Каждый его дюйм.

— Закончи разогревать еду. Я приведу ее.

Он кивает, когда я передаю ему ложку и направляюсь к двери, за которой скрывается вход в подвал.

— Подожди. Ты действительно держишь ее там? Ты серьезно?

Голос Джейми срывает покровы и наполняет меня гневом. Я оборачиваюсь и медленно прищуриваюсь, когда вижу потрясенное выражение его лица.

— Абсолютно. У тебя с этим какие-то проблемы? Я полагаю, что здесь я — Господин, и я знаю, что лучше для моей рабыни.

Ему с трудом удастся выдержать мой пристальный взгляд. Я могу сказать об этом потому, как он переминается с ноги на ногу, когда поворачивается обратно к плите. Дерьмо, я действительно не хочу волноваться еще и об этом. Я разворачиваюсь, открываю дверь и закрываю ее за собой. Диана отползает в изголовье кровати, когда видит мое приближение.

— Ты должна поесть на кухне. Как думаешь, ты сможешь быть хорошей, или мне нужно оставить тебя здесь и накормить самому?

Ее губы приоткрываются, а глаза устремляются к лестнице.

— Я могу быть хорошей.

— К тебе пришел посетитель. Джейми здесь, чтобы провести с тобой немного времени. Но если ты выкинешь фокус, то не думай, что я не перекину тебя через колено и не отшлепаю твою задницу прямо перед ним. Ты понимаешь? Он работает на меня. Он не поможет тебе.

— Я буду хорошо себя вести.

Все, что я могу сделать, это кивнуть, когда отхожу в сторону и беру длинное, синее платье, которое принес для нее чуть раньше. Главная моя цель на сегодняшний вечер — держать ее подальше от Джейми. Если бы я хотел продемонстрировать ему ее тело, то сделал бы это намного раньше.

— Ты должна надеть это, подняться вверх по лестнице и как хорошая рабыня, сесть на пол рядом с местом, где сяду я. Это понятно?

Ее лицо выражает глубочайшее отвращение, и она даже не пытается это скрыть.

— Пол?

— Мне нужно схватить тебя за шиворот и усадить силой? Я сказал — на пол. Точка.

Я приближаюсь и расстегиваю манжеты. Она медленно одевается, натягивает платье через голову и опускает вниз по телу. Ей все еще больно. Это ясно по тому, как она морщится от каждого движения. Мой член встает, и желание трахнуть ее, прежде чем мы поднимемся наверх, становится слишком сильным. Я хочу взять ее. Хочу, чтобы моя сперма находилась глубоко в ее киске и стекала по ногам, когда она будет идти мимо Джейми и встанет на колени у моих ног. Она не забеременеет. В медицинской карте написано, что Диана сделала инъекцию. А я больше не могу иметь детей. Я позаботился об этом после того, как я потерял свою семью.

— Пошли. Ты первая.

Я отодвигаю свои желания подальше, но ненадолго. Я возьму ее, и это случится скоро.

— Господин? — Диана делает паузу, но не оборачивается. Слегка пошатываясь, она продолжает идти. Нет никаких сомнений, что остатки препаратов еще находятся в ее организме.

— Продолжай идти и говорить, — я остаюсь внимательным, когда она поднимает ногу над первой ступенькой.

— Я чувствую себя не очень хорошо. Мне обязательно идти?

Она серьезно спрашивает моего разрешения без вызова в своем голосе? И кажется, она почти горит желанием сделать обратное. Ей приходится говорить правду. Симпатия к ней возрастает, понемногу пробуждая мою хорошую сторону. Этого нельзя допустить.

— Да, идти обязательно. Тебе плохо, поэтому ты должна поесть. Таблетки попали в пустой желудок. Я удивлен, что тебе не стало хуже, чем уже есть. Теперь, пошевеливайся, — я подталкиваю ее рукой в спину, скорее возбуждая, чем заставляя двигаться быстрее. Но она этого не знает.

Кажется, что каждый последующий шаг дается ей все легче, и открывая дверь, Диана издает вздох, останавливаясь прямо перед порогом. После некоторых раздумий она медленно проходит вперед. Джейми издает тихий смешок и прислоняется к столешнице, скрещивая руки на груди. Он — вылитый милашка-холостяк, и я останавливаюсь, закрывая

дверь позади себя.

— Кто-то выглядит уставшим. Как ты себя чувствуешь, рабыня?

Мои зубы скрипят, когда я сжимаю челюсти. Даже осознавая, что он следует моим правилам, но слышать, как он называет ее... это практически заставляет меня двинуться в его сторону.

— Я устала, — тихо отвечает она.

— Господин рассказал мне о твоём промахе. Ты хочешь поговорить об этом? — он выпрямляется, шагает в её сторону, и они направляются в укромный уголок, где стоит маленький столик для отдыха. Диана молча оборачивается, чтобы взглянуть на меня. Так, как я ей и сказал, она встает на колени и смотрит в пол.

— Я бы не хотела, Джейми.

Я вижу, как он ухмыляется, когда садится в противоположном конце стола. Дымящаяся тарелка супа стоит напротив меня, и я присаживаюсь на стул, наблюдая за каждым его движением. Его тоскливый взгляд заставляет меня раскрыть свои глаза. Я что-то здесь упускаю? Джейми жаждет иметь собственную рабыню? Принадлежащую лично ему? Или он проверяет мою?

— Ты знаешь, когда-то я был на твоём месте. Возможно, я смогу помочь. Ты позволишь мне?

Я беру ложку и держу рот на замке. Она не нуждается в его помощи. У Дианы есть я. Однако, я знаю, что не скажу ему об этом. Это заявление, сказанное вслух, лишь докажет, как далеко я зашел. Ревность — не то, что я должен демонстрировать, если собираюсь ей помочь.

— Ты хотел покончить с собой? — Диана поднимает голову, пока я дую на ложку с супом.

— Я пытался. И почти добился своего. Это было очень темное время в моей жизни. Ничего подобного, через что прошла ты, но мне было очень плохо, — он опирается локтями на стол. — Я всегда чувствовал себя потерянным, словно мне здесь не место. Когда я потерял маму и свою стипендию, то уже не думал, что осталось хоть что-то, что удержит меня здесь. Я купил пистолет. И был чертовски близок к тому, чтобы его использовать.

Диана переступает на коленях, её внимание полностью сосредоточено на моём лучшем друге. Моём первом рабе.

— Что произошло? — её голос богат на эмоции. Джейми поднимает на меня пристальный взгляд, а я ожидаю, чем это закончится. Я не готов к тому, что Диана узнает; я пока не хочу, чтобы ей было комфортно, когда я рядом.

Он поворачивается обратно к ней и улыбается.

— Благословение проявилось в самом жутком своём проявлении. Это совсем не сказка, и возможно, когда-нибудь я расскажу тебе, но чтобы сократить длинную историю, то я ушел от "ничего" и нашел в жизни цель. Я получил возможность вернуться в колледж, устроился на потрясающую работу, и погрузился в поиск путей, способных вернуть людей, которым нужна помощь.

Диана наклоняет голову и хмурится.

— Но ты привез меня сюда, чтобы я могла себя убить. Ты знаешь, через что я прошла? — её голос повышается от гнева. — Ты оставил меня здесь. Меня обманули.

— Рабыня, — мой голос звучит ниже, в нём присутствует угроза. — Повернись и поешь, прежде чем тебя стошнит.

— Разве ты не понимаешь? Я ем сидя на полу. Джейми, как мне это поможет?

Я бросаю ложку в тарелку. Громкий звук заставляет ее выпрямиться, но она не останавливается.

— Безусловно, это не та помощь, которую ты имеешь в виду. Это не может быть она. Я отказываюсь верить, что...

Слышится громкий скрип отодвигающегося стула, когда я отталкиваюсь назад и закидываю ее кверху задом на свои колени. Предплечьем я надавливаю на середину спины и задираю платье до поясницы, нанося удар по ее голой заднице. Пронзительный крик вырывается прямо из груди, но я удерживаю ее привычным движением.

— Считай и благодари меня.

Я незамедлительно шлепаю снова, прежде чем ее вопль заменяют слова:

— Два. Спасибо, Господин.

Восемь дополнительных решительных шлепков по заднице, и она рыдает, когда я ставлю ее обратно на колени. Черт меня возьми, если эта женщина не обладает упрямством. Она научится быть послушной, даже если это будет последнее, чего я достигну.

— Теперь сиди и молчи, пока я буду тебя кормить. Еще один писк, и ты получишь еще десять.

Джейми держит рот закрытым, пока я позволяю ему восстановить самообладание. Удивление и шок, но больше всего — похоть, тенью лежат на его лице, когда он отрывает от нее взгляд, чтобы снова посмотреть на меня.

— Расскажи мне о "Уайт Корп", — я наклоняюсь вперед, чтобы развернуть лицо Дианы к своему. Моя рука, держащая ложку, приближается к ее губам. Она сомневается, но все же наклоняется и глотает бульон. Это все, что я могу сделать, чтобы удержать свой палец подальше от желания пройтись по ее пухлой губе.

Молчание заставляет меня повернуться к Джейми, который выглядит таким же очарованным, как и я.

— "Уайт Корп", — яростно напоминаю я.

— Точно, — он облизывает губы, его взгляд задерживается на ней на одно короткое мгновение, прежде чем он будто ловит сам себя на этом. — Купил их сегодня утром. Это еще одна причина, по которой я решил приехать. Я подумал, что ты захочешь узнать это лично. Мне показалось, что можно отпраздновать вместе. Я не думал, что такое может произойти.

Мои губы растягиваются в улыбке, в то время как я снова зачерпываю ложкой бульон.

— Ты преуспел. Этого бы не произошло, если бы ты не твои старания. Прекрасная работа. Мы отпразднуем в ближайшее время. Возможно, поужинаем завтра вечером.

И снова его внимание возвращается к Диане. Счастье сменяется грустью, испорченное моими собственническими выходками.

— Я думаю, что ужин — это хорошая идея.

Я киваю.

— Я все организую. Может быть, моя рабыня сможет поприсутствовать, если все же решит вести себя хорошо. В противном случае ей придется пропустить нашу встречу.

Диана приподнимает голову, но не смотрит мне в лицо. Ее красные, опухшие глаза упираются взглядом в мою грудь, и привычный гнев отступает, когда она проглатывает суп. Я внимательно слежу за ней, как и Джейми, в подробностях обдумывая детали произошедшего этим утром. О чем бы она ни думала — это поглощает ее. Как будто опускается занавес, и ее эмоции исчезают. Я кладу ложку в почти пустую миску и

продолжаю разговор, пока она остается в безопасности своего пузыря.

— Я думаю, что мне пора, — Джейми отталкивается от спинки стула и встает, тут же оказываясь рядом с женщиной, которая словно статуя расположилась у моих ног. Ее дыхание становится глубже, когда он наклоняется ближе и шепчет ей что-то на ухо. Движения густых ресниц замедляются, и она медленно поворачивает к нему голову; ее лицо в нескольких дюймах от его, когда они смотрят друг на друга. — Береги себя, рабыня.

Он встает, посылая мне ухмылку, а потом кивает и направляется в сторону двери. Слова исчезают. В моей голове крутится единственный вопрос. Что, черт возьми, он ей сказал?

Звуки открывающихся замков вытягивают меня из собственных размышлений. Я хватаю ее за локоть и тяну вверх, заставляя встать. Ноги Дианы заплетаются, когда я веду ее обратно в подвал. Спуск вниз проходит чертовски быстро, в отличие от подъема. Когда мы проходим мимо подноса со всеми моими лезвиями, я оборачиваю руку вокруг ее шеи, прижимая спиной к своей груди. Сжимаю сильнее, когда ее руки поднимаются к моей.

— Ты была очень плохой девочкой, — шепчу я ей на ушко. — Что я говорил тебе, прежде чем мы поднялись? Но ты все-таки бросила мне вызов? — мои пальцы сжимают скальпель, который лежит на подносе. Металлическая ручка кажется холодной на ощупь, и я чувствую, как подскакивает мой пульс. Диана сразу же начинает сопротивляться. Это только заставляет меня усилить захват и сделать его более надежным. Ее ноги ищут опору, когда я тяну девушку вглубь комнаты, разворачиваю и заставляю встать около металлической трубы у основания кровати. Плохо. Да, она нарушила правила, но то, что я собираюсь сделать, намного больше, чем просто наказание. В конечном счете, она все равно выберет жизнь, но теперь в мои задачи входит вытравить из нее смерть навсегда. Испугать ее до точки невозврата. И я не могу ждать. — Двинешься, и я вырежу свое имя на твоей спине, — я беру в руку шелковый галстук прежде, чем она успевает придумать, что делать дальше. Мне непонятно, напугана она или нет. Но я собираюсь это выяснить.

Я должна сбежать? Остаться? Осознаю, что поймана в ловушку, но черт меня возьми, если я не хочу попробовать сбежать. Единственной причиной, по которой я все еще прижимаюсь к кровати, являются любопытство и желание узнать, права я или нет относительно его хорошей стороны. После истории Джейми я не могу перестать думать о том, что Господин *имеет* какое-то отношение к нему и тому факту, что он отказался от самоубийства. Скорее всего, он передумал из-за него. Слишком подозрительное совпадение, что мы оба оказались связаны с этим человеком чисто случайно. Разумеется, Джейми работает на него, и именно он привез меня сюда. Он знает обо всех его планах. Возможно, у него была причина оставить меня здесь, и он верит, что у человека есть право выбора. Или возможно Господин убивает не сам, а в конечном счете просто позволяет людям умереть. Дает возможность поступить правильно?

Черный шелковый галстук покачивается от его грациозных движений. Для человека, готового причинить боль, в его движениях присутствует очень мощная элегантность. Этого почти достаточно, чтобы развеять мои страхи. Почти. Мне не нравится, что он держит скальпель. И пусть я выдержала первый раз, когда он клеймил меня, но я не готова повторить эту процедуру.

— Подними руки выше головы.

Приказ звучит властно. И мое тело подчиняется, но мой мозг протестует.

— Я не разрешаю резать себя снова.

Господин приподнимает брови, но его движения не выглядят нерешительными. Шелк оборачивается вокруг моих запястий, когда он прижимается к моему телу и привязывает к металлической трубе. Легкий аромат его одеколона заставляет меня прикрыть глаза. *Удовольствие*. Я не задумываюсь, когда наклоняюсь вперед и скольжу своими губами по его грубой щеке. Он отступает, фасад сдержанности трещит по швам, а его взгляд встречается с моим.

— Я могу получить поцелуй сейчас? — бл*дь, мой голос звучит хрипло. Глубокий и соблазнительный, в нем слышится приглашение. Подействует ли это на него? Я уже слегка пробила его защиту. Стоит попробовать.

Давление на моих запястьях усиливается, когда он сильнее затягивает узел.

— Я же сказал тебе, что нет. Ты меня совсем не слушаешь. И к твоему сведению, если я захочу изрезать тебя снова, то я это сделаю. Твои капризы на меня не действуют и не приведут ни к чему хорошему. Ты должна запомнить, что тут я устанавливаю правила. И ты будешь им подчиняться и выдержишь все, что я для тебя запланировал. Если ты этого не сделаешь, то никогда не сможешь уйти.

— Кажется, ты в любом случае не собираешься меня отпускать.

Если бы была возможность вернуть все назад, я бы так и сделала. По мере того, как я прижимаюсь к столбу, монстр, которого я привыкла видеть, возвращается. Синий оттенок его глаз темнеет, он оборачивает руку вокруг моего горла и прижимает меня к трубе.

— Ты хочешь остаться здесь, рабыня? Изрезанная мной на куски, в шрамах, чтобы быть

маленькой шишечкой до конца своих дней? Это то, чего ты добиваешься? Думаешь, если выдержишь побои, то я отступлю и освобожу тебя? Я так не думаю. Я скорее убью тебя, и в конце концов, сделаю это с гораздо большим удовольствием, чем ты думаешь, — он поджимает губы, сильнее сжимая мою шею, и наклоняется ниже, чтобы его глаза оказались на одном уровне с моими. — Хочешь, чтобы я тебя поцеловал. Желаеть мой поцелуй? Так тому и быть, — рукой, удерживающей меня за горло, он наклоняет мое тело вперед. Его губы жестко прижимаются к моим, и вопреки здравому смыслу, он впивается в меня зубами. Кровь сочится из моей предыдущей раны, и это почти заставляет меня закрыть рот, когда я ощущаю металлический привкус. Руками отчаянно дергаю ткань, которая на мне, в то время как ногами пытаюсь найти точку опоры. Воздух стремительно поступает в легкие, пока его руки перемещаются и впиваются в мой подбородок.

— М-м-м, — кончик его языка проходит по месту рассечения, пока он всасывает в рот мою нижнюю губу, вызывая боль, которая ощущается так, словно миллион жалящих игл пронзают кожу. — Так сладко. Так чертовски хорошо, рабыня, — его пальцы впиваются в мою щеку и сжимают до тех пор, пока я не начинаю плакать от боли. — Ты хочешь, чтобы я снова тебя поцеловал?

Необходимость плюнуть ему в лицо становится слишком сильной. Меня переполняет желание сделать это. Или заехать коленом ему между ног. Может, я неправа на счет его хорошей стороны? Я отказываюсь в это верить. Она должна быть там, остается единственный вопрос, почему я пытаюсь до нее достучаться?

— Отвечай, — рычит он.

Моя голова снова оказывается прижата к металлической трубе, и я стону, когда его рот опять прижимается к моему. Я жду от него боли или чего-то такого, что вызовет новый поток слез, но часть меня желает узнать, станет ли он нежным. Но он не становится. Его зубы впиваются в мою верхнюю губу с достаточной силой, чтобы заставить мои ноги подкоситься. Бл*дь, эта боль... *так приятна*. Как я могу наслаждаться этим? Даже самую малость? Это еще раз подтверждает, насколько нестабилен мой разум.

— Я собираюсь тебя очень хорошо заклеить. Ты просто подожди. Теперь, бл*дь, отвечай.

Он отступает. Кровь медленно стекает по моим губам, а на его лице появляется выражение беспокойства, когда он рассматривает свою работу.

— Я ничего не скажу, пока ты не поцелуешь меня нормально.

Холод от лезвия ощущается над ключицей, заставляя подскочить мой пульс, а воздух поступать в легкие рывками. Не спеша, он движется в сторону плеча, скользя по нему и ускоряя мой сердечный ритм. Тупая сторона скальпеля проходит по моей коже, пока не смещается под бретельку платья. Мое тело сотрясает мелкая дрожь.

— Ох, рабыня. Ты не представляешь, что делаешь со мной, — кончик лезвия скользит по груди, едва прикасаясь, но я чувствую, как растет его беспокойство от вероятности того, что он повредит мою кожу. Пальцы дрожат, когда я осознаю его слова. Я не уверена, что появилась его хорошая часть, возможно, темная сторона все еще здесь.

Бретелька врежется в мое тело, когда он поддевает ее острой стороной и тянет на себя, дальше от моей груди. Мой рот открывается, пока я пытаюсь побороть неловкость.

— Скажите мне. Что я с тобой делаю?

Он поглаживает ткань лезвием вверх и вниз, но не разрезает ее, а только дразнит, как будто не собирается этого делать.

— Ты спросила неправильно, поэтому не получишь ответ, — от последующего за этими словами рывка, ткань оказывается свободной и начинает скользить по моим тугим соскам. Платье падает. Несмотря на то, что он может порезать кожу в любой момент, животная похоть на его лице заставляет мое тело оставаться в спокойствии, словно умоляя посмотреть, что он сделает дальше. Я хочу его независимо от того, правильно это или нет.

— Пожалуйста, скажи мне, Господин? — я понижаю голос и тембр, желая продемонстрировать ему свое уважение. — Я умираю от любопытства. Пожалуйста.

— Умираю... — его взгляд поднимается к моим глазам. — Тогда ты должна чувствовать себя как дома. — Господин рывком дергает платье вниз, полностью обнажая мои груди, и сжимает одну с достаточной силой. Он скользит лезвием по груди, все ниже по направлению к местечку, которое умоляет о внимании, и от этого между моих бедер становится влажно.

— Начнешь дышать глубже, и ты об этом пожалеешь.

Скальпель снова прижимается к моей коже острым концом, когда он сгибает запястье. Мои глаза закрываются, в то время как удовольствие смешивается с желанием убежать.

Когда он переворачивает лезвие и прижимает его тупой стороной, ослабляя нажим на чувствительный сосок, я не могу сдержать стон, который заполняет пространство между нами. Его глаза встречаются с моими, а уголки губ приподнимаются, образуя улыбку, которая так сексуальна, что я напоминаю себе, что нужно дышать.

— Я думаю, что мой скальпель нравится тебе больше, чем ты готова признать, — он дергает меня вперед, и сжатый в кулак материал моего платья оказывается в его руках. Я слышу треск рвущейся ткани, когда он дергает его вверх, используя только свои руки, чтобы сорвать остатки. Меня тянет к нему все больше, с каждым следующим движением его рук.

— В некоторых случаях он мне нравится, — удается выдать мне. Мой мозг возвращается к предыдущему вопросу. — Что я должна сделать для тебя, Господин?

Скажите мне хоть что-то. Что-нибудь. Я не уверена, почему знать это так важно для меня. Возможно, я стремлюсь быть той, кто исцелит такого скользкого типа. Того, кто проделывает со мной вещи, которыми я наслаждаюсь, но все же боюсь их. Я не знаю, существуют ли люди, которых невозможно спасти, но мне нужно увидеть другую его сторону, а не ту, что сейчас передо мной. Если в нем есть что-то хорошее, так же, как и плохое, то возможно... бл*дь, я пытаюсь найти причину, чтобы оправдать то, что чувствую.

Пиджак падает на пол, и он отступает назад. Господин вынимает запонки из петелек своей рубашки и складывает их на подносе, рядом с ножами, пилами и скальпелями. Когда полы его рубашки расходятся в стороны, мой взгляд падает прямо на надпись, сделанную мной.

— Почему бы тебе не рассказать мне, что *ты* делаешь со *мной*, рабыня? Почему я позволил тебе себя порезать?

Но я не могу отвести взгляд. Даже когда он расстегивает ремень и вытягивает его из петель, я зачарованно продолжаю смотреть на надпись, которая пересекает низ его живота.

— Помутнение рассудка? Возможно, ты хотел, чтобы я страдала от порезов, несмотря на то, что в этом случае тебе придется носить на себе то, чего ты не хочешь — мое имя. Не думаю, что ты бы сделал это, если бы я не согласилась.

Чары пропадают, когда он шагает вперед. Я едва могу сосредоточиться на его руке, которой он толкает мою голову и прижимает ее к столбу.

— Ты думаешь, мне нужно твое *разрешение*, чтобы сделать то, что хочу? — огонь

опалает мое плечо, заставляя резко втянуть в себя воздух. Мой разум призывает меня сопротивляться и бороться, чтобы попытаться сбежать. Рациональная же часть меня подсказывает, что если я пошевелюсь, то боль станет намного сильнее.

Вверх и вниз, а затем снова вверх и еще раз вниз. Порезы уже сказали мне то, что я не могу увидеть. Этот ублюдок вырезал на мне букву "м". Она вероятно в четыре раза меньше предыдущей, но тем не менее, она есть.

— Ты, сукин сын! — я сглатываю очередной комок в горле, и слезы затуманивают мое зрение.

Снова появляется эта улыбка.

— Моя мать была прекрасной, большое спасибо. Добрейшая душа. Ничего общего со мной или моим отцом.

Я вздрагиваю, его скальпель продолжает вызывать опасения. Он прижимает его плоскую сторону к порезу, скользя острием по краю. Я украдкой наблюдаю, как он размазывает кровь. Под его руководством лезвие перемещается, оставляя за собой влажную дорожку, ведущую к моей шее.

— Ты все еще хочешь умереть? — металл понемногу приближается к моему горлу, пока я пытаюсь заставить себя посмотреть на него. На мгновение наши глаза встречаются, он останавливается и прижимает острие скальпеля до тех пор, пока я не чувствую легкий укол.

— Я по-прежнему хочу, чтобы ты поцеловал меня, — возражаю я, не в состоянии ответить на его вопрос, — но не как животное, которым ты был до этого. Я хочу, чтобы ты сделал это правильно, — я закрываю рот, но только для того, чтобы открыть его снова. — И я оставлю букву "д" на твоём плече. Я сделаю это, когда ты закончишь.

Господин качает головой. Его лицо подсказывает мне, что он в ярости, но что-то неуловимое мелькает в его взгляде. Удивление? Я могу только надеяться, что каким-то образом сломаю его, несмотря на суровую внешность. Я уже начала терять надежду.

— Я ничего тебе не должен. Единственная "д", соединяющая нас — это мой член (*прим. пер.: dick — пер., как член*) в твоей киске. Это все. О... — он улыбается, — и смерть (*прим. пер.: death — пер., как смерть*). Это тоже "д".

Я начинаю шипеть, когда он в очередной раз касается меня скальпелем.

— Ты, бл*дь, можешь прекратить вонзаться в меня этой штукой? Я не твоя проклятая разделочная доска! — я отворачиваю свое лицо подальше от него, зная, что собираюсь навлечь на себя ох*енную кучу неприятностей. Я просто не могу устоять перед тем, чтобы не вызвать у него возмущение. Если он не собирается показать мне себя с хорошей стороны, то я собираюсь увидеть, насколько плохой может оказаться его темное "я". — Мне это больше не нравится. Если ты не предложишь мне что-нибудь еще, что-то взамен нежности, то боюсь, мне не подходят твои варварские методы, и придется положить этому конец. Я нахожу твоё лечение довольно скучным.

Пожалуйста, не позволяй ему ударить меня... или того хуже.

Я вовремя поднимаю глаза, чтобы увидеть, как шок растворяется в настоящем гневе. Даже ярости.

— Я тебе наскучил? Действительно? Я не знал, что это долбаный отпуск, *рабыня*. Сейчас давай определимся! Ну что, приступим? Мы начнем с имиджа. Женщины меняют его, когда едут в отпуск, верно? — он собирает мои волосы в кулак, и я замираю, когда лезвие размещается в месте его захвата.

— О, Боже! Пожалуйста, Господин, — умоляю я. — Не делай этого. Не...

Моя голова дергается, и я ощущаю, как дрожат мои губы, когда вижу, как длинные локоны свободно болтаются в его руках. Я почти не могу в это поверить. Он срезал мои гребанные волосы своим скальпелем!

— О, это только начало отпуска, любимая. Лучше молчи, если не хочешь быть изрезанной в процессе.

Из меня вырываются рыдания, когда оставшаяся длина падает к подбородку, и он собирает в кулак еще больше волос. О чем я только думала, когда решила на него надавить? О том, что он может быть хорошим? В этом человеке нет хорошего. Ничего. Он чертов монстр. Сам Дьявол.

Я пытаюсь пошевелиться, чтобы избавиться от его захвата, но бежать некуда.

— Еще чуть-чуть. А потом мы можем перейти к массажу. Женщины его любят, верно? Я думаю, что плеть выполнит эту работу на отлично.

— Я ненавижу тебя, — выдыхаю я. — Я говорила это и раньше, но на этот раз я действительно серьезна. Никогда за всю свою *жизнь* я не ненавидела кого-то так же сильно!

Господин отрезает последние длинные локоны и поднимает их к моим глазам, чтобы я смогла посмотреть.

— Если ты ненавидишь меня, тогда мы наконец сможем чего-нибудь достигнуть, — волосы падают, и он приближается, обхватывая руками мое лицо. Маски сняты, и я отворачиваюсь в отвращении. Это ловушка. Я замираю, когда он наклоняется ближе и прижимается губами к моим. В этом поцелуе нет привычной жестокости, лишь нежность и желание меня задобрить.

Чего-нибудь достигнуть? Я стою неподвижно, разрываясь между желанием укусить его за язык и попытаться понять, что, черт возьми, происходит. Мои эмоции воюют друг с другом, пытаюсь решить, есть ли в его поступке какой-то скрытый мотив. Я уже ни в чем не уверена. Я видела его довольное выражение лица, прежде чем он меня поцеловал. И из того, что он сказал, выходит, словно он пытается преподать мне урок, но какой?

— Поцелуй меня, рабыня. Тебе понадобится все утешение, которое ты можешь получить, прежде чем я начну тебя развязывать, — его губы снова прижимаются к моим, как и его тело. Металл впивается в спину, большие ладони сжимают мою задницу, и все исчезает. Я оказываюсь поднятой так, что ноги обвивают его талию, пока одна из его рук скользит вверх, замирая на моей пояснице.

Кончик его языка скользит по моему, но я не отвечаю. Вместо этого я остаюсь совершенно неподвижной, без всякого энтузиазма. Жизненная энергия, которая протекает сквозь меня, заставляет мои глаза закрыться, в то время как я пытаюсь скрыть свою реакцию. Я чувствую, как по моему лицу текут слезы, когда его грубая щека скользит по моей. Бл*дь, даже после того, что он сделал, я все еще ему отвечаю. Я не могу понять его. Все во мне умоляет принять участие в процессе.

Поцелуй углубляется, в то время как его пальцы впиваются в мою плоть. Его твердый член скользит по моей попке, и я страстно желаю начать двигаться с ним в такт. Вся потребность концентрируется на том, что находится подо мной. Прежде чем осознаю, что делаю, я целую его в ответ. Удовольствие и голод возвращают меня к жизни, заставляя зашевелиться. Я открываю глаза и смотрю на незнакомца перед собой. Не думаю, что могу заставить себя ему сопротивляться.

Мои зубы впиваются в нижнюю губу Господина, и я отстраняюсь, пробуя на вкус его кровь. Я ожидаю появление монстра, но все, что я получаю — рычание, сопровождаемое

улыбкой, которая растягивает его губы. Кровь стекает по подбородку, и он облизывает ранку, пока я дрожу от страха и похоти.

— Ты прокусил мою губу дважды, — вклиниваюсь я. — Я полагаю, что мы почти в расчете. Если ты развяжешь меня, то я оставлю свою метку на твоём плече, и мы будем квиты. А потом я уеду. Я готова вернуться домой.

Поцелуй затуманил мой мозг. Какого черта я это говорю? Он не собирается меня отпускать. Я это знаю.

— Ты — храбрая, рабыня, — он снова облизывает губу, размазывая кровь, и свободной рукой вытирает подбородок. — Ты — единственная, кто заставил меня истекать кровью. Единственная, кому я добровольно это позволил. Ты думаешь, что после этого я позволю тебе сбежать?

Мой рот открывается, пока я пытаюсь осмыслить сказанное им. Галстук натирает мои онемевшие запястья, но я все равно дергаю руками.

— Что? Нечего ответить? — он прищуривается и качает головой, я вижу, как возвращается гнев. — Я так не думаю. Мы оба знаем, что ты никуда не уйдешь, пока я не буду готов отпустить тебя. Если, — подчеркивает он, — я буду готов. Тебе еще предстоит пройти долгий путь. Случившаяся у тебя переоценка ценностей ничего не доказывает. Ты по-прежнему нестабильна. Ты должна будешь заработать свой билет на выход, и не важно, что это будет: жизнь или смерть. Выбор будет за тобой — решай, но время, когда это произойдет, будет моим. Но пока ты продолжаешь вести себя неправильно... возможно, мы никогда не достигнем того момента, когда нам придется принимать такие решения.

— Так это твой план? Позволить нашим жизням пройти мимо, пока ты удерживаешь и мучаешь меня в своем доме? Знаешь... — я останавливаюсь, пытаюсь замедлить свой пульс. Я не могу остановить то, что должна сказать, независимо от того, как напугана тем, что может произойти после. — Та ярость, которую ты удерживаешь внутри и так легко позволяешь ей контролировать свою жизнь из-за того, что произошло в твоём прошлом... Ты не исцелишь себя тем, что сломаешь меня. Или кого-то другого, если на то пошло.

Он приближается до тех пор, пока между нами не остается расстояния. Моя грудь прижата к его, но он вжимается в меня сильнее.

— Ох, рабыня. Ты просто не понимаешь этого. Я делаю это с рабам не из-за своей утраты. Все, что я делаю — я делаю для своего удовольствия. Кроме того, ты любишь эти пытки, не спорь.

Никаких возражений. Его глаза впиваются в мои, словно что-то ищут, но я не понимаю, что именно. Я знаю только то, что должна выяснить, что же делать дальше. Я была на пути неповиновения и хотела убить себя, но теперь, когда я не хочу умирать... он действительно позволил бы мне сделать это? Возможно, но он говорил и обратное. Все сводится к тому, что я должна ему довериться. Чего я не делала раньше.

— Ты отрезал мои волосы, но что это доказывает? Что у тебя есть власть надо мной? Ты думаешь, я этого не вижу?

Он сжимает мою задницу пальцами, и я стараюсь не двигаться, когда он приподнимает меня выше на уровень своего живота.

— Очевидно, нет. Ты дерьмово подчиняешься и испытываешь мое терпение. Пока ты учишься, я буду делать все, что посчитаю нужным, чтобы привести тебя туда, где ты должна быть. Не важно, что это за собой повлечет.

Моя голова откидывается назад, когда я смотрю на него.

— И где это? Где я *должна* быть?

Рычание вырывается из его горла, и я могу сказать, что он пожалел о том, что произнес.

— Стабильность в том, что выбор за тобой. Мы закончили разговор. С этого дня ты будешь послушной. Ты будешь следовать всем моим правилам. Или, Боже, помоги мне, но я запру тебя здесь и буду бить каждый день до тех пор, пока ты не одумаешься. И я имею в виду не то баловство, которым мы занимались до этого. Я *сломаю* тебя, рабыня. Единственное, чего я, черт возьми, не хочу делать, несмотря на твои провокации, так это сломать тебя на столько, что ты будешь подчиняться каждой моей команде как гребанный робот. Тогда ты не сможешь уехать, даже если захочешь. Почему, спросишь ты? Потому что ты будешь так зависеть от каждого моего слова, что потеряешься без меня, говорящего тебе, что нужно делать. Ты умрешь без меня или безусловно, захочешь этого. Я хочу, чтобы ты была достаточно сильной и принимала свои собственные решения, даже тогда, когда будешь подчиняться правилам. Это для тебя. Не для меня. *Тебя*. Прими это. Сильная, но покорная. Понимаешь?

Его рука захватывает мое лицо, прижимая затылок к металлу.

— Учись. Повинуйся. Стань сильнее. Отбрось гордость и подчинишься мне. Только тогда ты будешь *знать*, что действительно хочешь или в чем нуждаешься в своей жизни. И только тогда я смогу позволить тебе выбирать свой путь.

Время замедляется, когда я вспоминаю те недели, которые провела здесь. Внезапно, все становится предельно ясным. Это не было извращенной игрой, как я себя уверяла. Это не было попыткой выяснить, кем он был или что представляет собой его психика, таким образом, я должна была раскрыть тайну, которую удерживала внутри *себя*. Это так же не имеет смысла, как и цель, которую он мне озвучил. Сильная, но, тем не менее, покорная. Если я сделаю это, то смогу узнать его секреты. Возможно, это будет проще, чем если я продолжу бороться с ним. Но самое главное, я пойму, кто я есть. Прогнуться, если я хочу уехать. Если я хочу жизнь снова, независимо от того, что произойдет. Да. Пришло время.

— Согласна... Господин.

Его брови сходятся вместе, и напряженность, сковывающая его плечи, словно тает, когда он опускает меня на пол. Моя голова опущена, пока я жду того, что произойдет. Я знаю, что на этот раз не будет никакого удовольствия. А возможно больше и никогда. Все, что я получила от него — это поцелуй, который либо приведет меня к смерти, либо позволит нам разделить удовольствие.

Избитая, свисающая с Андреевского креста, Диана полностью измотана. Слезы давным-давно высохли. Все, что остается — это звуки рыданий, во время которых ничего не вытекает из ее глаз. Я протягиваю руки и расстегиваю наручники, которые удерживают девушку в вертикальном положении. Ее рука мгновенно оказывается на свободе, и я осторожно подхватываю падающее тело, стараясь не причинить еще больше боли, прикасаясь к отметинам. Я знаю, когда мне нужно остановиться и когда она не в состоянии выдержать больше, чем я могу ей дать. Может, я и не сломал ее, но я чертовски близок к этому.

— Господин, — Диана пытается прижать ладонь к моей обнаженной груди, пока я освобождаю ее вторую руку. Тело рабыни приземляется в мои объятия, я поднимаю ее на руки и несу вверх по лестнице, ведущей из подвала в сторону своей комнаты. Я мог бы оставить девушку внизу, но она закончила с подвалом. Мне известно, как выглядит подчинение, и она добровольно подчинилась мне в тот момент, когда я закончил свою речь. Больше никакого сопротивления. Больше никаких выкрутасов. Мы закончили. Остальное будет легко.

Меня охватывает грусть, когда она всхлипывает на моей груди. Мне придется ее отпустить. Осознание того, что наше время почти закончилось, почти разрывает меня на куски. Она уйдет из-под моей крыши и заживет своей собственной жизнью. Диана будет двигаться дальше.

Я не могу отрицать, что это сделает меня счастливым — видеть, как она идет по жизни, но чего это будет стоить мне? Бл*дь. Я не хочу об этом думать. Не хочу признаваться самому себе в том, что уже и так знаю.

— Ш-ш-ш, рабыня. Я позабочусь о тебе, — я целую ее в лоб и поворачиваю голову в сторону своей комнаты, расположенной дальше по коридору. Мои глаза цепляются за последнюю дверь и возвращаются обратно к моей ноше.

— Больно, — мягко стонет она.

— Я знаю. Это нужно было сделать. Теперь ты слышишь не только себя, — это не вопрос. Она *будет* послушной или, не дай Бог, я решусь сломать ее на самом деле. Я знаю, что смогу. Бл*дь, часть меня точно хочет это сделать, но я не могу с ней так поступить, даже если уверен, что это не займет много времени. Еще несколько таких же дней, как сегодня... и она была бы моей. Навсегда. Послушной рабыней в моем полном распоряжении.

— Я собираюсь промыть и заклеить твои раны. Сегодня ночью ты будешь спать со мной, а завтра начнется твоя новая программа обучения.

Я открываю дверь и прохожу мимо мониторов в ванную. Когда я включаю душ, она сильнее прижимается ко мне. Монстр внутри меня не может прекратить смотреть на отметины. Бл*дь, я люблю их. Я получал удовольствие каждый раз, когда оставлял их на ее коже. Я впитывал это ощущение, так как знал, что скорее всего, это было в последний раз. И это сделало печаль слишком сильной, мешая насладиться процессом. Завести вторую рабыню подобную ей, когда она одна на миллион. Я никогда не был так же одержим другим человеком, как оказался зависим от прекрасной Дианы. Мы так похожи. Так, бл*дь, сильно.

Своими личностями и судьбами. Я цепляюсь за ее боль и утрату, желая излечить ее, словно это каким-то образом исцелит меня. Однако это не так.

Капли отскакивают от плитки, и я проверяю температуру воды, прежде чем сбрасываю ботинки и встаю под душ. Брюки прилипают к моим ногам от мощного потока, льющегося сверху. Пар заполняет пространство, и я выхожу из-под воды.

— Напор слишком сильный. Я не смогу принять душ, — она отстраняется. — Просто оставь меня, я буду в порядке.

Я хватаю мыло и опускаю его на дно кабинки. Моя рука тянется вперед, я нажимаю кнопку на панели, меняя режим подачи воды. Опускаюсь вниз и усаживаю ее на свои колени, пока нас орошают легкие брызги.

— Ты все сделала хорошо. Выдержала даже больше, чем я предполагал, — я открываю мыло, отказываясь смотреть ей в лицо. — Я горжусь тобой.

— Ты серьезно?

В ее тоне такой трепет. Он задевает что-то глубоко внутри меня, взывая к внутреннему Господину. Тому, кто играет по правилам, а не к тому, кто едва не ломает рабов. Я опускаю взгляд к ее округлившимся глазам.

— Да. На счет всего. Особенно твое решение быть послушной. Оно порадовало меня очень сильно, — возможно, я и произношу эти слова, но я по-прежнему ей не доверяю.

Я поднимаю руку и отодвигаю мокрые волосы, которые прилипли к ее челюсти. Какая жалость. Это чуть не убило меня, когда я срезал их. Ох, как мне нравилось сжимать в кулаке ее длинные волосы. Если бы не желание преподать ей урок, то я никогда даже не подумал бы сделать их короче.

— Я отрезал твои волосы. Я попрошу Кортни приехать завтра до обеда и все исправить, — линии моего рта искажаются, и я опускаю голову, позволяя воде стекать по мне. Ручеек пробегает по ее животу, взгляд останавливается на моем имени. Бл*дь, что я наделал? Я знаю... но, черт. Я собирался держать ее здесь; почти убедил себя, что моя подпись сделает для меня невозможное — заставит отпустить ее. Смогу ли я принять то, что другие мужчины будут смотреть на мое клеймо? Это будет означать, что они на моей территории. *Моей*.

— Кортни была как я? Рабыней?

Неужели в ее голосе звучит нотка ревности? Я не могу это определить, поэтому поднимаю голову вверх и смотрю на нее.

— Да. Но не такой, как ты. Она была другой.

— Я могу спросить о том, какой она была, Господин?

Ох, как мое тело реагирует на ее покорность. Все, что я хочу сделать — это притянуть ее как можно ближе, крепче сдавить в своих объятиях и прижать к груди, к единственной части тела, которая действительно в ее власти.

— Кортни была проституткой. С тех пор, как ей исполнилось четырнадцать. В тридцать четыре она была на очень опасной дороге. Метафетаминовая наркоманка с семилетним стажем. Две попытки самоубийства при помощи наркотической передозировки. Она как раз собиралась совершить свою третью попытку, когда я похитил ее и привез сюда. Ее ломка была ужасной. Лекарства немного облегчили страдания, но не полностью. Во время своего обучения она призналась, что ей всегда хотелось поступить на курсы косметолога, но у нее не было на это денег. После того, как ей стало лучше, и она решила, что больше не хочет умирать, я снял для нее квартиру и отправил на такие курсы. Это было несколько лет назад. С тех пор она чиста, а сейчас даже имеет свой собственный салон.

Губы Дианы приоткрыты, когда я смотрю на нее. Я знаю, что рассказывая ей слишком много, могу все усложнить, но я горжусь своими бывшими рабами. Они все двигаются дальше, и я никогда никому о них не рассказывал. Никто не знает, как рад я был увидеть, что они отошли от гребаного края; поднялись, чтобы двигаться по жизни и достичь такого величия. Черт... это лишь заставляет выглядеть ее пустоту еще более значительной.

— С твоей стороны очень благородно, что ты ей так щедро помог. — Диана зевает и поворачивает свое лицо к моему бицепсу. От поцелуя, который она на нем оставляет, мои веки на мгновение закрываются.

— Все—таки в тебе есть что—то хорошее. Я рада.

Я вздыхаю.

— Не путай благотворительность с великодушием, рабыня. Это не одно и то же, — мыло оказывается в моих руках, прежде чем я могу все испортить попыткой поторопить события. Что угодно, лишь бы увести разговор в другое направление.

— Я думаю, в тебе есть что—то хорошее. Если бы не было, то ты бросил бы меня на пол и ушел. Ты лучше, чем ты думаешь.

Не могу остановиться и тихо посмеиваюсь.

— Настаивает женщина, которая едва может пошевелиться.

— Что есть, то есть. Я не оправдываю твое поведение, но и не готова сказать, что ты — чистое зло.

— Зло. Такое подходящее слово. Может быть, я здесь просто для того, чтобы посмотреть, как ты извиваешься от еще большей боли, — рука, которая держит мыло, размазывает пену по ее бедру, и Диана судорожно втягивает воздух, когда я промываю небольшую рваную рану от кнута. Черты ее лица напрягаются от жжения, которое она без сомнения испытывает.

Осторожными движениями я начинаю намыливать ее тело. Чертовски сложно заставить себя не рассматривать точеные изгибы, но мне не остается ничего другого. Ей плохо, что я могу сделать? Я давно приручил своих демонов и понял, кто я есть. Я не буду за это извиняться.

— Почти готово, — бормочу я себе под нос и проскальзываю рукой между стройных бедер.

Мытье ее киски становится пыткой. Медленные движения моих пальцев невозможно остановить. Она была настолько влажной только один раз — когда я проверил ее во время наказания. Я почти трахнул ее тогда. Я хотел, но она получила бы от этого удовольствие. А моей миссией было причинить ей такое количество боли, сколько бы она смогла вынести. И я победил.

Вода оmyвает мою руку, когда пальцы скользят между губок, поглаживая по всей длине ее щель. Из Дианы вырывается стон, когда она пытается передвинуться на моих коленях. Я отстраняюсь, практически готовый закрипеть зубами от желания в нее ворваться. Прямо здесь, в то время, как она страдает. Проклятие. Какой же я испорченный сукин сын.

— Не останавливайся. Пожалуйста.

Как бы мне этого не хотелось, но я знаю, что не могу ее взять. Не после того, что я натворил. Только не в том случае, когда я собираюсь позволить ей уйти. Все это сбивает меня с толку еще сильнее.

Я провожу пальцем по букве "м" на ее плече. Другая метка. Другой знак о принадлежности мне.

— Это должно закончиться, рабыня. Все это. У тебя есть работа, которую нужно сделать. Нужно привыкнуть к рутине. Или это еще больше усложнит процесс.

— Ох, — что-то непонятное появляется в выражении ее лица, искажая черты, но вдруг я понимаю, на что это похоже — грусть. — Больше ни единого разочка? — она закусывает губу, и я не могу поверить своим ушам. Как, после всего того, что я с ней сделал, она может хотеть меня?

— Ты уже достаточно сильно ранена, — я предельно краток, обрывая дальнейший разговор из-за агонии, которую ощущает мой член.

Диана ставит ноги на мраморную плитку и приподнимается на коленях.

— Я думаю, что ты просто должен быть очень нежным, да, *Господин*?

Соблазняя, слова слетают с ее губ, действуя, как самый сильный афродизиак, известный человечеству. Пальцами тяну Диану за волосы, разворачивая ее лицо к своему. Она смотрит затуманенным взглядом из-под полуприкрытых век, встречая мой взгляд.

— Если ты меня хочешь, то скажи мне. Открыто.

Никаких колебаний.

— Я хочу, чтобы ты трахнул мою киску. Очень медленно и очень страстно.

Я приподнимаю голову, когда слышу ее просьбу.

— Не секс. Скажи, что ты в действительности хочешь от меня, — мой пульс ускоряется, и я не могу этому помешать. Жар разливается по моей коже, в то время как настоящий Господин, тот, что живет во мне — хороший и желающий найти себе постоянную партнершу, пытается выйти наружу.

— Займись со мной любовью, Господин. Позволь себе быть хорошим в последний раз, независимо от того... — она опускает глаза, — независимо от того, что будет дальше.

Я откидываюсь назад и широко расставляю ноги, приподнимая их к талии. Она легонько вздрагивает, удобнее устраиваясь на моих коленях. Теперь мои глаза ищут ее, а сердце в груди начинает стучать еще сильнее. Она поднимает руки, чтобы обернуть вокруг моей шеи, но опускает их, когда ловит себя на мысли, что у нее нет на это разрешения. Господина во мне переполняет гордость. Я хорошо ее обучаю. По крайней мере, на данный момент. Я могу научить ее гораздо большему, если захочу.

— Сделай это. Обними меня руками за шею, — я отклоняюсь, в то время как она хватается за меня. Моя поясница касается стены, и я беру ее лицо в ладони и наклоняю к своим губам. Когда она оказывается в пределах моей досягаемости, я жду, проверяя, сделает ли она какое-либо движение. Она не делает. Еще один признак того, что она учится.

— Хорошая девочка. Теперь, поцелуй меня.

С небольшим нажимом я проскальзываю своим языком между ее губ. Она отдает мне всю себя, когда открывает рот. Я перехватываю инициативу, и она подчиняется. Массируя щель в том же темпе, я медленно посасываю ее язык, в точности повторяя движения руки, от чего она начинает скользить своей киской напротив меня. Я не могу взять ее. Не в штанах. Я протягиваю руку, расстегиваю кнопку и молнию, а потом стягиваю их по своим бедрам. Когда член свободно подскакивает и ложится на мой живот, ее рука дергается, желая прикоснуться ко мне.

— Можно мне, Господин?

— Бл*дь, да. Дотронься до меня, рабыня, — я тяну Диану обратно, пока ее губы не оказываются напротив моих, не в состоянии выдержать расставание. Из меня вырывается неподдающийся контролю стон, когда ее маленькая ручка пытается обернуться вокруг моего

члена. Пальцы дрожат от желания погрузиться в ее волосы, чтобы ускорить процесс. Я знаю, что не должен торопиться. Мы даже не должны делать это, но мне все равно. Бл*дь, я не могу отказать ни ей, ни себе. Последний раз... и мы уйдем, громко хлопнув дверью. Это будет идеальная концовка такой трагической истории.

Влага покрывает мое тело и каждая отметка, сделанная моим Господином, горит сильнее, чем моя уже и без того разгоряченная кожа. Я чувствую, как десятикратно усиливаются ощущения из-за ран, которые он нанес своими инструментами. Я изнываю. Я пульсирую. Я *оживаю* и расцветаю в своей боли.

Господин поднимает свою руку и с двух сторон сжимает мой подбородок, глядя мне в глаза. Такая близость с ним не кажется мне комфортной. Наши пристальные взгляды встречаются, доминирование и страх заставляют меня содрогнуться от желания отступить. Чтобы увернуться и скрыться от темной энергетики, которую он излучает. Восхищение его новой, другой стороной, позволяет продолжить то, на чем мы остановились. Я хочу наклониться вперед, туда, где моя рука медленно поглаживает его. Хочу целовать его и тереться своей киской вдоль твердого члена, пока не достигну оргазма, которого так жажду.

— Это не может быть настолько плохо, — он прищуривается, погружая свои пальцы в мои волосы, пытаюсь крепче удерживать. — Твои волосы короткие, но, — хватается крепче, запрокидывая мою голову назад, — я могу с этим работать. — Господин проводит зубами по моей шее, и я усиливаю свою хватку, все сильнее сжимая пальцы вокруг его члена. Звук, который вибрирует около моего горла, заставляет меня желать большего. Рукой я скольжу по его длине немного быстрее, увеличивая скорость, а он начинает облизывать места укусов.

Господин освобождает от захвата мои волосы и прокладывает дорожку из поцелуев вниз по моему плечу. Я хочу обвить руку вокруг его шеи и притянуть ближе к себе. Внезапно, его прикосновения становятся нужны мне, как воздух. Я так долго обходилась без близости. Даже когда мы с Господином занимались сексом раньше, это не было похоже на то, что происходит сейчас. Эмоциональная энергия, окружающая нас, отличается. Даже наша необходимость друг в друге, выглядит иначе.

— Господин... — горло сдавливают, а слова душат, поэтому я замолкаю.

Он отстраняется, но я не готова посмотреть ему в глаза. Я даже не могу определить эмоции на его лице. Страсть? Да, но есть что-то почти напоминающее страх. Он думает, что мой голос дрожит из-за того, что я снова собираюсь отстраниться от той близости, которая между нами появилась?

— Да?

Даже его тон звучит иначе.

Он начинает подниматься, и я поднимаю руку, останавливая его.

— Могу я тебя обнять? Мне нужно... — я не могу закончить. Не могу произнести слова вслух. Чувство вины по-прежнему здесь. По-прежнему угрожает разорвать меня в клочья.

— Зови меня Севастьян. Только в этот раз.

Я замираю, когда слышу его имя. Сначала меня пронзает шок, но после этого теплота от его слов поднимает во мне такую волну возбуждения, что я могу лишь мягко произнести его имя, лаская собственный слух.

— Севастьян, — беззвучно повторяю я.

Рука, сжимающая член, расслабляется, а моя грудь прижимается к его, когда я

наклоняюсь ближе. Поцелуй похож на первый. Мягкий. Нежный. Я снова начинаю скользить рукой по его длине, пытаюсь не тереться клитором о член Севастьяна.

Я не могу сопротивляться.

Его руки заставляют меня почувствовать крошечные вспышки удовольствия.

— Бл*дь, — стонет он напротив моих губ. — Я хочу тебя так сильно. Прямо здесь и прямо сейчас.

Я прижимаюсь своей киской к его члену, сдерживая себя от желания начать двигаться, чтобы он быстрее в меня вошел. Но я осторожна. Я знаю, что, если возьму инициативу в свои руки без разрешения, ему это не понравится. Просто потому, что он действует как кто-то еще, не меняет того, кто он есть на самом деле.

— Позволь мне, — я начинаю говорить, но умолкаю. Я знаю, что если он захочет трахнуть или заняться со мной любовью, то он это сделает. Мной движет очень сильное желание. Каждый мой нерв вибрирует. Мягкие касания, которые путешествуют вверх и вниз по моей спине, где есть отметины, как мне прекрасно об этом известно, лишь усиливают мою чувствительность, делая желание более интенсивным.

— Кровать, — он просовывает свою руку под мою задницу, приподнимая. Далее следует звук его падающих на пол штанов, когда он освобождается от них. Господин тянется и выключает воду, даже не утруждая себя тем, чтобы взять полотенце для того, чтобы обтереть наши влажные тела. Я с облегчением заворачиваюсь в стеганое одеяло, но так и не могу перестать дрожать. Прохладный воздух, мужчина, стоящий рядом и наблюдающий за мной, добавляют адреналина.

— Ты уверена, что хочешь это сделать? Я могу отвести тебя в твою комнату прямо сейчас.

Мой мозг дает сбой. Он *спрашивает* у меня? У меня так долго не было возможности принимать решения самостоятельно, что я молча смотрю на него. Его брови вопросительно приподнимаются, и я киваю.

— Я хочу этого... Севастьян.

— Боже, скажи это снова, — Господин упирается руками в матрас и приближается, нависая надо мной.

— Севастьян.

Вес его тела размещается между моих бедер, а предплечья обосновываются по обеим сторонам от моего лица. Его светящиеся возбуждением глаза следят за движением собственного пальца по моим подрагивающим губам. Бл*дь, я не могу перестать дрожать.

— Я собираюсь согреть тебя, детка, ты только подожди. Или может, ты напугана? — улыбка появляется в уголках его рта, и я знаю, что он уже придумал что-то в своей голове. Я почти в ужасе. Не только от того, что я знаю, на что он способен, но и от того, что мы собираемся сделать. Я хочу близости, но что будет потом? Не только с нами, а *внутри* меня. Я боюсь, что это изменит многое.

— Пожалуйста, не останавливайся... несмотря ни на что.

Черты его лица становятся серьезными и он кивает.

— Даю тебе слово, — низким тоном произносит Господин.

Я расцветаю от этого голоса. Бл*дь, я чувствую, как становлюсь еще более влажной.

Губы Севастьяна прижимаются к моему рту и спускаются ниже по шее. Закрываю глаза, пока позволяю себе тонуть в наслаждении. Теплое дыхание щекочет мою кожу, когда он спускается еще ниже и добирается до середины моего бюста. Его ладони придают моей

грудь форму, большой и указательный палец сжимают сосок достаточно сильно, чтобы заставить меня сделать глубокий вдох. Я отчаянно желаю потереться своей киской о его член. Я жду, когда он положит конец этой пытке.

Это не займет много времени.

Господин сжимает мое бедро. Это справедливое предупреждение, и я повинуюсь, будучи отвлеченной увеличивающимся давлением на мой сосок. Зубы впиваются в округлость моей второй груди с правильно рассчитанным усилием. Он дразнит круговыми движениями языка затвердевшую вершинку, пока сжимает другую еще сильнее.

— О... Господи, — мои губы раскрываются, и я поднимаю голову, чтобы посмотреть. Он увлеченно всасывает меня в свой рот, и я вскрикиваю от боли, смешанной с удовольствием. Даже занимаясь с ним любовью, я чувствую боль. Конечно, не слишком много и определенно не так, как с его другой личностью, но она есть; она соблазняет ту часть меня, которая переросла в зависимость и наслаждение.

Он продолжает лизать и сосать, когда второй рукой проскальзывает между моих бедер. Поддразнивая ногтями, он приближается к моей киске. Легкие царапания и пощипывания, заставляют меня дотянуться до одеяла и ухватиться за него, будто от этого зависит моя жизнь.

— Прикоснись ко мне, Диана. Никаких правил, я разрешаю тебе.

Если тут нет никаких правил...

Мои руки поднимаются к его плечам, и я мягко его отодвигаю, удивленная, когда он приподнимается и позволяет мне уложить себя на кровать. На лице Севастьяна настороженное выражение, но я сосредоточена только на его теле. Я приподнимаюсь на руках и коленях, и наклоняюсь так, чтобы зеркально повторить его действия. Мои поцелуи скользят по одному из сосков Господина, я облизываю его, а потом опускаюсь ниже, покусывая кожу. Не сильно, но достаточно, чтобы увидеть отпечатки своих зубов, когда приподнимаюсь.

Севастьян стонет, и его рука поднимается к моей попке. Головка его члена манит меня пододвинуться своей киской ближе к его стволу. Я прокладываю дорожку по его животу, повторяя действия. Поцелуй. Облизывание. Всасывание. Укус. Мои руки поглаживают кожу, и я спускаюсь кончиками пальцев ниже, наслаждаясь звуками, которые он издает, в то время как я приближаюсь к его члену. Облизывая языком головку, я медленно сглатываю предэякулят, который обильно стекает вниз. Солоноватый привкус заставляет меня отчаянно желать большего. Вместо этого я продолжаю уделять внимание животу Господина, позволяя себе потереться о его длину щекой. От такого поддразнивания он начинает дышать глубже. Я так близко, что если сдвинусь хоть чуть-чуть, то смогу взять его в рот.

— Бл*дь, — тяжело выдыхает он. Его пальцы потирают щель и начинают распределять влагу по моим складочкам. Удовольствие заставляет меня скользить по его руке. Я хочу большего. Нуждаюсь в нем, трахающем меня. Глубоко. Да, я хочу, чтобы он отдал мне все, что у него есть.

Я нахмуриваюсь. Я сказала ему, что хочу, чтобы он занялся со мной любовью. Моя фантазия далеко не о медленном и размеренном сексе.

Провожу языком по его телу, приближаясь к члену, и бедра Севастьяна дергаются. Я стараюсь не прикасаться к нему руками. Не добавлять больше стимуляции, чем то внимание, которое я уделяю ему своим ртом. Приближаясь к его яйцам, я вытаскиваю язык, позволяя ему скользить от одной стороны мошонки к другой. Глубокое горловое рычание в сочетании

с трением от его пальца внутри моей киски, заводит меня еще сильнее. Мои волосы падают вперед, когда я наклоняюсь и беру в рот левое яичко, поглаживая круговыми движениями языка, постепенно переходя к правому.

Севастьян медленно толкается вперед, но останавливает себя на полпути. Во мне растет потребность начать скользить по его длине. Когда я достигаю головки члена, то позволяю губам обхватить лишь кончик мощного пениса. Ему приходится замереть, и я знаю, чего он ждет: хочет знать, приму ли я его. Вместо этого я провожу языком по нижней части члена, довольная тем, как он дергается под моими губами. Он хочет большего. Внутри меня поднимается волна счастья. Я вдруг понимаю, что мне нравится угождать ему, когда контроль находится у меня. И по какой-то странной причине он мне его отдает.

— Черт. Ты убиваешь меня, детка, — стон, который следует после его слов, почти заставляет меня улыбнуться. Еще один... прилив счастья и необходимость угодить ему становятся очевидны.

Я поднимаю голову и удерживая его член за основание, погружаю длину в свой рот. Удовольствие пронзает меня от каждого толчка его пальцев глубоко внутри моей киски, но я не должна двигаться быстрее. Что-то во мне требует, чтобы он запомнил это навсегда. Я должна быть уверена, что он никогда этого не забудет. Не знаю зачем. Может потому, что у нас никогда не будет возможности повторить это снова. Я, черт возьми, уверена, что он не из тех, кто захочет увидеть, как в будущем я путаюсь с другим мужчиной. Это будет такая потеря для нас обоих, но если этому суждено случиться, то возможно, мы можем разделить сейчас что-то такое, что поможет пройти нам через трудные времена?

— Ты так чертовски хороша, — он совершает глубокий толчок и его пальцы выskalзывают. — Сядь мне на лицо. Я хочу твою киску на своих губах, чтобы пробовать тебя, когда ты это делаешь.

Я перемещаюсь, его приказ выполняется мной без раздумий. Поднимаю свою ногу, на время освобождая член Господина, но продолжая ощущать его вкус. Поглаживая пенис рукой, я снова погружаю его в свой рот. Медленными круговыми движениями языка, я скольжу по нему, делая паузу только для того, чтобы отдышаться, когда язык Севастьяна проходит по входу моей киски.

— Я могу привыкнуть к тому, как хороша ты на вкус, — Господин раздвигает пальцами складочки, и я запрокидываю голову назад, когда он проталкивается внутрь. Стон вырывается из моего горла, я не могу удержаться и впиваюсь в его ногу, двигая своими бедрами. Страсть только подогревает мое желание взять его в рот снова. Дюйм за дюймом я проталкиваю его к задней стенке своего горла, а потом еще дальше, до тех пор, пока он не оказывается так глубоко, что я не могу дышать. Я остаюсь в таком положении, испытывая чувство наслаждения от того, что могу дать ему это.

Приподнимаю голову, а затем опускаю обратно. Повторяя движения, я пытаюсь заглотить его глубже, с каждым разом вырывая из Севастьяна — моего Господина, новые звуки, которые как я знаю, навсегда останутся в моей памяти. Они так сексуальны в своей глубине. Они поглощают меня, но, как ни странно, это заставляет меня чувствовать себя в безопасности и желать, несмотря на то, что он сделал со мной, быть здесь. Я не уверена, куда это приведет, учитывая жестокость, но я знаю, что мне это нравится. Где-то в глубине души это нравится мне даже слишком. Слишком.

— Развернись и ползи сюда.

Я поднимаюсь и разворачиваюсь, чтобы оседлать его талию. В его глазах читается

голод, когда взглядом он путешествует вниз по моему телу и останавливается на животе, а я откидываюсь назад и опускаю пальцы на мое собственное имя, вырезанное на нем. Столько всего произошло между нами, теперь у нас обоих есть шрамы, которые останутся на всю жизнь. Как наши имена друг на друге повлияют на наше будущее? Он тянется ко мне и кладет на себя, очищая мой разум от всего.

— Что же мне с тобой делать, рабыня?

Мой Господин временно возвращается... ну или не совсем он. Его голос звучит иначе, но взгляд Севастьяна пристальный и глубокий. Кого в этот момент я хочу больше? Я в замешательстве. Так же, как я хочу одного, точно так же я хочу и другого. Я не признаю что-то среднее, и это волнует меня сильнее, чем я хочу в этом признаться. Его вопрос беспокоит меня больше всего. Внезапно я понимаю, что у меня нет ответа, и я не уверена почему. Я знаю, что должна буду его покинуть, но что будет ждать меня там, когда мне придется уйти? Я снова провалиюсь в глубокую депрессию? Буду оставлена наедине с преследующим меня прошлым и желанием убить себя снова и снова? Хотя мне нравится думать, что этого не произойдет, сама мысль об этом пугает меня.

— Я не знаю, — шепчу я. — Я... — моя голова дрожит, и он протягивает руку, чтобы привлечь меня к своей груди. Власть, которую он источает, когда руки Господина оборачиваются вокруг меня, заставляет зарыться лицом в его шею еще глубже. Так безопасно находиться в его руках. Так безопасно и все же... губительно. Я знаю, что способен этот мужчина, но лежать на нем сверху, когда он держит меня в своих объятиях — никогда в своей жизни я не чувствовала себя в большей безопасности. Я так легко могу представить, как он убивает кого-то, но способен ли он любить? И в этот момент я почти уверена, что это возможно.

Пространство переворачивается, когда он поднимает меня и укладывает на спину. Его вес дарит тот комфорт, который я не хочу ощущать. Каждую ночь, когда он спал со мной, его нога или рука всегда были перекинута через мое тело. Я привыкла к нему. Но для того, чтобы это продолжалось, его планы относительно меня должны были быть отброшены. Единственный путь, который я знала, заставит Господина прикоснуться ко мне, было сопротивление. Это больше не является тем, чего он хочет. Я должна повиноваться. Показать ему, что я хочу жить и идти дальше по жизни самостоятельно. У меня не может быть того и другого. Он уже ясно дал понять.

Губы Севастьяна прижимаются к моим, и я борюсь со слезами из-за внутренних противоречий. Если я заплачу, то все испорчу. Я смогу сделать это позже, в тот момент, когда он оставит меня в одиночестве. Прямо сейчас я возьму то, что просила у него — близость. Так, *словно* смогу пройти через это и не разрушиться.

— Поцелуй меня снова. Ты не имеешь права отступать сейчас.

Я поражена тем, как хорошо он меня знает. Мои губы раскрываются, и я отвечаю ему, проскальзывая своим языком вдоль его. Ответная реакция Господина молниеносна. Она мгновенна, а движения полны голода, страсти и всего, чего я хотела, когда попросила, чтобы он занялся со мной любовью. По моей коже распространяется жар, и я начинаю двигаться, когда Севастьян скользит своим членом по моей влажной киске. Я впиваюсь в его спину, пытаюсь притянуть ближе и заставить мужчину войти глубже. Поцелуи становятся пыткой, через которую мы проходим, и я понятия не имею, как он может контролировать свои потребности. Мой оргазм приближается с каждым скольжением его члена по моему клитору.

Я отстраняюсь тяжело дыша.

— Пожалуйста.

— Скажи мне, что ты хочешь заняться со мной любовью, — его руки сжимают мое лицо, не позволяя мне произнести хоть слово или отвернуться от него. — Скажи *мне*.

Столько эмоций отражаются в чертах его лица, что я не могу разрушить наш зрительный контакт, даже если захочу этого. Я знаю, что его стены почти полностью разрушены, и я поражена тем, свидетелем чего становлюсь. В нем почти невозможно разглядеть мужчину, который держал меня в плену. Монстра, который делал ужасные вещи с моим телом. *Человека, который заставил меня желать их обоих.*

— Люби меня, Севастьян.

Головка его члена скользит вверх по складочкам и осторожно погружается в меня. Я шире развожу ноги, позволяя ему войти глубже, когда он притягивает меня к себе. Мне хочется почувствовать каждый его дюйм так глубоко, как никогда раньше не могла себе представить, что он может так меня наполнить. Даже если это заглушит боль только на одну ночь. Я нуждаюсь в этом.

— Я хочу, чтобы ты все время смотрела на меня. Тебе нельзя отрывать от меня взгляд. Понятно?

— Да... Севастьян, — слетает с моих губ то, что хочет услышать Господин. Раньше, это слово чуть не убило меня, но теперь мне начинает нравиться, как оно звучит. Это прозвище мне дорого, но я не могу понять почему. Может, из-за сурового наказания, которое я получила. Я не верю в это. Я подчинялась ему и раньше. Это решение далось мне легко. Теперь я вижу, что мы двигаемся вперед. Я не знаю, что с ним случилось, но хочу это выяснить.

— У меня не было возможности сказать тебе, но я думаю, что ты красивая, — руки Севастьяна скользят вверх по моему лицу, и он пропускает сквозь пальцы пряди моих волос. Я сильнее втягиваю живот, в котором порхают бабочки. Слеза скатывается по щеке, но он вытирает ее большим пальцем. — Я хотел сказать тебе это с самого начала. Но не мог сделать этого раньше. Пока ты не признала свое положение, — его бедра толкаются в меня, и он вращает ими, заставляя меня понять, что он достигает тех мест, которых никто не касался прежде. Я отпускаю его спину, позволяя своим ладоням ухватиться за его предплечья чуть выше ладоней. От следующего толчка я стою и сжимаю его запястья.

— Ты действительно считаешь меня красивой?

— Мне жаль, что ты не видишь того, что вижу я. Если бы ты смогла послушать мои мысли, хотя бы пять минут... — он качает головой и наклоняется, прижимая свои губы к моим. — Мне жаль, что ты не можешь.

От моего хлюпанья носом его движения замедляются. Паника, что он может остановиться, заставляет меня дотянуться до него ногами и обернуть их вокруг его талии. Я не могу остановить поток слез, но я не хочу, чтобы из-за них он передумал.

— Ш-ш-ш. Я никуда не уйду. Позволь страху покинуть тебя. Сегодня вечером ты в безопасности. Даже от меня, — он убирает мои руки со своей шеи и прижимает их к моей груди. — Ты будешь лежать на животе и все время держать руки здесь.

Севастьян поднимается, а меня поглощает пустота. Когда он переворачивает меня и откидывает назад волосы, падающие мне на лицо, то я уже не уверена, что это будет занятие любовью. У меня есть четкое представление, что это должен быть страстный секс в миссионерской позе. Два человека, которые удерживают друг друга близостью не только

при помощи своих тел, но и своего разума. Как мы собираемся это сделать, если я перевернута и прижата весом собственного тела?

Кровать приходит в движение, когда он седлает мои бедра и наклоняется вперед, проталкивая член обратно в мою киску. Севастьян входит до тех пор, пока ко мне не приходит уверенность того, что он не сможет погрузиться глубже. С закрытыми глазами я наслаждаюсь его размером. Наполнена. Да. Он делает это для меня. Настолько глубоко, что я уверена, что ни в моем теле, ни в моем разуме для него больше нет места.

— Ты еще не чувствовала себя в безопасности с тех пор, как приехала сюда. Сегодня вечером я покажу тебе, на что это похоже. Как это... могло бы быть, — последние слова он произносит так тихо, словно душит их в себе, и я не уверена, что правильно его понимаю. Это имеет смысл, но не ясность.

Безопасность снова накрывает меня, когда грудью он опускается на мою спину. Его дыхание касается моей щеки, а рука проскальзывает подо мной, чтобы достигнуть другой стороны и ухватиться за мое плечо. Он повторяет движение второй рукой, образуя на моей груди крест.

— Видишь, — негромко говорит он, — я держу тебя. Теперь позволь мне позаботиться о тебе и во всем остальном.

Почти невозможно вдохнуть, но это не из-за тела, лежащего на мне. Руки Севастьяна удерживают большую часть его веса. Это из-за близости и его слов, которые делают меня слабой и желающей этого. Желающей... *его*. Этого даже слишком много, но одновременно и так мало.

Грубоватая щетина на его щеке царапает мою кожу, опускаясь вниз, пока он не достигает моих губ. Более того, он целует меня так, как будто не может насытиться. Поцелуй такой же медленный, как и предыдущий, но более интенсивный. Я в шоке открываю рот, и мой следующий стон звучит громче, чем мне бы того хотелось.

— Тебе это нравится. Я чувствую, как ты каждый раз сжимаешься вокруг моего члена, — его рука скользит к низу моего живота, и он потирает клитор кончиками пальцев. — Я мог бы заставить тебя кончить так быстро, детка. Возможно, я так и сделаю. Когда услышу достаточно твоих криков.

Мои глаза распахиваются, когда проявляется истинный Господин и воспоминания о плети и его словах, которые он произносил, пока я висела на Андреевском кресте. Это все еще он, независимо от личности, которая преобладает на данный момент. Ему нравятся не только крики от удовольствия. А еще и те, которые порождает боль. Мысль, что эти два ощущения сольются воедино, заставляют меня течь. Я крепче сжимаю кулаки, сильнее прижимая их к груди, когда он толкается в меня снова и снова. Господин прижимает руку к моему клитору, тем самым подводя меня к краю.

— Боже, ты так близко. Ты не даже догадываешься, как хорошо ощущаешься, — кончик языка скользит вниз по кромке моего уха, и я начинаю дрожать, когда зубами он прикусывает мочку. Град поцелуев, которыми он осыпает мое лицо, делает меня сверхчувствительной. Его пальцы потирают быстрее, но его член двигается все с той же небольшой скоростью.

— О, Боже. Севастьян, — я едва произношу его имя, прежде чем спазмы сотрясают мое тело. Мои крики превращаются в вопли, а его рука с моей киски перемещается на бедро. Он приподнимает вверх мою задницу, и вдалбливается в меня так сильно, что я снова приближаюсь к краю. Я вцепляюсь в одеяло прежде, чем осознаю что делаю.

— Вот твоё занятие любовью, рабыня. Сожалею, но как бы мне всё это не понравилось, я предпочитаю жестко трахать твою киску, когда привожу в исполнение твоё наказание.

Пальцами он хватается за мои волосы и тянет назад, пока врежется в меня снова и снова. Слезы обжигают глаза от разительной перемены. Черт его возьми! Именно в тот момент, когда я подумала, что узнала его, он снова доказывает, что я ни хрена не знаю. Я не могу этого вынести, но меня всё ещё влечёт к нему, как мотылька на пламя.

— Верни свои руки под грудь, — шлепок, опустившийся на мою задницу, не такой сильный, какими он награждал меня раньше, но достаточно ощутимый, чтобы заставить заплакать. Что случилось с защитой и безопасностью, которые он мне обещал? Бред собачий. Несправедливость ситуации едва не заставляет меня обернуться, чтобы начать сопротивляться. *Покорная.* Действительно покорная. Если я не прогнусь, то никогда не покину это место.

Я подчиняюсь, возвращая руки на место и отбрасывая подальше все сомнения. Следующий шлепок, на этот раз по моему клитору, вынуждает меня покинуть свой защитный кокон.

— Поплачь для меня, детка. Позволь мне увидеть те слезы, которые делают твоё лицо прекрасным. Ты же знаешь, как сильно Господин любит это.

Я всхлипываю, пытаюсь бороться с удовольствием, которое накатывает на меня снова и снова.

— Ты сказал, что я в безопасности с тобой сегодня вечером.

Жалящее покалывание ощущается на моей голове, когда он ставит меня на четвереньки. Я напрягаюсь, а его тело прижимается к моему.

— Я делаю тебе больно?

Я замираю.

— Нет, Господин.

— Я не позволил тебе кончить, когда занимался с тобой любовью?

— Ну... да. Но *ты* не кончил.

Он смеется, жестко посасывая мою шею. Достаточно сильно для того, чтобы оставить метку.

— Не думай, что мне не нравится. Я сделал это для тебя, рабыня. Я знаю, в чём ты нуждаешься.

Я не могу скрыть хмурый взгляд, пока смотрю вперед.

— Но я хотела, чтобы мы кончили вместе. Для полноценной связи.

Господин сильнее тянет мои волосы, придвигая к своим коленям, когда медленно входит в меня членом.

— Я не кончу и не установлю с тобой связь, пока ты этого не заслужишь. Ты наконец-то вошла во вкус, подчиняясь мне. Когда придет время, или если ты заслужишь полноценный секс, то я его тебе дам.

— Ох.

*Ох... Правда? Это всё, что я могу сказать? Бл*дь, ох?*

Правда в том, что я не хочу его останавливать, независимо от того, начала я получать удовольствие от бурного секса или нет. Он дал мне представление о том, на что способен, и теперь я хочу Севастьяна ещё больше, когда знаю, что не могу его получить.

— Голову вниз, — рукой, он прижимает мое лицо к матрасу. — Держи задницу приподнятой, а руки под своей грудью. Это будет трах в чистом виде, рабыня, без боли, к

которой ты так привыкла. Наслаждайся им, пока можешь.

Ладонь Господина остается на моей щеке, когда он входит в меня на всю длину. Быстрый ритм его толчков сопровождается краткими изменениями в темпе. Второй рукой он упирается мне между лопаток, вжимая меня еще сильнее в мои собственные кулаки. Я пытаюсь глотнуть воздуха, когда он начинает трахать меня настолько мощно, что это лишает меня возможности дышать.

— Соси, рабыня, — ладонь на моем лице перемещается, и он проталкивает палец мне в рот. Я подчиняюсь настолько хорошо, насколько могу. Но на его прикосновение к моей открытой заднице, я напрягаюсь. В то время как его палец собирает влагу, я позволяю себе отпустить страхи и расслабиться, продолжая посасывать его фалангу. Рассеянность оставляет меня в состоянии принять боль, когда Господин толкается в тугое отверстие. Новые ощущения экстаза и жара взрываются во мне, и я не могу остановиться, когда вытягиваю его палец глубже в свой рот.

— О... бл*дь. Это моя девочка. Ты знаешь, что любит Господин. Возьми больше. Прими все это.

Движение его пальца во рту синхронно с проникновением пальца его второй руки. Он одновременно погружается в мою киску и задницу. Моя ладонь скользит в сторону клитора, но я останавливаю себя и возвращаю ее на место. Я так близко. Все, что мне нужно — больше прикосновений. Больше...

С моих губ срывается разочарованный стон, и я прижимаюсь лицом к матрасу. Это не останавливает его. Он поворачивает мою голову в сторону, возвращая в прежнее положение. Господин выходит из меня лишь для того, чтобы размазать влагу и болезненно протолкнуться еще глубже в мою киску.

— Ты не кончишь так быстро, рабыня. Сегодня вечером я приготовил для тебя угощение. Ты кончишь, когда я захочу.

Единственное, что я улавливаю из его слов: это то, что он не позволит мне получить оргазм прямо сейчас, когда мне хочется этого больше всего. Сжимая зубами его палец, я сопротивляюсь заманчивому желанию укусить сильнее. Вместо этого я двигаюсь вперед и вытягиваю палец в рот так глубоко, как только могу. Мои губы скользят по его последнему суставу, и он громко стонет, удерживая его на месте. Я борюсь с желанием стиснуть зубы, что кажется почти невыполнимой задачей. Мои глаза слезятся, когда он отступает, только чтобы повторить движение. Давление покидает мою задницу, он хватается меня за бедро, в то время как его толчки в мою киску снова становятся дикими.

— Еще, — он погружает второй палец и толкается обоими к задней стенке моего горла. Стоны и крики приглушены из-за наполненности моего рта. Господин продолжает меня трахать, шепча мне грязные словечки, но я умудряюсь принять его еще глубже.

— Сейчас мы так близки, — он грубо откидывает мои волосы назад, когда я снова опираюсь на колени. Господин оборачивает руку чуть ниже моей груди, и я удивляюсь насколько же он сильный. — Ты даже не представляешь себе, как сильно я хочу трахнуть тебя во время наказания. Тебе нравится, как мой член вдальбливается в твою киску?

Ответ застревает в моем горле, когда он перемещает свои ласки к верхней части моего влагища. *Удар! Удар! Удар!* Быстрая последовательность шлепков заставляет меня дернуться от его пальцев, которые остаются на месте после всех ударов.

— О, да. Ты любишь все, что я даю тебе, не так ли, детка? Секс доказал это. Кто сможет сделать для тебя подобное?

Давление на моем клиторе увеличивается, и я размыкаю губы, ощущая, как достигаю пика, который становится удивительным оргазмом.

— Ты, Господин. Бл*дь. Я люблю это, — вскрикиваю я, когда он врезается в меня еще сильнее. Сжимаю кулаки и прижимаю их к груди, когда оргазм сотрясает мое тело. Он обнимает меня еще крепче, заставляя почувствовать себя пленницей сильнее, чем когда-либо, но в тоже время чрезмерно защищенной.

— Бл*дь... Диана, — без учета моей собственной волны наслаждения внутри меня медленно взрывается непонятное тепло. Мои глаза резко открываются, когда отголоски оргазма исчезают, а реальность обрушивается на меня, как ведро ледяной воды.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты не сделал то, что как я думаю, ты сделал, — я поворачиваю голову и хмурюсь, пока он продолжает держать меня в объятиях. — Я знаю, мы и раньше не предохранялись, но не доходили до конца и ты же не кончил в меня, верно?

— Не вижу в этом проблемы, — он моргает, все еще глядя на меня, как будто я говорю на иностранном языке.

Я шевелюсь, пытаюсь освободиться.

— Ты только что *кончил* в меня!

По-прежнему без эмоций.

— Да... так и есть.

— Что значит твое: "так и есть"?! На третий раз ты просто в меня кончил.

— И я сделаю это еще не раз, прежде чем мы закончим.

Сжимаю челюсти вместе и смотрю на него.

— А если я забеременею? Что тогда?

Он смеется, покачивая головой.

— Я видел твою медкарту. У тебя инъекция. Я думаю, ты в безопасности.

— Хотела бы я знать, какие медицинские записи ты видел. Да, я делала инъекции раньше. Но нет, я не сделала ни одной за последние шесть месяцев.

На его лице по-прежнему нет страха.

— Нет проблем. Я больше *никогда* не смогу иметь... — он замолкает, а выражение его лица становится каменным. — Как я уже сказал, тебе не о чем волноваться.

Я пытаюсь не позволить этой новости поселиться червячком сомнения в своем сердце, но я солгу, если скажу, что этого уже не произошло. У него есть дети? Это сносит мне крышу, и я хочу узнать его историю. Хочу попытаться понять, кто он. Что заставляет его держать склонных к суициду людей, пленниками в своем доме?

— Вазэктомия?

— Да.

Я глубоко и облегченно вздыхаю, почти умирая от выброса адреналина.

— Если ты не возражаешь, то я спрошу о том, как давно ты ее сделал?

— Годы, — он отвечает кратко и вытаскивает член, оставляя меня лежать на кровати. Я не могу отвести от него взгляд, в то время как он собирается лечь рядом со мной. Страх поднимается, но я не могу скрыть того, что уже знаю.

— Ты знаешь, всегда есть шанс...

— Даже не продолжай. Нет.

Я молча закрываю глаза. Мой мир сходит со своей орбиты, пока я пытаюсь понять тот ад, в который превратилась моя жизнь. Если что-то случится... если что-то изменится, или вмешается Судьба, чтобы все испортить, и я забеременею от этого человека... нет, это будет

слишком. Это та проблема, о которой я не хотела задумываться прежде. Я даже не могу представить, как это могло бы быть. Господин и я должны решить вопрос контрацепции до того, как что-то изменится между нами. Потому что иначе, провалиться мне на этом месте, я не позволю ему прикоснуться к себе снова.

Я нарушил свои собственные границы, и я это знаю. Из-за того, что начал признавать свои чувства и потребность в ней, которые быстро становились слишком сильными, я забыл о страхах. В очередной раз почти убедил себя, что смогу ее удержать и решить все проблемы, если впущу Диану и покажу настоящего себя. А затем на меня обрушилась реальность. Она только что решила, что возможно хочет жить. Если я снова потеряю свою вторую половинку, даже возможную, из-за самоубийства... то точно сойду с ума. На этот раз не останется ничего, ради чего стоит жить дальше.

Диана начала значить для меня слишком много. Я изнываю от желания удержать ее. Чтобы причинить ей боль. Мысль о том, что она покинет меня, заставляет колотиться мое сердце, а она еще никуда даже не собирается. Дистанция. Пришло время установить ее между нами. Она пробыла здесь ровно месяц, пора начать все с начала. Новый старт, который, во-первых, поможет ей привести мысли в порядок, а во-вторых, позволит мне удалиться сейчас, пока это еще возможно.

Мои глаза поднимаются к монитору, и я смотрю, как она печатает для меня речь. Она понятия не имеет, что писать. Я сказал ей проявить креативность. Не знаю, каким будет содержание, для этого мне сначала нужно прочесть его. Я сомневаюсь, что реально смогу использовать эту речь, но Диана нужна мне сосредоточенной на чем-то, и это похоже на достаточно хорошее оправдание вернуть ее к старой жизни. Если она сможет начать писать снова, то у нее появится что-то, чего она будет с нетерпением ждать, когда придет время двигаться дальше.

Мой телефон вибрирует, и я смотрю на экран. Имя Джейми появляется на дисплее, я поглядываю на время. Он вот-вот будет здесь. Черт возьми, он вероятно уже на пороге.

Я нажимаю на кнопку, возвращаясь к наблюдению за Дианой. Новая стрижка "боб", с которой она щеголяет, ей очень идет. Она выглядит иначе, но, черт возьми, намного лучше, чем тот беспорядок, который я устроил.

— Привет, Джейми.

— Не притворяйся, что подавлен из-за того, что разговариваешь со мной. Что-то случилось? Как Диана?

Я поджимаю губы и откидываюсь в кресле, позволяя голове отдохнуть на кожаной обивке. Меня поглощает темнота, когда я закрываю глаза.

— Она пишет мою речь. Ты достал то, что я просил тебя найти?

— Я сделал это. Ну, некоторое... белье здесь очень сексуальное. Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Я открываю глаза, сжимая челюсти от проявления хорошо знакомого мне чувства гнева.

— Ты посмотрел мои покупки?

Он смеется.

— Я не думал, что это запрещено. Кажется, раньше ты никогда не возражал.

Дерьмо. Он прав. Обычно я заставлял его проверять свои заказы, чтобы убедиться, что там есть все необходимое.

— Белье не для того, чтобы доставить удовольствие мне, — *не сейчас, во всяком случае.*
— Я просто подумал... — черт... я ищу оправдание. Предлог, чтобы уступить и взять ее. — Забудь об этом. Сделай одолжение, выброси все. Я думал, что поднятие ее самооценки можно использовать, как толчок. Глупая идея.

— Ты уверен? — Джейми говорит тише. — Держу пари, она бы выглядела потрясающе, одетая в те чулки с подвязками и поясом на талии... я даже могу представить ее в этом. Возможно, ты должен оставить их на всякий случай.

— Нет, — произношу я сквозь стиснутые зубы. Я точно знаю, как она будет выглядеть в этом. Если я увижу ее в таком наряде, то все закончится тем... что я разверну Диану как подарок при помощи своего скальпеля.

— Тогда я могу оставить это себе?

Я расслабляюсь в кресле, и мой взгляд возвращается к Диане.

— Зачем? Планируешь носить сам? — поддразнивание не более чем прикрытие. Я пытаюсь разозлить его, чтобы узнать, что происходит на самом деле.

— Смешно, но нет. Послушай, — он замолкает, и я могу почувствовать, как ускоряется мой пульс, эхом отдаваясь в груди. — Мы оба знаем, что она, вероятно, будет в порядке. Я хочу вернуться с ней в Портленд. Чтобы попытаться помочь ей самостоятельно. Есть много рабов, желающих попасть к тебе. Позволь мне забрать ее, а ты сможешь взять нового.

Руки сжимаются в кулаки от рева, который безвучно раздается в моих ушах.

— Ты хочешь забрать мою рабыню, Джейми? — угроза в моем голосе очевидна, и я уверен, что он ее слышит.

— Господин, — он колеблется. — Если у тебя нет возражений, то конечно... я сделаю это. Я хочу ее. Мне кажется, что есть шанс того, что мы сможем найти общий язык.

— Найти общий язык... — улыбка растягивает мой рот, но она не выглядит счастливой. Садистская часть меня умоляет причинить ему боль за то, что он просто посмел спросить об этом. — Давай представим, что я тупой. Ты думаешь, что найдешь с ней общий язык настолько, что сможешь ее трахать, да?

— Иисус, — выдыхает он. — Послушай, она мне нравится. Если я тоже ей понравлюсь, то это будет не просто трах. К тому же, я готов остепениться.

Ухмылка становится шире.

— О, даже так? Я об этом не знал. С каких пор? Если мне не изменяет память, ты расстался с Жасмин за две недели до того, как я получил Диану. Почему бы просто не вернуться к ней?

Снова тишина.

— Диана поймет меня лучше, чем любая другая женщина. Она знает, через что я прошел. Побывал в аду и вернулся назад. Мы разожжем искру, я просто знаю это. Пожалуйста. Позволь мне забрать ее с собой через несколько дней. Я обустрою свою квартиру так же, как твой дом. По крайней мере, пока она не будет чувствовать себя достаточно хорошо. Так будет лучше для всех. Если она ничего ко мне не почувствует, то не проблема. Я все равно продолжу помогать ей стать лучше, и она сможет двигаться по жизни дальше точно так же, как если бы осталась с тобой.

Бл*дь, он предоставляет мне реальный выход из ситуации. Но просто отдать Диану ему? Я отрицательно качаю головой.

— Нет. Я не могу этого сделать, Джейми. Мне жаль, но я несу за нее ответственность. Если что-то случится, то это будет моя ошибка, независимо от того, будет там твоя вина или

нет.

Диана встает потягиваясь. Она поворачивается лицом к моей двери, и я цепляюсь кончиками пальцев за стол. Боже, я хочу ее все больше и больше. Я жажду повторить то, что мы разделили вчера вечером... прежде чем я все испортил.

— Тогда, можно я буду приезжать, чтобы навестить ее? Возможно, если мы проведем вместе некоторое время, она сможет узнать меня лучше? Это поможет ей исцелиться изнутри. Нужен кто-то хороший... ну, не такой, как ты.

Мои брови сходятся вместе.

— Мы поговорим об этом позже. Ты уже близко?

— Да, фактически я почти на месте. Я просто подумал, что мог бы позвонить, потому что это сводит меня с ума, но я знаю, что мы не сможем поговорить при ней.

Я встаю, отодвигая кресло.

— Увидимся, когда ты будешь здесь, — связь обрывается, и я убираю телефон в карман. Диана все еще стоит и смотрит в сторону моей двери, когда я вхожу в ее комнату.

— Ты закончила?

Горечь. Да. Ее окружает невидимая аура горя, которая притягивает меня, хотя все, что я хочу сейчас сделать — это утешить ее из-за того, что сегодня утром повел себя, как мудак. Никаких сладких слов. Ни поцелуев, ни объятий за то поразительное удовольствие, которое она подарила мне накануне вечером. Всего одно слово, когда ее глаза открылись, и она улыбнулась мне. *Ванная комната.*

Я хотел заставить ее вернуться к рутине. Гнев от ситуации исказил мой голос, и красивое выражение, которое было на ее лице, растаяло, словно я дал ей пощечину. Бл*дь, никогда в жизни я не чувствовал себя большим ублюдком.

— Да, Господин, — она отходит, берет листок бумаги и приносит его мне. Я забираю лист и вижу, как она ломается, становясь на колени у моих ног. Она подчиняется беспрекословно. Я не говорил ей этого делать, но Диана инстинктивно знает, что я заставлю ее встать на колени, как и этим утром, когда включал воду.

Я медленно поднимаю бумагу вверх, по-прежнему не в состоянии сфокусироваться. Черные буквы сливаются в единое целое, пока я, наконец, не нахожу вступление. Чем дальше я читаю, тем сильнее округляются мои глаза, когда моя рабыня ссылается на степень значимости рака в жизни общества. Когда я приказал ей написать речь, то забыл, что она была медсестрой, и каждый день видела, как страдают дети.

Продолжая вглядываться в текст, я вчитываюсь в каждое предложение и сопоставляю его с тем, что мне придется произнести. В прошлом я сам писал свои речи. Разница поразительная. Сочувствие. У нее оно есть. У меня... не очень. Не потому, что я не сопереживаю пациентам, а потому что я не испытал той боли, которую видела она.

— Это замечательно. Ты все сделала хорошо, — тянусь рукой к ее волосам и ощущаю тяжесть в груди, когда прижимаю голову Дианы к своему бедру. Господи, как бы я хотел, чтобы она осталась со мной навсегда в качестве партнера. Как во снах. Но это невозможно. Я не могу держать здесь двух рабов одновременно. Мне нужно быть сосредоточенным. Но я не смогу этого сделать, если все мое внимание будет обращено на Диану. Слишком большая ответственность, даже чтобы попытаться. Кто-то может умереть, а я не могу позволить этому случиться.

— Я рада, что тебе понравилось, Господин. Писать больно, но мне кажется я знаю, чем должна заниматься.

Я приседаю перед ней, пальцем приподнимая ее подбородок, заставляя встретиться со мной взглядом.

— И что это значит?

— Патронаж. Не с детьми и не в этой области, но я все еще могу помогать.

Поднимаю руку и прижимаю ее к щеке Дианы. Она мгновенно откликается на мое прикосновение. Быстрый рывок в сторону говорит мне, что она слишком поздно осознает свой промах.

— Джейми спросил меня, если бы я могла сделать доброе дело, то что бы это было? Я не знаю. Я все еще не уверена. Но я подумала, что могла бы делать что-то полезное, используя свою квалификацию, пока не выясню ответ на этот вопрос.

— Разве сейчас ты недостаточно помогаешь?

Диана смотрит мне в глаза.

— Нет. Для меня нет. Я хочу помочь больше, чем этим. Как именно, я выясню позже, но, по крайней мере, это станет началом. Когда я уйду отсюда, то собираюсь вернуться к работе медсестры. Может быть так я пойму, какой именно благотворительностью хочу заниматься. Возможно, буду помогать женщинам вроде себя.

Если бы только мы могли делать это вместе... но это *невозможно*.

— Звучит, как хороший план, рабыня. У тебя будет с чего начать. Это очень важно.

— Господин?

— Да?

Я поднимаюсь и тяну ее вверх за собой.

— Как долго я еще здесь пробуду? Я не тороплюсь уйти, мне просто любопытно.

Ты так изменилась, рабыня.

— Еще несколько недель. Если твое состояние по-прежнему будет улучшаться, то я приму это решение.

— Спасибо тебе. Не только за это... но...

Я оборачиваюсь на стук. Глаза Джейми загораются, когда он заходит в комнату.

— Что случилось с твоими волосами? Вау! Я едва тебя узнал. Ну же, позволь мне посмотреть.

Диана поднимает на меня взгляд, ожидая разрешения. Поразительно.

— Иди, — тихо произношу я.

Выражение глаз моего друга выглядит искренним, когда она приближается к нему. Джейми нравится то, что я сделал.

— Так прекрасна, — он обходит ее по кругу, и я не могу сдержать свой гнев, так как вижу хищника, который живет внутри него. Джейми слишком похож на меня. Доминант. Садист. Возможно не моего уровня, но этого достаточно для того, чтобы я видел и понимал, что его заинтересованность к этой женщине лишь возрастает.

— Ты так считаешь? Я до сих пор не уверена. Тяжело смотреться в зеркало.

— Мне нравится, — он останавливается прямо перед ней. — Тебе идет. Почему ты решила подстричься?

Она поворачивает голову и ее глаза встречаются с моими.

— Я их срезал. Ну, не так конечно. Мы все исправили сегодня утром.

Улыбка на лице Джейми тает.

— Ты срезал ее волосы? В гневе?

— Да, я их обрезал. И поступил бы так снова. Она это заслужила.

Диана поджимает губы, но молчит.

— Где покупки? — я шагаю вперед, приближаясь к ним. Джейми указывает головой на дверь.

— Я оставил их около входной двери, — но его глаза снова возвращаются к Диане. Мне это не нравится. Совсем не нравится.

— Рабыня, пойдем со мной. Я приобрел кое-что из одежды для сегодняшнего вечера. Ты сможешь переодеться, пока мы с Джейми все приготовим.

Диана идет за мной, я передаю ей пакеты и жестом указываю оставить нас. Дверь за ней захлопывается, я лезу в карман и достаю свой телефон, направляясь к лестнице. Пальцы порхают по кнопкам, пока я подхожу к мониторам.

— Приготовим? Я думал, что ты имел в виду доставку еды?

Я закатываю глаза, когда вхожу на кухню.

— Так и есть, но еда сама себя на стол не поставит. Сюда, — я откладываю мобильник и открываю шкафчик, вытаскивая три тарелки. Джейми смотрит на дисплей моего телефона, когда я ему их протягиваю. Диана раздета, она стоит спиной к видеокамере в лифчике и трусиках.

— Бл*дь, она потрясающая. Эта задница...

— Эй, — огрызаюсь я. — Тебе лучше сосредоточиться на том, что происходит здесь. Не там, — я толкаю тарелки ему в грудь. Ревность выжигает мои внутренности, а зверь во мне ревет от необходимости защитить то, что считает своим.

— Господи. Знаешь, если бы я не был таким умным, то сказал бы, что ты влюбился в свою рабыню.

Я достаю бокалы и столовое серебро, останавливаясь, прежде чем вытащить третий нож.

— Ты ошибаешься, Джейми. Я ни в кого не влюбился. Очевидно же, что она одевается, и если ты не положил что-то, что может ей навредить, то она не заслуживает того, чтобы за ней шпионили. Тем более кто-то с намерениями вроде твоих.

Я такой лицемер, но он не должен об этом узнать.

Бросаю единственный взгляд на телефон и переворачиваю его, успевая заметить, как платье скользит по ее соблазнительным бедрам. Черт, она хорошо смотрится одетая лишь в нижнее белье. Я так долго видел ее обнаженной, что ткань, одетая на ней, кажется поддразниванием.

— Мы поедем сегодня вечером в столовой, так что иди и расставь посуду, а я принесу еду.

Джейми исчезает, а я беру свой телефон и нажимаю на кнопку, выключая его и убирая обратно в карман. Я могу ей доверять сейчас. Если Диана не появится в ближайшие несколько минут, то я проверю ее еще раз.

Духовка все еще работает, сохраняя стейки теплыми. Я прохожу мимо них к холодильнику и открываю дверцы. Белые коробки — это то, к чему я привык. Они от миссис Клоусон, она готовит для меня уже много лет. Каждый месяц я покупаю продукты в небольшом супермаркете, и обычно мои поездки происходят в промежутках между нахождением у меня рабов, но Диана заняла больше времени, чем другие.

— Готово, давай их сюда, — Джейми возвращается, я оборачиваюсь и протягиваю их ему. Когда он снова исчезает за дверью, я опираюсь ладонями о столешницу, опуская голову. Больше не могу отрицать правду, независимо от того, как сильно пытаюсь это сделать. Вчера

вечером кое-что изменилось. Я дал ей то, что никогда не должен был давать. Вернувшись к образу Господина, я понимаю, что это будет то время, когда ее растущим ко мне чувствам будет сложно расцвести дальше, но что, если этого окажется не достаточно? Я здесь для того, чтобы принять сломленную женщину и попытаться исправить ее. Чувства друг к другу не принесут ничего хорошего. Когда мы расстанемся, она будет в порядке... или же она хочет от меня большего? Эта мысль почти доводит меня до того, чтобы я пересмотрел предложение Джейми. Неужели будет лучше отослать ее сейчас? Смогу ли я отпустить ее так скоро? Что, если что-то случится, потому что я не достаточно ее исправил, прежде чем позволил уйти? Дерьмо. Я так чертовски растерян, чего раньше никогда не происходило.

Я вновь достаю свой телефон, не в состоянии больше это выносить. Когда экран оживает, я прищуриваюсь. Дианы нет в ее комнате. Мой палец сильно нажимает на следующую картинку на дисплее, в то время как я добираюсь до выхода из кухни, чтобы увидеть ее, если она спускается по лестнице. Никого.

Гостиная, кабинет, моя ванная, спальня... я останавливаюсь, когда вижу ее, лежащей на моей кровати. Рыдания, сотрясающие ее тело, очевидны. Беспокойство заставляет меня сделать шаг вперед.

— Ты собираешься ее проверить?

Я останавливаюсь и поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Джейми.

— Да. Мы сейчас спустимся.

Он кивает, и я останавливаюсь на полпути.

— Почему бы тебе не пойти и не провести ее? Она в моей комнате, — меня тошнит от этих слов, но я должен узнать, что они будут делать без меня. Я тут же жалею о своих действиях, но план уже запущен, ничего не поделать.

Джейми пронесется мимо, направляясь к лестнице. Я остаюсь на месте, наблюдая, как он поднимается, перепрыгивая через две ступеньки. Мой пульс ускоряется с каждой секундой. Позволит ли она ему себя утешить? Как далеко он попробует зайти, чтобы успокоить ее? Слишком много вопросов, и я нервничаю в ожидании получить на них ответы.

Мой взгляд прикован к экрану. Диана лежит, свернувшись с моей подушкой в руках. Что стало причиной срыва? Что-то должно было ее спровоцировать. Это из-за меня? Она как раз собиралась рассказать мне что-то, прежде чем нас прервали.

Джейми перешагивает через порог, медленно двигаясь в ее сторону. Я нажимаю на кнопку, увеличивая громкость.

— Ты в порядке?

Диана поднимается, вытирает щеки и приклеивает на свое лицо улыбку.

— Ох, да, извини. Я уже была на пути вниз. Не знаю, что на меня нашло.

Джейми продолжает идти вперед, пока не достигает кровати, на краю которой сидит Диана, и размещается рядом с ней. Его широкие плечи заставляют ее выглядеть совсем хрупкой по сравнению с ним. Это то, как мы смотримся со стороны? Я еще выше и немного шире в плечах, чем он.

— Хочешь поговорить об этом? Обсудить все, со мной? — он поднимает руку, убирая волосы, которые падают ей на лицо. Моя рука крепче сжимает телефон, но я остаюсь неподвижным, позволяя огню распространиться внутри меня. Это всего лишь Джейми. Я не должен быть так расстроен.

— Нет, — шепчет она, отодвигаясь назад и упираясь спиной в изголовье кровати.

Джейми разворачивается в ее сторону, устраиваясь удобнее на постели.

— Как идут дела, Диана? Господин хорошо к тебе относится? У меня действительно не было шанса поговорить с тобой.

Я знаю, что должен подняться наверх и прекратить это, но мне становится слишком любопытно, о чем же она думает. Я знаю, что ничего хорошего из этого получиться не может, но не могу устоять.

— Все в... порядке. Зачем? Разве это действительно так важно? Ты не можешь ничего с этим поделать, так же как и я. Прямо сейчас об этом бессмысленно даже говорить.

— Я так не думаю, — его голос звучит ровно и спокойно, когда он пытается уговорить ее продолжить беседу. — Я буду рад услышать, как идут твои дела. До сих пор ты так хорошо справлялась. Я очень горд от этого.

Диана прищуривается, смотря через всю комнату.

— Я же сказала, что не хочу говорить об этом. Я... больше переживаю, как сложится моя жизнь после того, как все закончится.

Джейми кивает.

— Понимаю. У тебя уже есть план?

— Есть. То, что ты сказал мне, когда мы ехали сюда, заставило меня задуматься о многих вещах. Ты спросил, что если бы у меня была возможность сделать что-то хорошее, то что бы это было. Я решила вернуться к патронажу. Но не только это является хорошим делом. Я хочу сделать что-то большее. Что-то в рамках благотворительности, как Господин. Я просто еще не знаю, что именно.

Улыбка появляется на его лице, он тянется и хватается Диану за руку. Девушка приподнимает голову, но не освобождается от захвата.

— Я думаю, это замечательно, что ты хочешь выбрать этот путь. Знаешь, я тоже состою в нескольких благотворительных организациях. Я могу помочь с выбором той, которая подойдет именно тебе.

— Ты поможешь мне сделать это?

Уголки его губ опускаются.

— Вероятно, я могу сделать что угодно, если ты попросишь. В рамках разумного, разумеется.

Откровенный флирт. Я глубоко выдыхаю, пытаюсь обрести контроль. Это не является грандиозным открытием. Диана — красивая женщина. Винить Джейми бессмысленно. Я не могу злиться на него за то, что он находит ее привлекательной.

— Ты серьезно должен прекратить это делать, — наконец говорит она.

— Делать что? Compliments тебе? Проявлять интерес?

Волосы, обрамляющие ее лицо, покачиваются, когда она кивает.

— Да. Ты неискренен. Ты просто пытаешься заставить меня чувствовать себя лучше. Это очень мило, но действительно неуместно. Я в порядке.

— Знаешь, хочу сказать, что ты не должна стыдиться того, что Господин выпорол тебя при мне. В тот день, я думал лишь об одном... У тебя очень милый зад. Я бы так не говорил, если бы это было неправдой. Это не для того, чтобы заставить тебя чувствовать себя лучше после твоего наказания. Так что я честен. Что ты об этом думаешь?

Что же, он говорит это шепотом. Я призываю на помощь всю свою выдержку, чтобы успокоиться. Единственная вещь, которая держит меня в здравом уме — наблюдение за экраном. Губы Дианы раскрываются, но она отворачивается.

— Тогда ты должен держаться от меня подальше. Я — ходячая катастрофа. Конечно, ты

и сам это видишь.

Присаживаясь на четвертую ступеньку снизу, я даже не понимаю, как тут оказался. Я до сих пор наблюдаю.

— Может ты и видишь себя такой, но все, что вижу я — это чрезвычайно сильную женщину. Я знаю, на что способен Господин, но не ты. Твой дух не сломлен. У тебя есть план. Путь, в котором ты преуспеешь, если решишь сейчас жить дальше. Я очарован тобой, Диана.

— Бл*дь, — выдыхаю я. Смогу ли я и дальше смотреть на это? Рукой я вцепляюсь в лестницу, пытаюсь удержать себя на месте и не разрушить то, что может произойти между ними.

Она освобождает свою руку от его.

— Я польщена, Джейми. На самом деле, но прости. Я не уверена, что уже готова принимать чье-либо внимание. Ты понимаешь, не так ли?

Черт возьми, он не отступает и снова берет ее за руку.

— В моем распоряжении все время мира, — он наклоняется и целует костяшки ее пальцев. — Приступим? Господину наверняка интересно, почему мы так долго.

Я поднимаюсь и направляюсь на кухню, одновременно с этим выключая звук на телефоне. Диана уже спускается. Я закрываю изображение и заталкиваю мобильник обратно в карман. Ну, по крайней мере, она ясно выразила свои чувства и явно не казалась заинтересованной в начинании каких-либо отношений. Но что-то в ее словах пробудило мою плохую сторону.

Стук ее каблучков звучит на небольшом расстоянии. Я притворяюсь, что не слышу, ее приближение, вытаскиваю стейки и ставлю их на верхнюю часть печки. Когда я перекладываю мясо на блюдо, то не могу избавиться от легкой дрожи в руках. Все во мне: хорошее и плохое, жаждет обладать ею всеми возможными способами. Требуется притащить Диану ко мне и сказать, что у нее нет выбора и возможности отказаться от внимания, которым я хочу одарить ее. Проклятая связь. Если для этого потребуется быть ее единственным, то я буду им. И ей, бл*дь, понравится это. Но мне придется лучше обдумать этот план. Выяснить, что я могу ей предложить, и будет ли это лучше для нее.

Шаги звучат уже на кухне, и я оборачиваюсь с подносом. Он едва не выпадает из моих рук от вида того, как Диана обнимает Джейми. Они выглядят как пара. *Возможно*, ему просто нужно некоторое время. Если я отойду в сторону и позволю этому случиться.

— После вас двоих.

Диана даже не смотрит на меня, и он уводит ее в столовую. Я следую за ними с подносом в руках, Джейми выдвигает для нее стул. Моя голова взрывается от эгоистичных потребностей, и решение позволить ей поесть самостоятельно внезапно портит всю картину.

— Рабыня, вниз.

По-прежнему никакой реакции. Она терпеливо подходит и становится на колени около моего стула, когда я занимаю свое место. Мне комфортно от того, что она на моей стороне. Ложное чувство собственности заставляет меня расслабиться. По крайней мере, сейчас она моя и черт возьми, я собираюсь воспользоваться этим. Я поднимаю взгляд, чтобы посмотреть на стол. Джейми не выглядит расстроенным или удивленным. Лишь... возбужденным от ее покорности.

— Итак, — я выдавливаю улыбку. — Ты собрался в отпуск. Куда ты планируешь отправиться в этом году? Франция? Италия? Ты упоминал их недавно.

Джейми тянется к гарниру, затягивая с ответом, пока накладывает его в свою тарелку.

— На самом деле я подумываю об отпуске здесь. Возможно, просто отдохну дома. На самом деле, я еще не решил.

Следую его примеру и наполняю свою тарелку достаточно, чтобы накормить обоих: Диану и меня.

— Для меня это звучит, как идеальный отдых. Думаю, что в ближайшее время тоже устрою себе отпуск. Разумеется, после того, как закончу дела с моей рабыней. И если представится такая возможность.

Невозможно не заметить удивление на лице Джейми. Даже Диана слегка приподнимает голову вверх. *Присоединяйся к нам, детка. Давай проверим, что привлечет твое внимание.*

— О, да? И куда ты отправишься? — Джейми пережевывает еду, ожидая ответа.

— У меня есть недвижимость в Нью-Йорке. Я подумываю съездить туда на пару недель. Либо так, либо поездка на острова Французской Полинезии. Я слышал, что там красиво.

— Отлично. Я тоже хочу поехать! — Джейми посылает мне игривую улыбку, от которой я улыбаюсь и качаю головой.

— Тебе нельзя. Не после того, что случилось в последний раз.

Он наклоняет голову, его лицо становится серьезным.

— Эй, это нечестно. Я понятия не имел, что страдаю морской болезнью. Это был мой первый и последний опыт катания на лодке.

— Это яхта, а не лодка. Кроме того, ты чуть не уничтожил весь запас моего скотча... и ты храпишь.

Диана смеется. Я смотрю вниз и тоже улыбаюсь, пока она по-прежнему продолжает смотреть в пол.

— Тебя укачивает, рабыня?

Ее зеленые глаза встречаются с моими.

— Я не уверена, Господин. Я никогда не была ни на одной из них.

Я качаю головой.

— А я вот думал, что Джейми такой один. Оказалось, что нет, — я подцепляю немного пюре вилок, пытаюсь не обращать внимание на выглядывающую из декольте грудь, когда поворачиваюсь, чтобы покормить девушку. Мои взгляд все еще прикован к ее губам, когда она обхватывает ими прибор и кончик языка выскальзывает наружу, слизывая еду. Бл*дь... эти губы... этот язык. Они могут творить чудеса с моим членом, и он это знает. Стояк упирается в мои брюки, и я ерзаю, забирая вилку обратно.

— Что насчет полетов? Или ты ни разу не летала? — это сказано в шутку, но из-за выражения ее лица я почти жалею, что не могу забрать свои слова обратно.

— Нет, Господин, — она делает паузу. — Ронни и я везде ездили. Я слишком боялась летать, а он никогда не делал из этого проблему. Ему нравились поездки на автомобиле.

Я вздыхаю, подготавливая для нее следующий кусочек.

— Страх заставляет нас упустить многое в жизни. Возможно, если ты продолжишь думать о "новом старте", то сможешь добавить некоторые из этих вещей в свои планы.

— Ты хочешь, чтобы я куда-нибудь полетела?

Я пожимаю плечами, протягивая ей очередную порцию еды.

— Решать тебе, но я это одобряю.

Диана молча кивает, когда смотрит на вилку перед собой. Она проглатывает пищу и снова начинает говорить.

— Возможно, я так и сделаю. Я всегда хотела побывать в Риме.

— Прекрасно, — быстро поддерживает Джейми. — Тебе там понравится.

— Уверена, что так и будет, — она опускает глаза, но я вижу, как ухудшается ее настроение. Возвращаясь к еде, периодически кормя Диану. К тому времени, как мы заканчиваем, я уверен, что мой член больше не болит. Стояк пропал.

Я вытаскиваю ключи и бросаю их на стол.

— Джейми, почему бы тебе не принести скотч.

— В данный момент это все, что я могу сделать, — он встает и выходит из комнаты. Я поворачиваюсь всем корпусом к Диане. Ее грудь манит меня, и я тянусь вниз, проскальзывая пальцем вдоль материала в вырез платья.

— Часть меня желает сбежать с тобой сегодня вечером. Я хочу увидеть твой страх, — я улыбаюсь, когда взгляд ее широко открытых глаз впивается в меня.

— Не думаю, что я готова к перелету. Я не хочу.

— Мы оба знаем, что твое мнение не имеет значения. Кроме того, тебе крупно повезло. Я запомню твои слова. Оставим этот разговор на потом, — какого хрена я это говорю? Я должен держать дистанцию. Вероятно, мой план... мне нужно вернуться к нему.

Она надувает нижнюю губу, и я скольжу вверх рукой, используя свой большой палец, чтобы вернуть ее на место.

— Ты дуешься, а у этого есть последствия. После того, как Джейми уйдет, ты будешь наказана.

— Да, Господин, — на ее лице проскальзывает вспышка гнева, но она удерживает его внутри, и я перестаю к ней прикасаться. Джейми возвращается назад, делая вид, что не замечает изменения в ее настроении, садится и ставит на стол графин и бокалы. Три бокала, если быть точным. Я перебираю в уме варианты. Как Диана будет вести себя под воздействием алкоголя? Она будет более покорной или храброй? Проявит нрав или свою лучшую сторону? Откроется ли мне, если я начну задавать ей вопросы? Огромное множество вариантов.

Я наклоняюсь вперед, наполняя бокалы для нас обоих.

— Пей, — другого выбора нет. Приказ заставляет ее наклониться вперед, а затем отпрянуть назад. Так... она действительно этого не хочет. Очень плохо. Ведь я собираюсь узнать, что произойдет после.

Джейми наполняет свой бокал и выдвигает стул, который стоит рядом с Дианой. Я беру предложенную им сигару, позволяя ему ее прикурить. Мягкий вкус табака скользит по моему языку, когда я затягиваюсь.

— Очень приятно. Где ты их взял?

Он смеется.

— Подарок от некоторых потенциальных клиентов.

— Еще лучше, — я снимаю пиджак, расстегивая манжеты, чтобы иметь возможность закатать рукава. Диана сдвигается у моих ног, и мне хочется схватить ее за волосы и притянуть ближе к коленям. Она должна сосать мой член, пока я пью виски и выкуриваю сигару. Может быть, я так и сделаю, когда уйдет Джейми.

Я беру напиток, поглядывая на друга, пока он смотрит на Диану сверху-вниз. Не так похотливо, как раньше, скорее заинтересованно.

— Пей, рабыня.

Она снова сдвигается, и я понимаю, что скорее всего, у нее болят колени. Диана

поднимает стакан, в то время как ее глаза встречаются с моими, бросая вызов. Одним глотком она отпивает половину бокала. Кашляет и отклоняется назад, выпрямляясь передо мной. Я забираю бокал, возвращая его на стол.

— Ты — самая упрямая женщина, которую я когда-либо встречал.

— Я не пью и не хочу этого делать... Господин.

— Очень плохо. Теперь, возьми проклятый стакан и допей его. Сидя здесь, — я похлопываю по ноге, и ее глаза распахиваются. По взгляду, который Диана бросает на Джейми, я понимаю, что ей стыдно перед ним, но она повинуется, садясь от меня так далеко, как только возможно. Я ставлю стакан и отдаю Джейми свою сигару. Руками хватаю девушку за бедра и тяну до тех пор, пока ее спина не оказывается прижата к моей груди. — Вот. Ты хочешь вести себя как ребенок, поэтому я буду воспринимать тебя как одного из них. Пей, — говорю я, вновь отдавая ей стакан.

— Джейми, — я забираю сигару и той же рукой притягиваю ближе свой напиток. Диана ерзает, и я пытаюсь не застонать и скрыть собственную реакцию на нее, обращая все свое внимание на друга. — Если я позволю своей рабыне уйти, то она должна будет находиться с Рейчел. Обязательно переговори с ней завтра. Я думаю, что они с Дианой отлично поладят.

— Рейчел... я думаю, ты прав, — он достает из кармана телефон и набирает, как я думаю, напоминание. — Сколько ты хочешь, чтобы они побыли вместе?

— Шесть недель. И ни дня меньше.

— Сделаю, — он продолжает двигать пальцами по экрану, но я едва это замечаю. Единственное, о чем я думаю, это запах волос Дианы, или то, как она быстрее, чем обычно, втягивает воздух ртом, продолжая елозить.

— Господин, — мягко произносит она, обращаясь ко мне. Наши лица в нескольких дюймах друг от друга. Я ничего не хочу сильнее, чем поцеловать ее так, как делал это прошлой ночью. Медленно. Страстно. Бл*дь, я сделал это невозможным. Почему бы мне не отправить ее обратно с Джейми? Я должен. Это будет безопаснее, чем, если она останется в стенах моего дома.

Я облизываю губы, удерживая ее пристальный взгляд.

— Да?

— Кто такая Рейчел?

— Духовный наставник самоубийц. Мой друг.

На мгновение она опускает глаза.

— Тебе она понравится. И ты пойдешь, иначе ты вернешься сюда. Это не обсуждается.

— Я пойду.

Я хочу улыбнуться, но вместо этого удерживаю на лице непроницаемую маску.

— Хорошая девочка. Теперь пей.

Она глубоко вздыхает и подносит стакан к губам, отпивая напиток, как я велел ей.

— Все готово. Я свяжусь с ней утром. Что на счет жилья? — возвращается к беседе Джейми.

— У меня есть дом, — вступает Диана.

Мои пальцы проскальзывают в волосы на ее затылке, не сжимая, а просто оставляя на месте так, что ей приходится посмотреть на меня.

— Я просил тебя присоединиться к этому разговору?

— Нет, Господин.

— Это между Джейми и мной. Ты просто слушаешь. А я решаю, что ты будешь делать.

Кроме того, мы оба знаем, что ты никогда не вернешься обратно в свой дом. Во всяком случае, жить ты там не будешь.

— Ты этого не знаешь, — отрезает она. — Я возможно очень хочу туда вернуться, просто чтобы доказать тебе, что ты знаешь далеко не все! — губы Дианы дрожат, она выглядит бледной и злой.

Садистская улыбка искажает мой рот, когда мы смотрим друг на друга. Я знаю, что она в курсе, что ей придется заплатить за свой выпад даже больше, чем раньше. И я не могу ждать. Но Диана понятия не имеет, что я подготовил для нее, и это не то, что покажется нормальным. Ее тело будет еще больше украшено синяками.

— Прости, Господин. Я не подумала.

— Я предполагаю, это именно то, над чем нам следует поработать.

Я поворачиваюсь и смотрю на Джейми. Очевидно, что ему нравится то, как я отношусь к ней.

— Я сообщу тебе в ближайшее время условия проживания. Возможно, мы закончим на том, что я передам ее тебе. Вероятно, она бы этого хотела.

Паника, искажающая черты ее лица, когда я на нее смотрю, подсказывает мне, что все как раз наоборот, но Диана сохраняет спокойствие. Страх может заткнуть людей. Девушка послушна почти настолько, насколько мне необходимо. Она пойдет, если я скажу ей это сделать. И она останется там, потому что знает, что если она ослушается приказа, и будет найдена мной, то я сотворю с ней такое, что ей и не снилось. Я могу прочесть это в ее глазах. *Страх.* Я буду иметь ее там, где мне хочется, но она даже не знает об этом. Бедняжка.

— Для меня будет большой честью, если она согласится жить со мной. Диана сможет оставаться так долго, как пожелает, — Джейми улыбается, и я приподнимаю ее голову.

— Поблагодари его за великодушие, рабыня.

Ее глаза наполняются слезами и гневом, но она поворачивается и говорит ему:

— Спасибо тебе, Джейми. С твоей стороны очень любезно предложить мне жилье.

Стакан касается его губ, когда он кивает. Диане не требуется мое напоминание. Она сама делает робкий глоток скотча. Сигарный дым клубится вокруг, насыщая воздух сильным ароматом. Я прижимаю сигару к своим губам и глубоко затягиваюсь. Успокаивающее ощущение проходит сквозь меня, обжигая легкие. Я расслабляюсь сильнее и откидываюсь назад, замечая, что Диана автоматически прижимается ко мне. До пристального взгляда Джейми доходит сообщение, которое показывает ему всю правду, вызывая у меня чувство удовлетворения. Я даю ему понять, кому она принадлежит, хочу я ее или нет. Диана выбрала меня и того мудака, которым я становлюсь рядом с ней. Однако ущерб нанесен, и я буду проклят за то, что сломал ее. Независимо от моего решения, я не хочу, чтобы она принадлежала ему. Я не смогу видеть их вместе.

— Мне пора, — он ставит бокал на стол, и Диана наклоняется вперед, чтобы сесть ровно.

— Ты не можешь уехать, — она качает головой, от чего ее волосы развиваются. Я слышу беспокойство в ее тоне. Она поворачивается ко мне в отчаянии, которое заставляет ее полностью разрушиться. — Скажи ему, что он не может уехать. Скажи ему, что мы его не отпустим.

— Мне нужно домой, — улыбается он. — У меня на утро назначена встреча.

Прежде чем я успеваю сказать хоть слово, она спрыгивает с моих колен и стремительно приближается к Джейми. Он так же ошарашен, как и я. Диана засовывает руки в его

карманы, пока он отодвигается в сторону, соскальзывая со стула. Но мой друг движется слишком медленно. Диана вытаскивает его ключи и выбегает из комнаты быстрее, чем я предполагал... черт, невозможно так передвигаться на шпильках, которые на ней надеты.

— Рабыня, — рычу я, устремляясь за ней.

Она уже пробежала половину пути вверх по лестнице, а я только хватаюсь за перила. Я перепрыгиваю через две ступеньки и хватаю ее за лодыжку, как только она вбегает в холл.

— Прекрати! Нет, я не позволю ему уйти, — она дрыгает ногами, пока переворачивается и вцепляется ногтями в деревянное покрытие. Мне удается подтянуться выше, блокируя ее ноги и придавливая Диану своим телом.

— Отдай мне ключи.

Сжимая ладони, она прячет их за спиной.

— Ни за что.

— Отдай. Мне. Ключи.

Слезы текут по лицу девушки, а рыдания, которые вырываются из ее горла, скручивают мои внутренности.

— Я не могу, Господин. Я действительно не могу.

— Скажи мне, почему. И зачем все это? — мой тон становится успокаивающим из-за страха, который она испытывает. Ничего не понимаю, но я не слепой, и вижу, что у нее нервный срыв.

— Он у—убьет кого—нибудь, — ее голос ломается, когда она яростно начинает вырываться еще сильнее. — Что, если... это... будет... ребенок? Или... — слова застревают в ее горле, так как я прижимаю Диану к полу и откатываюсь в сторону, крепко удерживая девушку в своих руках. В поле зрения появляется Джейми, но я не могу сдвинуться с места. Все, на что я способен — это успокоить свою рабыню. Женщину, которая привела меня в чувство, когда я думал, что так же мертв, как и наши семьи.

— Ты останешься в гостевой спальне внизу сегодня на ночь.

Он кивает головой, без сомнения услышав то, что она говорила. Он знает, как погибли ее муж и дочь, и она права. Даже один бокал — это слишком много, чтобы сесть за руль. Я только жалею, что не подумал об этом в самом начале.

— Это было очень умно с твоей стороны. Я горжусь тем, что ты пошла против моих правил, чтобы постоять за то, в чем действительно права, но ты могла бы сделать это иначе, — рукой я откидываю назад волосы Дианы, прилипшие к ее мокрому от слез лицу. — Посмотри на меня.

Налитые кровью глаза поднимаются к моим, их зеленый цвет настолько яркий, что гипнотизирует меня. Я должен заставить себя говорить дальше.

— Иди в душ и приготовься ко сну. Я скоро вернусь.

— Прости, Господин. Я просто не могу позволить ему убить кого—то или себя. Не тогда, когда я могу что—то изменить.

Я целую ее в лоб и обнимаю еще крепче.

— Ты все сделала правильно. А теперь делай, как говорит Господин, — я встаю, помогая ей подняться. Она молчит, но отдает ключи. Приподнимаю руку, чтобы показать их ей, а затем прячу в карман.

— Он останется. Теперь, иди.

Длинный сон о Господине кажется мне восхитительным. Только в нем я чувствую, что нахожусь в своей тарелке. Севастьян выглядит таким доминирующим, но совсем не жестоким. А иногда даже нежным. Солнце ласкает нашу кожу, я улыбаюсь, осматриваясь по сторонам, а его палец скользит вниз по моей щеке. Тепло ощущается так хорошо. Так... уместно. Я знаю, что мы на одном из тех островов, о котором он говорил тем вечером, но не могу представить ничего другого.

— Теперь ты счастлива?

Я поворачиваю голову и целую его в губы. Это чувствуется странно, настолько необычно, словно я объединяюсь с ним на каком-то ином уровне. И все же где-то в глубине души я знаю, что все нереально — это лишь мечты. Я просто представляла себе это слишком много раз в последнее время.

— Рабыня?

— Хм-м?

— Просыпайся.

Я расстроена тем, что мой сон рассеивается.

— Я не сплю, — вздыхаю я, даже не утруждая себя тем, чтобы открыть глаза. Знаю, что Господин, приказывающий мне проснуться, настоящий. А не та фантазия о человеке, которую создала я.

— Поторопись. Нам нужно съездить в город.

Я резко распахиваю глаза только для того, чтобы после первого же брошенного взгляда прикрыть их рукой.

— О... Господи. Свет, — я скатываюсь с кровати и вслепую мчусь к открытым окнам и возвращаю шторы на место.

А потом с улыбкой разворачиваюсь к его ухмыляющемуся лицу.

— Должна ли я ожидать чего-то подобного в дальнейшем? — я не в состоянии скрыть волнение. Будто никогда не видела солнце прежде. Даже несмотря на то, что мои чувствительные глаза уже слезятся, мне хочется завизжать от подарка, который Господин мне сделал.

— Если ты продолжишь вести себя хорошо, то да. Я думаю, ты заслужила хотя бы один день передышки. Если будешь послушной в магазине, то я даже возьму тебя на прогулку. Как тебе такое предложение?

Не раздумывая, я прохожу вперед и опускаюсь на колени у его ног. Если и есть хоть что-то, что я выучила, так это то, что нужно выражать свою благодарность за те небольшие подарки, которые он делает.

— Спасибо, Господин. Мне нравится предложение.

Он зарывается пальцами в мои волосы.

— Тогда добро пожаловать. Одевайся. Я подожду.

Я прикусываю нижнюю губу, обдумывая, стоит ли мне начать сопротивляться. Он не прикасался ко мне с тех пор, как мы занимались любовью. Потом Господин поставил меня в

угол как ребенка за трюк с украденными ключами Джейми, и после той ночевки здесь он дистанцировался. Это было целую неделю назад. В действительности он даже не кажется тем же Господином, которого я знала раньше. Севастьян заставляет меня чувствовать себя потерянной и смущенной, но я знаю, что просто находиться с ним рядом — мне недостаточно. Я нахмуриваюсь, наблюдая, как из защитной раковины показывается мужчина моей мечты. А может быть он просто что-то среднее между ними двумя?

Я медленно встаю, наблюдая за тем, как он уходит. И даже, если я хочу что-нибудь сказать, то не могу. Мои мысли проносятся со скоростью миллион миль в минуту, и ни одна не задерживается из-за туманного сна, в котором я находилась. *Одеться...* правильно. Возможно, я намекну, что хочу его, когда мы будем в машине или в городе. Если мы соберемся сделать это, то нам будет нужна защита. Даже при том, что он бесплоден, я не хочу рисковать.

Бледно-голубое платье оказывается тем, что привлекает мое внимание, поэтому я хватаю его, избавляясь от одетой на меня пижамы. Моментально натягивая его через голову и убирая комплект белья для сна, я направляюсь в туалет, чтобы почистить зубы. Господина нигде не видно. Я заканчиваю со своими рутинными делами и выхожу.

— Господин?

По деревянному покрытию пола в прихожей раздается топот моих босых ног, я наматываю круги около входа, что ведет к лестнице. Дверь в самом конце коридора открыта, и я направляюсь туда. От страха мои ноги наливаются свинцом, вращаясь в пол. Меня пугает возможность увидеть, что там находится, и я не уверена почему. Может быть, это какая-то тайна этого дома. Какие секреты хранятся за запертой дверью?

— Господин?

Я останавливаюсь около дверного проема, прислушиваясь к тому, что происходит.

— Я здесь. Иди вперед, рабыня.

Ноги почти отказываются работать, но каким-то образом мне удастся вернуться ко входу. Лестница, ведущая вверх, соединена с деревянными балками, и что-то подсказывает мне, что это вход на чердак. Господин сидит на середине лестницы, его предплечья упираются чуть выше колен.

— Я готов рассказать тебе свою историю. Хотела бы ты ее услышать?

Я двигаюсь вперед, прежде чем понимаю, что делаю. Каждый шаг приближает меня к его боли, заставляя сжиматься мои внутренности, но все мое внимание сосредоточено на его лице.

— Я хочу, Господин.

Он опускает руку. Это сигнал к тому, чтобы я села рядом. Ступенька недостаточно широкая, чтобы уместить нас обоих, однако мне удастся втиснуться под углом, имея возможность наблюдать за голубоглазым мужчиной.

— Я был женат один раз. Это не был традиционный брак как у тебя. Роза и я, мы не встретились и полюбили друг друга как многие люди, которые счастливы вместе, — его голова опущена, пока он смотрит в пол. — Я знал ее брата много лет и был в долгу перед ним. В юности он спас мне жизнь. Когда он неожиданно позвонил, то я понял, что ему действительно что-то нужно. Раннее я обещал, что верну ему долг, и он знал, что мое слово чего-то стоит. Все было просто. Его сестра была здесь незаконно, поэтому он хотел, чтобы я женился на ней. Хотя я не воспринял это всерьез, но не стал колебаться. До этого я видел Розу лишь однажды, и она была... сабмиссивом от природы. Это была хорошая сделка. Через

некоторое время пришла и любовь. Не как в сказках, а скорее, как между друзьями. Но мы были счастливы.

Пульс учащается, и я чувствую, как подступает тошнота. Я знаю, что у этой истории не будет счастливого конца, поэтому мне больно представлять, через что он прошел.

— После почти пяти лет брака она забеременела. Это было запланировано. Роза хотела завести семью, и я уважал это. Возможно, где-то в глубине души я тоже был готов к этому, — он вздыхает и шевелится. — Беременность протекала отлично. Наш сын был здоров. Я был впервые по-настоящему доволен своей жизнью. И с нетерпением ждал того момента, когда стану отцом. Возможно, из меня действительно получился бы хороший отец... В течение шести дней я помогал заботиться о нашем сыне. Пеленал его и укачивал, чтобы он заснул... и даже во сне я держал его на руках часами. Никак не мог налюбоваться на то, что я создал. Он заставлял меня трепетать. Это была мгновенная любовь, которую я не мог отрицать, и она сделала меня более счастливым, чем я когда-либо был. Но однажды утром... — он останавливается и поднимает голову.

Душераздирающее выражение на его лице затрудняет мое дыхание. Моя собственная боль возвращается.

— Крики Розы из детской комнаты все еще преследуют меня во снах. Я не могу спать. В течение очень долгого времени я не мог есть. Когда я добрался до комнаты, то увидел ее, держащую моего сына. Крики. Плач. Но он не дышал, — на мгновение он закрывает глаза. — В отчете говорилось, что это был "Синдром внезапной смерти младенца". Для меня это не имело смысла. Я думаю, что отключился на некоторое время. Роза и я почти не говорили первые несколько дней. Утром после его похорон я нашел ее. Она покончила с собой в нашей постели. Ее запястья были перерезаны настолько глубоко, что я не понимаю, как ей удалось не закричать. Я бы услышал, если бы она закричала. Но не было ни звука.

Слезы текут по лицу, я не могу сдержаться и прижимаю руку ко рту. Боль вспыхивает, когда кончики моих пальцев впиваются в щеки, но я чувствую только горе своего Господина, который поворачивается ко мне лицом.

— Я тоже хотел убить себя, рабыня. Хотел убежать от этой жизни и никогда не оглядываться назад на кошмар, который пережил. Так что, да, я понимаю твою боль. Чувствую ее каждую секунду, и она никогда не уйдет по-настоящему. Тебе будет больно каждый день, но она утихнет достаточно для того, чтобы стать терпимой. Поверь мне на слово. Ты будешь жить, и двигаться дальше, но твоя семья всегда будет частью твоей жизни. Я просто надеюсь, что сделал тебя достаточно сильной, чтобы ты увидела и поняла, что решение жить дальше без них — это нормально.

Рыдания вырываются на свободу, и я отбрасываю его правила, оборачивая свои руки вокруг шеи Севастьяна. Это успокаивающее объятие, словно брат утешает свою сестру, ничего иного. И я не хочу, чтобы он пытался заставить меня почувствовать себя лучше — я хочу быть тем, кто для разнообразия сделает это для него.

— Ты ни за что бы не убил меня, не так ли?

— Нет. Нет, даже если бы мне пришлось держать тебя здесь до конца твоих дней. Я не приемлю неудачу, несмотря ни на что. Не важно, согласны ли люди с моими методами или нет, но я делаю то, что должен сделать, чтобы породить страх сильнее, чем они уже испытывают. Твой... его было очень легко расшифровать с самого начала. Но чего я не ожидал, так это твоей силы духа. Я буду скучать по ней больше всего. Ты будешь в порядке. Я чувствую это всем сердцем. Если бы это было не так, мы бы сейчас не разговаривали.

Я поднимаю глаза и киваю.

— Это означает, что я скоро уеду? — у меня нет других вопросов. Горло обжигает каждое произнесенное слово, и я чувствую, как растет паника от возможных проблем, которые ждут меня впереди. Я знаю, что могу сделать это, но растущий страх перед неизвестностью по-прежнему терзает меня.

— Да, рабыня. Очень скоро. Пойдем, нужно сходить за покупками в магазин. Есть и другие вещи, которые я должен приобрести, пока мы будет там.

Мы встаем, и я позволяю ему вести меня вниз по лестнице. Когда он закрывает дверь позади себя, я по-прежнему задаюсь вопросом, что же там находится. Несомненно, что-то из его прошлого. Мое сердце все еще страдает от его боли. Но эта правда... кажется, все становится на свои места. В горе, которое погрузило меня в темноту, врывается свет. Пламя разгорается и мчится по моим венам словно пожар. Я люблю его. Возможно, он действительно монстр, но одной его частью руководят благие намерения, и я не могу это игнорировать.

— Какое печенье тебе нравится?

Я хмурюсь, глядя на него, и продолжаю идти к своей комнате. Вьетнамки (*прим. пер.: вьетнамки — резиновые шлепанцы, держащиеся на ноге за счёт перепонки между большим и указательными пальцами*) стоят у двери. Я обуваюсь, и присоединяюсь к Господину, чтобы спуститься по лестнице.

— Мне нравятся все виды. Хочешь купить какое-то определенное?

Он улыбается.

— Обязательно. Овсяное с изюмом. Оно мое любимое. Мое запретное наслаждение, если так можно выразиться.

— А это твое единственное запретное наслаждение?

Выражение его лица меняется от счастливого до совершенно греховного.

— Ты скажи мне это, рабыня. Я думаю, что если кто-то и может знать об этом, то это должна быть ты.

— Хм... — я не могу остановить свою растущую улыбку. Смотрю перед собой, пока мы идем к входной двери. — Я могла бы придумать несколько вариантов по дороге.

С твоим членом внутри меня. Но я не произношу этого вслух, а настроение, распространяющееся в воздухе, передается моему Господину, которого я так и не смогла разгадать. В тот момент, когда мы садимся в его дорогой седан, я могу ощутить, как он меняется. А это не хорошо. Он снова закрывается от меня, и такой Севастьян мне не нравится. Расстояние между нами увеличивается, но я постараюсь обратить на себя его внимание, независимо от того, каким оно будет.

Багажник открывается, и я наблюдаю, как из магазина выходят мужчины и заполняют его бумажными пакетами. Когда там больше нет места, они начинают размещать остальные на заднем сиденье. Молчание затягивается.

— Мне нужно зайти внутрь, чтобы кое-что взять. Ты забрал мой кошелек, он все еще у тебя?

Взгляд, который он мне посылает, заставляет меня вздохнуть.

— Если у тебя его нет, то мне нужны деньги. Я не могу просто войти туда и получить все бесплатно.

— Ну, ты не пойдешь туда одна. Ладно, — он вздыхает, говоря мужчинам, что скоро

вернется, и захлопывает дверь, когда они заканчивают. Небольшой продуктовый магазин почти безлюден и настолько мал, что я без труда нахожу ряд с товаром, который мне нужен. Жар ползет вверх по моим щекам, но я не останавливаюсь. Хватаю первую попавшуюся пачку презервативов и протягиваю их ему. Господин округляет глаза, когда его взгляд перемещается от упаковки ко мне и обратно.

— Для чего это?

— Для тебя, — выдыхаю я. — Я хочу быть надежно защищена.

Он кладет их обратно.

— Я сказал тебе, что *это* надежно. Я не буду... — его челюсти сжимаются. — Ты в безопасности, черт возьми. Неважно, мы покончили с этим.

— Вранье, — взрываюсь я. — Ты мне задолжал, — я понижаю голос, пытаюсь успокоить свой нрав. — Ты обещал, что займешься со мной любовью, и я не позволю тебе включить заднюю. Не после всего, через что мы прошли. Я хочу тебя, и тебе придется мне это дать.

Рука Господина обхватывает мое горло прежде, чем я успеваю сдвинуться. Его взгляд сканирует пространство и возвращается ко мне.

— Ты не знаешь, о чем просишь. Если я говорю "нет" — это серьезно. Кроме того, тебе будет лучше без этого. Пришло время двигаться дальше.

Я давлюсь плотком воздуха, который наполняет мои легкие. Слезы застилают глаза, но из-за страха я их игнорирую.

— Не могу поверить, что ты меня обманул. Я так разочарована в тебе, — не нужно быть гением, чтобы заметить, какое влияние на него оказывают мои слова, но я не дожидаясь его ответа. Я разворачиваюсь, направляясь обратно к машине. Господин оказывается сбоку от меня через несколько шагов и сжимает мою руку.

— Еще одна такая выходка, и я закину тебя на плечо и надеру задницу прямо здесь, в этом магазине. Если ты мне не веришь, то скажи что-нибудь.

Ох, я ему верю. Я зла и раздавлена его отказом, но не глупа, чтобы проверять сдержит ли он свое слово.

— Мистер Тайлер! — Господин заставляет меня остановиться, а на его лице расцветает улыбка при виде пожилой женщины, идущей к нам. — Севастьян Тайлер, а я думала, ты ли это. Как хорошо видеть тебя в городе. Ты собираешься навестить Генриетту, как обустроишься здесь?

— Вы знаете мои привычки, — смеется он. — Это именно то, что мы собираемся сделать. У миссис Клоусон наверняка есть мое любимое печенье. Вы же знаете, что я не смогу упустить такую возможность, пока нахожусь здесь.

— Овсяное печенье с изюмом. Все верно. Она говорит мне о твоём пристрастии к сладкому каждый раз, когда я ее навещаю.

Хватка на моей руке ослабевает.

— Вы же меня знаете. Мне нужна моя доза. Кстати говоря, я уже опаздываю. Вы идете на пикник в компанию, которая устраивает вечеринку, посвященную болезни "Альцгеймера"? Я послал приглашение вам и Джорджу. Вы их получили?

Улыбка женщины становится до невозможного широкой.

— Мы получили и не пропустим одну из твоих чудесных благотворительных акций. У тебя такая добрая душа.

Я саркастически смеюсь себе под нос, не в силах сдержаться. К счастью, Господин смеется одновременно со мной.

— Отлично. Увидимся там в субботу.

Он отступает к двери, и мы разворачиваемся. Быстро шагая, Севастьян ведет меня к машине, из-за этого я вынуждена практически бежать, пытаюсь его догнать. Он открывает дверь, и я храбро смотрю на него.

— Залезай, — вымученно произносит он.

И я неохотно выполняю его приказ. Скатываюсь вниз, когда он хлопает дверью и обходит вокруг. Автомобиль все еще заведен. Возможно, я могла бы заблокировать дверь и пересадить свою задницу. Такое искушение, но я остаюсь на месте, точно зная, что он сделает со мной за это. Вероятно, я уехала бы раньше, чем он сообразил, что происходит.

— Я не могу поверить в то, что только что увидел там, — он захлопывает водительскую дверь, а я скрещиваю руки на груди и смотрю вперед. — Никакого удовольствия сегодня. У тебя огромные неприятности.

— Из-за отсутствия энтузиазма, ты собираешься нарушить свое собственное слово?

Он хватается меня рукой за подбородок, поворачивая к себе лицом.

— Страсть и глупость — это две совершенно разные вещи. Страсть заставляет делать все основательно и убедительно. Не устраивай истерик, как ребенок, который не может что-то получить.

— Возможно, мне следовало просто попросить тебя снова избить меня и оттрахать. Чтобы хоть как-то привлечь твое внимание.

Сжимая мои волосы в кулак, он дергает меня вперед.

— Ты настолько испорчена, что хочешь мой член, рабыня? Хм-м? — ладонью он шлепает меня по щеке несколько раз. — Здесь. Я готов тебе это дать, — раздается звук его расстегивающегося ремня, и я качаю головой, несмотря на то, что кожа головы охвачена огнем.

— Нет? Ты, бл*дь, точно знаешь, как это на меня действует. Я думаю, что ты врешь. Ты хочешь меня. Иди сюда, детка.

Спинка откидывается назад, когда он нажимает на кнопку, и я всматриваюсь в темноту тонированного стекла. Мы могли бы делать что угодно, если бы захотели, и этого никто бы не увидел, но не в этом дело. Оттолкнув, он причинил мне боль, и помимо всего прочего чертовы презервативы остались на полке в магазине.

— Сюда, — он грубо усаживает меня на свою талию, одновременно дергая вверх мое платье. Я охвачена острыми ощущениями и хочу оттолкнуть его, но не могу. Не хочу ничего больше, чем почувствовать его глубоко внутри. Это заставляет меня отвлечься от всего, кроме ожидания, когда же он это сделает.

— Остановись, мы не можем, — я упираюсь в плечи Господина, не в состоянии сдвинуть его из-за силы, которой он обладает.

— Чушь. Мы можем, и мы будем. Ты не думаешь, что я хочу тебя, рабыня? Да поможет мне Бог, я бл*дь, сделаю это. Я так сильно тебя хочу, что это сводит меня с ума. И я знаю, что ты тоже меня хочешь. Скажи это. Скажи мне прямо сейчас, я хочу услышать, как ты это говоришь.

Мои губы раскрываются, а он свободно вытаскивает свой член и приподнимает меня выше, щелкая головкой по моей киске.

— Я должен был запретить тебе носить эту проклятую вещицу, — он тянет ткань трусиков до тех пор, пока одна сторона не рвется под напором его силы. Другую часть он срыгает еще резче, оставляя меня абсолютно незащищенной. — Так, — он бросает их на

коврик с пассажирской стороны. — Теперь, скажите мне, — он снова хлопает своей длинной по моей киске. Влажный звук сопровождает удовольствие от контакта, и я стону, начиная тереться об него, как отчаявшаяся наркоманка в поисках очередной дозы.

— Рабыня, — рычит он. — Скажи фразу или тебе придется заплатить за это, когда мы вернемся домой, — он еще сильнее потирается и дразнит меня. Требуется несколько секунд, чтобы заставить мой мозг вспомнить его приказ, и что именно я должна сказать. Чего я жажду больше всего на свете.

— Я хочу тебя, — выдыхаю я. — Я хочу.

Крик вырывается из моего горла, когда он погружается глубоко внутрь. Я едва успеваю сделать вдох, как он сжимает бедра и вцепляется в мои плечи, пытаюсь удержать себя погруженным в меня до самого основания.

— Это то, что ты хочешь?

— Презерватив, — задыхаюсь я.

— Бессмысленно. Я говорю правду. Тебе нечего бояться. Больше никаких беспокойств. Подчиняйся хозяину, как ты и должна. Это то, в чем ты нуждаешься? Отвечай.

Чутье подсказывает мне, что он прав. Я верю ему. И знаю, что действительно могу остановить его, если захочу. Но я не хочу.

— Да. Ты же знаешь, что да.

Пальцами одной руки он крепко сжимает мое лицо, а другой хватается за зад, заставляя меня скользить вверх и вниз по своей эрекции.

— Да, кто? — его пальцы еще сильнее вписываются в мою кожу. Салон машины наполняется звуками моих стонов, и я хватаю его за пиджак, позволяя боли пронзить мое тело.

— Господин.

— Да, верно. Я все еще владею тобой. Ты еще не уехала.

Владение. Такое сильное слово. Мне нравится слышать его из уст Господина.

— Поцелуй меня, иначе я заставлю тебя закричать, — руками он обхватывает мои бедра, а я без промедления прижимаюсь к его губам. Прохладная кожа сиденья скользит под моими ладонями, и я хватаюсь за него, пока Севастьян приподнимает меня и начинает врезаться раз за разом. Вкус кофе и чего-то сладкого опьяняет меня, я упиваюсь им, дразню и посасываю его язык. Покусываю его нижнюю губу, отчего он рычит мне в рот.

— Ох... бл*дь, — задыхаясь, я отрываюсь от его губ, и чувствую, как начинаю сжиматься вокруг него.

— Именно так. Кончи на моем члене, детка. Я чувствую, как ты близко, — его толчки замедляются, пока он не устанавливает мучительно медленную скорость, с которой занимается любовью. Я вынуждена сидеть, подол моего платья задран, а лиф спущен с плеч. Мужчина втягивает в рот мой сосок, и я сопротивляюсь наступающему оргазму, которой угрожает поглотить меня. Выгибаясь, врезаюсь спиной в руль, забывая, что мы находимся не дома.

Рычание срывается с губ Господина, и я теряю равновесие, когда внезапно оказываюсь закинута на заднее сиденье. Подо мной хрустят пакеты, но у меня нет времени на раздумья, куда же их убрать. Севастьян хватает меня за ногу, закидывая прямо на покупки, и я едва не раздавливаю их все. Господину удастся поместить свое большое тело в задней части салона, и я тянусь к нему.

— Упрямая женщина. Боже, ты действительно испытываешь меня. Прямо сейчас мы не

должны этим заниматься, — подчеркивает мужчина. Он впирается пальцами в мои ноги и разводит их в стороны. Я вскрикиваю, когда Господин шлепает меня по внутренней поверхности бедра.

— Трахай меня, Господин. Я тоже хочу тебя, — я тянусь к нему, наблюдая, как блестят его глаза.

Удар! Удар! Удар!

Жар от шлепков охватывает мой клитор.

— Черт, — выдыхаю я, вытягивая руки назад.

— Ты любишь боль, а я люблю дарить ее тебе. Я думаю, что просто накажу тебя сейчас, — мои ноги приподняты, и я сжимаюсь от осознания того, что должно произойти. Огонь распространяется по моей заднице, и я вцепляюсь в дверь, пытаюсь облегчить боль, которая усиливается с каждой секундой.

Удар!

— О чем ты только думала, капризничая в том магазине?

Удар!

— Зачем начала соблазнять меня, когда я пытался держаться подальше?

Удар!

— В этот раз, твои рот и тело принесли гораздо больше неприятностей, чем ты рассчитывала. Ты все сделала так хорошо, рабыня.

Следуют еще два удара, и рыдания вырываются из моего горла. Все, что я хочу — это он. И это убивает меня так же, как и то, что я уже принадлежу ему.

— Ты же не собираешься больше капризничать, не так ли?

Я качаю головой, когда он разворачивает меня лицом к себе.

— Нет, Господин.

— И согласишься сегодня уйти, правда же?

Мое сознание почти отключается.

— Что?

Он вздыхает и откидывается на спинку, еще сильнее сминая пакеты.

— Ты должна уйти, Диана. Я хочу, чтобы на некоторое время ты осталась с Джейми.

Я до сих пор не понимаю, о чем он говорит. Опускаю вниз подол платья и натягиваю лиф вверх, пытаюсь тем самым прикрыться.

— Но почему? Потому что я плохо себя вела? Я уже сказала, что этого больше не повторится, — мой мозг так затрахан, что я ничего не понимаю.

— Нет, рабыня, — неподдельное беспокойство в его голосе заставляет меня ему верить. — Ты и я... Я никогда так не сближался со своими рабами. Но ты, ты — другая. Мы так с тобой похожи. Наша боль. Я никогда не хотел спасти кого-либо сильнее, чем старался сделать это с тобой. Теперь, когда тебе намного лучше, мы должны положить конец тому, что происходит между нами. Это с самого начала было ошибкой.

Все, что я могу делать, это моргать как дура в состоянии полного шока. Никаких эмоций. По крайней мере тех, что я могу понять. Я знаю, что это займет некоторое время. Я или взорвусь в сложной ситуации, или промолчу, но результат будет еще хуже. Такое со мной уже происходило, и я осознаю, что будет дальше, когда перебираюсь на переднее сиденье.

Я так и не нашла слов. Ни в тот момент, когда он присоединился ко мне в машине, ни тогда, когда мы вернулись домой.

Господин продолжает наблюдать, изучая каждое мое движение. Я понимаю его. Знаю, он боится, что от его новости я могу поддаться плохому настрою. И может быть, в некотором смысле, он прав. Я помогаю нести сумки, но чувствую лишь шок и истощение. Боль погружает свои клыки глубоко в мое сердце. Думала, что меня вернули к жизни, но пламя угасало. Смерть не манит меня, но я разрушена. Мне хочется причинить ему боль так же, как он только что сделал со мной. И какой бы заманчивой не казалась эта идея, я знаю, что мне это не поможет. Он прав. Пришло время уйти.

— Рабыня, — я поворачиваю голову, продолжая вынимать из пакета коробки с макаронами, и расставлять их на полки в кладовой.

— Я думала, что мы это уже прошли, — в моем тоне нет никакого сопротивления. Я отвечаю просто... монотонно. Как чертов робот, ждущий от него очередного предательства, чтобы умереть или переключить меня из режима зомби в весьма раздосадованную женщину. Это еще произойдет, просто... не сейчас.

— Диана. Я знаю, сейчас ты расстроена, и я искренне сожалею об этом. Если бы я мог найти другой способ... — он качает головой. — Наверное, мог бы, но я захотел тебя задолго до того, как встретил. Это была корысть. Похоть. У меня были планы оставить тебя, но... это не сработает. Не с такими, как мы.

Я делаю шаг вперед, чувствуя, как сужаются мои глаза. Теперь я в гневе.

— Как мы? Это как, *Севастьян*? Пожалуйста, просвети меня, потому что я чертовски, бл*дь, запуталась!

Глубоко выдыхая, он расправляет плечи.

— Мы так похожи друг на друга. Я не могу быть с тобой и продолжать помогать другим. Я буду отвлечен и потеряю концентрацию. Кто-то может умереть из-за этого. Мне жаль, но я не могу рисковать. Я не хочу быть ответственным за подобное снова.

Я моргаю. Один раз. Два. А затем возвращаюсь к пакетам. У него свои причины, но все равно это адски больно — знать, что он выбрал не меня; хотя в действительности мы ничего не знаем друг о друге, кроме того, что он — Господин, а я — рабыня.

— Вероятно, Джейми уже на пути сюда. Я позвонил утром, чтобы пригласить его на ужин. Хотел, чтобы вы двое сблизились еще больше, таким образом, ты сможешь уехать с ним в конце недели.

Я забрасываю консервы на полку.

— Нет проблем. Я не буду с ним драться. Буду уступчивой маленькой рабыней, пока не окажемся в Портленде. Потом я пойду домой. Подальше от тебя, его, и всего дерьма, которое идет с вами в комплекте.

Господин отступает назад, оставляя меня одну в маленькой комнате. Черт, мои глаза жжет от непролитых слез, и я не хочу ничего больше, чем отправиться в свою комнату и сломаться. Но я не стану, если хочу помочь себе. Севастьян — ничто, лишь воспоминание, которое мне нужно оставить позади, как пролог для новой Дианы. Я побывала в аду и вернулась обратно, пережив достаточно, чтобы начать первую главу своей *новой* жизни. Первое, что я сделаю, получив свободу — стану лучше.

С беспокойством я наблюдаю за Дианой, словно хищник. Мы обедаем в тишине: я на одном конце стола, она на другом. Девушка даже не смотрит на меня. Едва ли нужно что-то говорить. Ее стабильность полетела к черту благодаря мне. Я ненавижу себя за то, что произошло ранее, когда мы были с ней в машине. Я остановил ее единственным способом, который знаю — рассказав о своих планах, и тем самым убив ее желание ко мне. Гребаная правда и выражение ее лица будут преследовать меня в долбанных снах. Я действительно не хочу ее отпускать. Если бы я не чувствовал, что на мне лежит ответственность за помощь другим людям, то с радостью сделал бы ее своей. Бл*дь, я хочу ее настолько сильно, что она начинает на меня плохо влиять. Но, если мой план сработает...

— Вы двое такая мрачная парочка.

Краем уха я слышу звук сигнализации, но смотрю на Джейми, и мое сердце начинает болеть еще сильнее. Диана по-прежнему молчит, глядя вниз и ковыряя вилкой курицу гриль.

— Ладно, — выдавливают он, потом выдвигает стул и садится между нами. — Хотите вы или нет, но вам придется рассказать мне, что, черт возьми, происходит? Я начинаю чувствовать себя здесь немного неуютно.

Я делаю один глоток, переключая все внимание на него.

— Диане пора уезжать. Она вернется в Портленд с тобой.

— Так скоро? — удивление в его голосе заставляет меня перевести взгляд с него на нее.

— Пора.

Его единственным ответом становится кивок, и он поворачивается в ее сторону.

— Я буду рад принять тебя в своем доме. У тебя нет причин бояться.

Она поднимает голову от тарелки, и вся злость исчезает, когда она смотрит на нашего гостя.

— Я возвращаюсь домой, Джейми. За мной больше не нужно присматривать, — когда ее внимание возвращается к еде, Джейми выгибает бровь и снова смотрит на меня. Я отрицательно качаю головой, как бы говоря ему, что не хочу отпускать ее домой.

— Мне кажется, что это звучит как план. Я заберу тебя, когда ты будешь готова.

— Сейчас подходящее время, — она поднимается со стула, и даже не глядя на меня, покидает комнату. Когда звук ее шагов стихает, я снова обращаю внимание на Джейми.

— Ты установил на месте те замки?

— Разумеется. Как долго ты хочешь, чтобы я удерживал ее?

Я с трудом сглатываю, мне совсем не по душе это решение. Должен ли я доверить ее Джейми? Должен ли я доверять ее ему?

— Продержи ее две недели. Не впадай в крайности, как я, но если будет необходимо, сделай то что нужно. Ни при каких обстоятельствах она не должна с тобой спать. Ни разу. Ты понял?

Он улыбается, а я крепче сжимаю вилку.

— Четко и ясно. Не волнуйся, Господин. Я о ней позабочусь.

— Правильно, — ворчу я. — Держи руки при себе. Не трогай ее в сексуальном плане

или помоги мне иначе; возможно, я и спас твою жизнь однажды, но я могу забрать ее столь же быстро.

— Иисус, — произносит он, разглядывая меня с опаской. — Ты любишь ее. Я понял.

Я стискиваю зубы и снова хватаю стакан, отказываясь продолжать разговор.

— Я никогда не думал, что доживу до этого дня, Господин. Почему, в таком случае, ты позволяешь ей уйти?

Я раздраженно смотрю на него.

— Разве не понятно? Я не могу оставить ее и продолжать помогать другим людям. Она... сделает это невозможным. В этом вся проблема.

— Так почему бы не остановиться? Ты уже стольким помог, возможно, это сигнал, что пора завязывать.

— Я делаю не то, от чего можно убежать, Джейми. Люди постоянно оказываются у моей двери. Предполагается, что я просто прогоню их? Я так не думаю. Их кровь будет на моих руках, и я отказываюсь добавлять ее к той, что уже имеется.

Я встаю и хватаю свои ключи. Может быть сейчас и время ланча, но никогда не бывает слишком рано для скотча. И он, безусловно, мне необходим.

— Господин, я должен спросить это. Учитывая обстоятельства, я думаю, что имею право знать, — Джейми прислоняется к бару, когда я протягиваю руку и хватаю бутылку. — Получается, вы были вместе... я имею в виду, что теперь с ней будет? Чувствует ли она к тебе тоже, что ты чувствуешь к ней? Есть ли между вами двумя что-то большее, чем физическая близость?

Я наливаю стакан почти до краев, выпивая все одним глотком.

— Да — всему, кроме той части о чувствах. На этот вопрос я не могу ответить. Все, что я знаю — это уступчивая рабыня, которая хочет продолжить то, что между нами происходит. Любовь ли это или потребность в комфорте после долгого его отсутствия, я не знаю. Просто... — я вцепляюсь в стойку бара, словно гребаными клещами. Мне так нужны были эти чувства в последнее время. Диана оставляет меня тонуть в море безнадежности. Черт, кто я теперь? Она изменила меня. Или, по крайней мере, привязала меня к себе. В голове бардак, но все упирается в мою к ней зависимость. Бл*дь, я не могу насытиться ее телом или образами, которым я позволяю заполнить мои мрачные фантазии. Или... мечтами о будущем, которого как я думал, у меня не может быть.

— Позаботься о ней, — произношу суетливо. — Так... словно она твоя сестра. Никак иначе. Сестра, — подчеркиваю я.

— У меня нет сестры. Как на счет близкого друга?

Я киваю, снова наливая полный бокал.

— Друг подойдет. Но будь настойчив. Контролируй ее. Не позволяй ей достать что-то острое в первые две недели. Или, по крайней мере, пока ты не поймешь, что она в порядке. После этого она сможет уехать, если захочет. Но я хочу знать все: где она живет, что делает, даже то, кем работает. Я хочу каждую деталь. Ее нужно постоянно проверять. Я буду следить через Рейчел.

— Эй, — рука Джейми опускается на мое плечо. — Притормози. Я разберусь с этим. Я знаю, что делаю. То же самое происходит с каждым рабом. Я буду проводить с ней как можно больше времени. Тебе не о чем беспокоиться. Диана будет в безопасности. Вот увидишь.

Я дрожу, даже когда отпиваю из стакана. Собственническая часть меня готова взлететь

по этим ступенькам и удержать ее силой. Сказать ей, что я был полным идиотом, и умолять, чтобы она никогда меня не покидала. Почему бы мне не сделать это? Потому что я не могу. Нет, если со мной не случится какое-нибудь чудо.

От звука приближающихся шагов я сжимаю стакан еще сильнее. Жду, что он треснет и зальет руку скотчем. Возможно, даже поранит меня. Да... она стоит того, чтобы пролить за нее кровь. Я сделал это однажды в порыве нашей страсти. Если бы это ослабило ту боль, которую она испытала от моей руки, я бы позволил ей сделать это снова. Так, как она захочет.

— Я готова, — она держит в руках сумку, с которой приехала сюда. Я вздыхаю и подхожу ближе вместе с Джейми к парадной двери. Я не могу остановить дрожь от адреналина. Дерьмо, неужели я действительно сделаю это? Позволю ей, бл*дь, уйти, когда прекрасно знаю, что она моя. Как и то, что находится у нее под платьем. Диана принадлежит мне.

Джейми отключает сигнализацию и открывает дверь, обнимая ее рукой за плечи, тем самым принуждая двигаться к выходу. Она останавливается, и я выхожу вперед, когда она оборачивается, чтобы пригвоздить меня разъяренным сверкающим взглядом.

— Спасибо за все хорошее, что ты сделал, и пошел ты, за дерьмо, которое не должен был делать, но сделал. Я не забуду тебя. Ты убедишься в этом, — она протягивает руку, чтобы придержать дверь, но не отворачивается от меня. Боль, ножом проворачивается в моей груди.

— Мне очень жаль... Диана, — черт, я не хочу называть ее своей рабыней. — Я надеюсь, что у тебя будет удивительная жизнь, и ты будешь счастлива. Ты это заслужила.

— А что на счет тебя?

Я опускаю голову, ее разбивающий сердце вопрос звучит слишком сложно, чтобы принять его. Ее потребностью быть со мной пропитан каждый слог. А так же выражение ее лица и тон.

— Не беспокойся о том, что будет со мной.

— Я имею полное право волноваться! — взрывается она. — Меня бы даже не было здесь прямо сейчас, если бы не ты. И все же я здесь. Не смей игнорировать мои вопросы, как будто они не имеют значения.

— Они действительно имеют значение. Но я спас твою *жизнь*, не для того, чтобы ты разделила ее со мной, а чтобы ты получила еще один шанс найти то, ради чего стоит жить. Ты найдешь это.

Саркастический смех заполняет пространство между нами, и она качает головой.

— Возможно. Но давай посмотрим правде в глаза, *Господин*. Когда у тебя никого не останется, потому что ты прогнал всех, кто спасет тебя?

Молча, я смотрю на нее, пытаюсь представить себе остаток своих дней здесь, в одиночестве, помогая рабам и молясь на их успехи. Что случится, когда я буду слишком стар, чтобы помогать им и дальше? Тогда я навсегда останусь один. Пока не умру в этом доме, жалея себя и размышляя, как бы могла сложиться моя жизнь.

— Я так и думала, — восклицает она. — Ты борешься за чужие жизни, но даже не пытаешься побороться за свою собственную. Хочешь узнать, какая самая худшая часть из того, что я уезжаю от тебя, Господин? — ее глаза наполняются слезами. — Это знать, что у такого сильного мужчины, как ты, даже не хватило смелости попытаться остановить меня. Чтобы *побороться* за то, чего ты хочешь.

Стекло разбивается, когда я швыряю стакан об пол.

— Ты хочешь, чтобы я боролся, рабыня? Это то, в чем ты нуждаешься? — я шагаю вперед в полной готовности показать ей лучший бой в ее жизни. Чтобы поцеловать ее и вернуть назад в подчинение, заставляя забыть все дерьмо имеющееся в прошлом.

— Не делай этого, — Джейми прячет ее за спину, подталкивая спуститься вниз по ступенькам и пойти в сторону машины. Ей не нужно было говорить мне, что делать. Бросая прощальный разочарованный взгляд, Диана смотрит мне в глаза и садится в автомобиль с пассажирской стороны.

А я останавливаюсь у входной двери, словно заключенный на пороге камеры, наблюдая, как они уходят и понимая, что сейчас она направляется в очередное секретное место, где ей не хочется быть.

Диана теперь с Джейми, а я должен научиться принимать это. Ради нас обоих.

Смерть. Ни разу я не думала о ней с тех пор, как покинула дом Севастьяна. Представление о том, кем я стану, является именно тем вопросом, ответ на который я молюсь получить *каждый* день. Даже сейчас, когда смотрю на размытое, искаженное изображение моего нового Господина, я не могу остановить свой разум от погружения в определенную форму удовольствия от очередного варианта подчинения.

Вода надо мной покрывается рябью, пока я пытаюсь уцепиться за его руки. Перед глазами начинают расплываться черные точки, заставляя меня яростно извиваться всем телом, упираясь ногами в края ванны в попытках обрести устойчивость.

— Ты думаешь это шутка?

Я хватаю воздух ртом, давлюсь и кашляю от воды, попадающей мне в рот.

— Отвечай. Для тебя это действительно гребаная шутка?

Я качаю головой и прежде чем осознаю, что происходит, меня погружают обратно. Огонь в легких заставляет меня почувствовать, как они взрываются от нехватки кислорода, а мои конечности становятся все слабее с каждой минутой.

Громкий вдох эхом отдается в моих ушах, но я с трудом понимаю, что он принадлежит мне — это я пытаюсь дышать.

— Севастьян был прав. Ты — самая упрямая и тупоголовая женщина, которую я когда-либо встречал. Теперь ответь на мой вопрос и сделай это правильно, иначе я засуну тебя обратно.

Я моргаю, заставляя себя вернуться к его вопросу.

— Нет, Господин, я не думаю, что это шутка.

Я борюсь с Джейми с каждой унцией силы, которую имею. Он не тот человек, которого как я думала, знаю. Внутри него что-то настолько зловещее, что я даже не уверена, знает ли об этом Господин. Он наслаждается моей борьбой. Джейми любит мое сопротивление так же, как я люблю его оказывать. Мне пришлось подчиниться его воле, иначе он бы все равно меня заставил это сделать.

— Убирайся! — он хватается меня за руку и бросает себе под ноги. Вода разливается и стекает по моим бедрам. Пижаменные шорты прилипают к телу, демонстрируя мои ноги покрытые синяками. — В следующий раз, когда я скажу тебе встать с постели, ты сделаешь это. Немедленно. Теперь, раздевайся, а я принесу тебе сухую одежду. Ты знаешь, где лежат полотенца.

Утопить. Вот что он пытался сделать со мной, когда я отказалась встать с постели. Я здесь чуть больше недели, а он уже выбрал себе тактику, даже более жестокую, чем была у Севастьяна. Он удерживал меня под водой до тех пор, пока я действительно не поверила, что наглоталась достаточно, чтобы захлебнуться. Джейми недалеко ушел от инцидента с удушьем Господина, но здесь было что-то страшнее, словно он мог завершить начатое. Это заставляет меня беспокоиться за собственную жизнь. Я не знаю Джейми. Не настоящего. И мне становится интересно, есть ли хоть кто-то, кто его знает.

Я избавляюсь от одежды так быстро, как только могу. Полотенца лежат на стойке в

дальнем углу комнаты, и я пытаюсь прекратить стучать зубами, когда протягиваю руку, чтобы схватить одно из них. В тот момент, когда моя рука достигает мягкой ткани, дверь ванной открывается.

— Просто, чтобы ты знала...

Джейми не шевелит ни одним мускулом, когда вливается в меня взглядом. Его глаза замирают на том единственном месте, где я не хочу, чтобы он меня разглядывал. Дергаю полотенце, прикрывая им свое тело спереди.

— Нет, нет, нет, — говорит он, бросаясь вперед. — Что, черт возьми, у тебя на животе?

— Ничего, выметайся! — я изо всех сил стараюсь прикрыться, но это не срабатывает. Он вырывает полотенце у меня из рук.

— Ох... дерьмо! — Джейми опускается на колени, оказываясь глазами на одном уровне с именем "Господин". Я вздрагиваю, когда его палец скользит между буквами "с" и "п". — Он сделал это с тобой насильно, или ты согласилась сама?

Я отстраняюсь, но Джейми сжимает мои бедра, не позволяя мне отодвинуться.

— Это было с моего согласия. Он также отмечен моим именем на животе. Теперь я могу прикрыться?

— Здесь тоже, — выдыхает он, поднимая взгляд на букву "м", вырезанную на моем плече.

— Эта *не* по обоюдному согласию. Сейчас, пожалуйста.

Он поднимает полотенце, и я заворачиваюсь в него. Сколько раз я уже провела пальцами по имени моего Господина? Я скучаю по нему так сильно, что даже думать не могу ни о чем другом.

— Это потрясающе. Действительно, красиво.

Нахмуривая брови и опускаясь на колени, я смотрю в пол, ожидая его дальнейших действий. Тем самым заканчивая разговор о Севастьяне. Не могу говорить о нем, а тем более слышать его имя. Непосильная задача, поскольку Джейми постоянно говорит с ним по телефону.

— Пожалуйста, могу я теперь пойти в свою комнату и одеться, Господин? — титул выходит сквозь стиснутые зубы. Называть его этим именем, с которым связано столько эмоций, практически невозможно. Это заняло у меня почти пять дней, прежде чем он заставил меня повторить его. Может быть, я плохая ученица, но наконец-то пришло понимание того, что я никогда не освобожусь от этих людей, пока не выполню все их приказы. Чем раньше я буду свободна, тем лучше.

— Да, можешь. В любом случае мне нужно сделать несколько телефонных звонков. В следующий раз, когда я тебе что-то скажу, выполняй это с первого раза.

Прежде чем я успеваю ответить, он разворачивается и уходит. Я стою, прижимаясь к стене коридора, и пытаюсь понять, куда он идет. Звук его шлепающих по мрамору босых стоп подсказывает мне, что он снова оказывается в гостиной. Мраморное покрытие лежит на полу всего пентхауса, за исключением спальни и кухни, в которую он никогда не заходит.

— Господин.

Я замираю на месте, прислушиваясь и желая, чтобы Господин действительно был здесь, а не только на связи по телефону. Это противоречит тому, чего желает мой разум. Злость на него все еще велика, но я не могу усмирить страстное желание увидеть его снова.

— Она в порядке, — он замолкает. — Нет... она приходит в себя, — проходит несколько секунд, прежде чем он вздыхает. — Около двух недель. Может быть, три. Я не

могу пока сказать, — размеренные шаги. — Нет, мы договаривались, что она должна будет остаться на две, но она сопротивлялась почти каждый день на этой неделе. Я только недавно заставил ее повиноваться.

Медленно, я подхожу ближе, ориентируясь на голос.

— Ты хочешь знать как?

Я чуть не начинаю смеяться. Вероятно, Господин получит от этого удовольствие, ведь эти двое так похожи. Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

— Я отхлестал ее кнутом. Отшлепал ее. А сегодня утром она отказалась вставать с постели, поэтому я держал ее под водой, пока не изложил свою точку зрения. Это сработало. Собственно, по этой причине я тебе и звоню.

Становится тихо, и хотя я не разбираю слов, которые говорит Господин, от его глубокого тембра мои глаза закрываются. Боже, я с такой страстью люблю и ненавижу этого человека.

— Я видел, что ты с ней сделал. Каттинг (*прим. пер.: каттинг — ирамирование кожи и удаление ее участков, как добровольное, так и насильственное*). Это правда? Первый на животе, был по взаимному согласию?

Почему это его заботит? Я подхожу ближе.

— М–м–хм–м. А второй у нее на плече, нет? Она сказала так. Ладно, я просто хотел проверить ее слова, — шаги, кажется, звучат рядом, поэтому я отскакиваю назад на несколько футов. — И ты расхаживаешь с ее именем на своем животе, не так ли? — пауза. — Иисус–наставник. О чем, черт возьми, ты думал? Что просто покромсаешь ее, а затем отпустишь?

Независимо от того, что говорит Севастьян, это заставляет его голос понизиться. Я узнаю его сердитый тон, могу чувствовать, как он проходит вибрацией по телу и пробирает до костей. Это должно пугать, но посылает сквозь меня лишь острые ощущения. Его воздействие. Власть, которую он излучал в порыве злости, когда мы были вместе, вызывала появление влаги у меня между ног.

— Все в порядке. Мы можем поужинать вместе завтра? Мне очень нужно поговорить с тобой кое о чем. Я бы предпочел сделать это с глазу на глаз.

Сердце бьется в груди все сильнее, оглушая мои внутренности и меня, пока я боюсь услышать слова, которые он произнесет.

— Ты не можешь продолжать отталкивать ее. Чем быстрее вы оба столкнетесь лицом к лицу, тем будет лучше. Не только для тебя, но и для нее. Подумай о Диане. Ей нужно вернуться к своей жизни. Ты думаешь, она сможет сделать это, если ее сердце будет разбито? Сделайте это, Господин. Стань ее другом, если не можешь предложить ничего другого. Что бы ты ни сделал — исправь это.

Я проскальзываю обратно в свою комнату и запираюсь изнутри. Меня одолевает грусть, но я задвигаю ее подальше — это то, что я научилась делать на отлично. Когда я начинаю одеваться, то задаюсь вопросом, видит ли он меня. Вероятно, нет.

Рубашка скользит через голову, но я натягиваю ее ниже, чтобы расправить поверх джинсов. Пишущая машинка стоит на столе, и я подхожу, усаживаясь напротив. Раньше тратить свое время на писанину — казалось раем. Но я перестала это делать, когда погибли Кейли и Ронни. Если бы я не была так сосредоточена, то отправилась бы следом за ними. Мы бы были вместе. Писать сейчас — это просто еще один способ избежать вины за желание жить, но я заставляю себя это делать. Господин снова оживил меня, поэтому я не

могу прекратить свои тренировки. Мне приказано писать не менее пяти сотен слов в день. И я прекрасно справляюсь с этим заданием.

— Рабыня.

Я поворачиваюсь и опускаюсь на колени перед Джейми.

— Да, Господин?

Он останавливается.

— Сегодня вечером с нами будет ужинать Севастьян. Ты будешь вести себя идеально или я утоплю тебя прямо у него на глазах. Кивни, если поняла.

Мои руки дрожат, когда я прижимаю их к коленям, но подчиняюсь.

— Хорошо. Надень короткое, черное платье, висящее у тебя в шкафу. Без трусиков.

Я встречаюсь с ним глазами, но не задаю вопросов и не сопротивляюсь.

— Да, Господин, — тихо шепчу я, опуская голову. *Срань Господня*. Что Джейми собирается делать дальше? Я слишком напугана, чтобы попытаться узнать.

— Никакой писанины. Во-первых, завтрак. А потом мы изучим кое-какой материал. Ты же все еще хочешь быть медсестрой, верно?

Я нетерпеливо киваю.

— Да. Ты позволишь мне работать?

— Ты упоминала, что тебе необходимо пройти повторное лицензирование. Давай начнем этот процесс и посмотрим, что именно нужно сделать. Если твое поведение улучшится, то я позволю тебе начать возвращение к своей собственной жизни. Это займет несколько недель, и мы должны будем найти для тебя квартиру. Но пока нет стабильности и подчинения, ты останешься здесь и продолжишь жить по моим правилам. Договорились?

Я соглашаюсь. Даже не задумываясь о том, чтобы послушаться. Конечно, я могу попытаться получить свою свободу при первом удобном случае, но с меня хватит последствий и замкнутых кругов, где я начинаю все сначала. Теперь мне придется пройти долгий путь, и я это знаю. Но это к лучшему. Неважно, нравятся мне требования Джейми или Севастьяна, но их сила является чем-то, чем я наслаждаюсь и от чего завишу; даже если за свое непослушание мне приходится получить суровое наказание.

— Господин, могу я задать тебе вопрос?

Он прищуривается, склоняя голову на бок в слегка пренебрежительной манере.

— Ты можешь спросить, но это не значит, что я отвечу.

Пожалуйста, ответь.

— Почему никаких трусиков? Что ты запланировал для Севастьяна? И как независимо от твоих интриг что-то может измениться?

Джейми пожимает плечами.

— Возможно, ничего не изменится. А возможно изменится все. Я полагаю, что мы узнаем это завтра.

Логика велит мне сейчас же развернуться и уйти прежде, чем откроются двери лифта. У меня еще есть время передумать. Джейми будет не очень этому рад, но в данный момент меня это совершенно не волнует. Единственное, на чем я сосредоточен — облегчить наше расставание с Дианой. И встреча с ней явно этому не поможет. Бл*дь, без нее я умираю изнутри. Нет ни одной комнаты в моем доме, где бы она мне не мерещилась. Диана везде и... нигде. Это разрывает меня на части, разрушает человека, которым я был раньше. Ни одна моя частичка не осталась равнодушной к ее отъезду. И вот я здесь, вскрываю свои раны, заставляя их кровоточить еще больше.

Дзинь.

Я захожу в кабину лифта и поднимаюсь на этаж Джейми. Меня подташнивает, поэтому последнее, что я хочу делать — это есть. Я болен. Тут даже можно применить термин — большая любовь. Я хочу вернуть свою рабыню; желаю ощутить ее пышные формы в своих объятиях, когда пытаюсь уснуть. Да... она чертовски мне необходима. Я никогда не спал так хорошо как тогда, когда мог вдохнуть ее запах или почувствовать ее дыхание у себя на плече. Сейчас можно считать большой удачей, если мне удастся проспать два-три часа подряд. Выглядит так, словно я вернулся к своему старому графику.

Дзинь.

Бабочки порхают у меня в животе, а ноги наливаются тяжестью, когда я заставляю себя идти к двери Джейми. Дерьмо. Еще есть время развернуться назад, и избавить себя и ее от этих ужасных мучений. Я планировал всего лишь наблюдать за ней все то время, пока она выздоравливает. И мы еще ни разу до этого не виделись. Но все же я абсолютно точно помню ее слова.

— *Это знать, что у такого сильного мужчины, как ты, даже не хватило смелости попытаться остановить меня. Чтобы побороться за то, чего ты хочешь.*

Борьба. Я уверен, что мне адски хочется почувствовать ее борющееся тело под своим, делая с ее маленькой сладкой киской самые непристойные вещи, пока она будет умолять меня о большем. Даже от тех мыслей, что таятся в глубинах моего разума, мне становится мучительно тяжело. *Время.* Нужно поторопиться и перетянуть ее на свою сторону, иначе все будет испорчено.

— Господин.

Дверь открывается и Джейми приветствует меня взмахом руки. Я даже наполовину не приблизился к нему, и это подсказывает мне, что он наблюдал за мной. Долго.

— Заходи. Диана только что закончила готовить ужин.

Все, что я могу сделать — это кивнуть, заходя внутрь. Медленно обвожу взглядом кухню. Ее короткие волосы открывают длинную шею в тот момент, когда она смотрит вниз на печь. Вся верхняя часть спины выставлена напоказ из-под наряда, который как предполагается, является коротким черным платьем. Чертовски коротким платьем. Мне с трудом удастся сглотнуть, когда Джейми подходит к столу, перехватывая взгляды, которые я бросаю. Чем ближе мы подходим к барной стойке, тем больше становится видно не

прикрытые нарядом участки тела. Мой член такой твердый, что я едва могу идти прямо.

— Садись. Я принесу тебе выпить.

— Нет, — отмахиваюсь рукой. Я знаю, что мой голос звучит немного громче положенного. Диана оборачивается, и ее взгляд впивается в мой. Пелена перед глазами превращает цвета в однородное месиво. Кроме нас двоих больше не существует ничего. Словно в тот момент, когда мы смотрим друг на друга, время замирает.

— Ах.

Я едва слышу, как Джейми возвращается на кухню. Он проходит перед Дианой, которая моргает и отстраняется. Пот начинает струиться по моей коже, и я вдруг чувствую себя еще хуже. Диана связана со мной единственной вещью — правдой. Чем-то, что она даже не ассоциирует со мной, и это только все усложняет. Я всегда сражаюсь за то, чего действительно хочу. Всегда. И видя ее, мне хочется это доказать. Я ненавижу себя за то, что не смог оправдать ее надежды.

Ответственность. Мое счастье или чья-то жизнь. Это так сложно. Я не могу просто взять и уйти. Мужья, жены, дети, родители... они не должны терять своих близких из-за того, что я повернусь спиной ко всем, кто нуждается в моей помощи.

Осматриваю комнату. Бл*дь, мне нужно выпить, но нет ни одного гребаного шанса, что я останусь здесь на ночь. Не так близко от нее.

— Кстати, пахнет вкусно, — я пытаюсь держаться от нее на расстоянии. Будь вежлив. Пахнет действительно хорошо, независимо от того, хочу я есть или нет.

— Спасибо. Диана потратила на приготовление почти два часа. Правда же, рабыня?

Моя улыбка тает, и ревность лавиной разрушает каждый дюйм моего тела, когда я вижу, как он прижимается к ее спине и опускает голову. Вдыхая аромат ее кожи у шеи, он шепчет ей что-то на ушко. Близость. Это... интимная близость. Я приближаюсь, впиваясь в них взглядом, и опираюсь ладонями на стол. Меня настолько сильно охватывает ярость, что я не сразу понимаю, как близко нахожусь. Они теперь вместе, и он не сказал мне? Занимаются любовью так, как она хотела, чтобы это делал с ней я?

Тело Дианы остается напряженным, но я отталкиваю прочь эту мысль, нацеливаясь на Джейми. На человека, которого считал своим другом. Разве я не говорил ему, чтобы не было ничего интимного? Что я убью его? Он посчитал, что это шутка?

— Должно быть, теперь осталось недолго, — Джейми поворачивается ко мне, чуть приближаясь и наклоняя голову набок. — Ты не передумал насчет напитка?

Правильно. Я все еще тут.

— Да, вообще-то, я *передумал*.

— Отлично. Я принесу один для тебя.

Мне плевать, слышит ли Джейми мой гнев или нет. Контроль во второй раз ускользает у меня из рук. Я нахожусь между двух огней: сокрушить свой мир или забрать свою рабыню. Ни один из этих вариантов не имеет право на существование, если я хочу сделать все правильно.

Диана надевает прихватки и поворачивается в сторону раковины. Перед ней вздымается пар, но я не могу оторвать глаз из-за того, как шикарно она выглядит. Я уже видел ее с макияжем, и все же... сейчас она так красива. Я почти не узнаю женщину, которая воспользовалась помадой и карандашом для глаз.

Мой взгляд опускается ниже, останавливаясь на декольте, открывающее такой аппетитный вид на ее шею. Черт, я умру за нее. Мне не стоило приходить. Я хочу ее тело

больше, чем мне казалось. Даже больше, чем когда она впервые переступила порог моего дома; моя одержимость стала реальной.

— Иди сюда, — передо мной появляется стакан, но я не могу оторвать свой взгляд. — Знаешь, — говорит он, понижая голос, — у нее есть некоторые довольно полезные качества. Она — великолепный повар. И, — подчеркивает он, — на нее приятно смотреть, когда она это делает.

Я поворачиваю голову, ощущая, как ярость от его слов выходит на новый уровень.

— Что я, бл*дь, говорил тебе, когда ты увозил ее?

— В какой именно части разговора?

Я наклоняюсь ближе.

— Ты чертовски хорошо знаешь, о какой части речь. Какого черта здесь происходит?

Озадаченное выражение появляется на его лице.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду, Господин. Диана почти все время ведет себя хорошо. Я не уверен, нужен ли этот разговор.

— Эта... близость. Шепот. Ты пересек с ней границы? Ты ее трахаешь?

Джейми садится и откидывается на спинку стула.

— Давай спросим у нее, — и прежде чем я успеваю сказать ему "нет", он поворачивается к ней и рычит в ее сторону. — Рабыня.

По моей коже пробегают мурашки, когда я слышу, как он обращается к ней моим именем. Я назвал ее так. Он мог бы дать ей любое другое имя. Почему он использует то, которое дал ей я?

Голова Дианы опущена, когда она подходит и опускается на колени у его ног.

— Да, Господин?

Я хватаюсь за стол, используя каждую унцию своего контроля, чтобы не схватить ее и не впиться в губы поцелуем, доказывая, что она моя, а не его. Она моя. *Я* — Господин. *Ее* Господин.

Джейми наклоняется, поднимая ее лицо, чтобы заглянуть в него.

— Теперь, ты можешь сесть.

Она поднимается лишь для того, чтобы развернуться и залезть к нему на колени. Диана опять опускает голову, и короткие волосы закрывают ее лицо.

— Спроси ее о чем-нибудь, — говорит Джейми. — Она расскажет тебе все, что ты хочешь знать.

Ничего. Правильно.

— Я спросил *тебя*. Не ее.

— Я знаю тебя. Мне ты неверишь. Думаю, если и есть кто-то, кому ты веришь — так это она.

Я наклоняюсь вперед, сильнее поворачиваясь к ней лицом.

— Диана, — мой голос звучит мягко, когда я пытаюсь заставить ее взглянуть на меня. — Могу я задать тебе несколько вопросов?

— О чем?

Я бросаю взгляд на Джейми, но возвращаюсь к ней.

— Как ты здесь?

— Мне... хорошо. Настолько хорошо, насколько может быть, учитывая обстоятельства.

— А как тебе Джейми? Он хорошо к тебе относится?

Ничего. Я не могу понять, что происходит, пока она смотрит на гребаный пол.

— Он помогает мне.

Я сжимаю челюсти.

— Это не то, о чем я спрашиваю. Он хорошо к тебе относится? — я слышу, как мой голос становится все ниже, а Господин во мне пытается вынырнуть из глубин ада. Он требует схватить Диану за волосы на затылке и вынудить бороться со мной. Приказывает целовать и посасывать ее губы до тех пор, пока она не ответит.

— Он относится ко мне очень хорошо. Помогает мне пройти переаттестацию для патронажа и найти квартиру.

Это не значит, что он не насилует ее или всерьез не избивает за закрытыми дверями. Черт побери! Почему она не смотрит на меня?

— Рабыня, — я поджимаю губы, и ее взгляд встречается с моим. Гнев. Боль. Еще больше гнева. Мое дыхание перехватывает, когда я выдавливаю свои извинения. — Мне жаль. Я не хотел это говорить. Послушай, то, что ты больше не моя рабыня, не означает, что ты не можешь довериться мне. Если что-то не так или ты несчастна... — я замолкаю. Несу полную ху*ню. Будто собираюсь дать слово, которое не смогу сдержать.

Ее голова дрожит.

— И что тогда? Что ты можешь сделать с этим, Севастьян?

Тишина. Я не произношу ни слова и даже не могу из себя ничего выдавить.

— Я в порядке. Тебе не о чем беспокоиться.

Джейми сильнее прижимает ее к себе.

— Есть ли что-нибудь еще, что ты хотел бы узнать, прежде чем я отправлю ее обратно?

Я отрицательно качаю головой.

— Ты ответишь на все вопросы, которые я хочу задать. Она может идти.

— Закончили, рабыня, — его руки помогают ей подняться, и она снова исчезает в кухне. Разъяренный, я обращаю свое внимание к нему.

— Она не должна больше быть расстроенной. Скажи мне. Ты трахаешь Диану или нет?

Джейми допивает свой стакан виски.

— Пока нет, но если ты ее не хочешь, то я по-прежнему хочу.

Рычание угрожает вырваться из моего горла, когда я отрицательно качаю головой.

— Ты ее не получишь. Не таким образом.

— Даже если она захочет, да?

Диана вытаскивает тарелки, когда я смотрю на нее.

— Она это сказала?

— Пока нет, но я легко могу претворить свои намерения в жизнь. Я знаю, что ты, предположительно, любишь ее, но не вижу для вас другого выхода. Ты упомянул какой-то план. Возможно, мы могли бы поговорить об этом. Если ты не готов или передумал, то я буду безумно счастлив освободить от нее твои руки и позволить тебе двигаться дальше с будущими рабами.

Закрываю глаза, а в это время жадность и самоотверженность сражаются друг с другом. Они воюют, подкидывая моменты сомнений и коротких размышлений. Жадность побеждает.

— Нет. Я не позволю тебе заполучить ее. Никогда. Позже мы поговорим об этом.

Вижу, как светятся его глаза, но не понимаю почему. Может потому, что я сказал ему "нет" или из-за того, что мы обсуждаем. Ненавижу то, что он кажется другим. Что-то не так.

Джейми отталкивается от кресла, направляясь обратно к графину через всю комнату.

Делаю большой глоток, наблюдая за ним. Это так не похоже на него, двигаться по наклонной точно зная, что я не одобряю его действия. Он заходит слишком далеко в желании обладать своей собственной рабыней и это после того, как я угрожал его гребаной жизни... о чем, черт возьми, он думает?

— Почти готово, Господин.

Оба: Джейми и я поворачиваемся к ней. Диана ставит на стол корзинку, в которой лежат кусочки хлеба. Это выглядит и пахнет замечательно, идеально сочетаясь со спагетти, которые она приготовила. Бл*дь, почему я никогда не позволял ей готовить для меня? Я даже не спросил, нравится ли ей это и хочет ли она. Кажется, что она наслаждалась процессом, особенно если учесть, что последние несколько часов она провела у плиты словно рабыня. Есть что-то еще, чего я о ней не знаю?

— Диана, какое у тебя любимое блюдо?

Она замирает, рассматривая деревянную ложку. Девушка опускает ее к бедру и начинает обдумывать ответ, а я смотрю на ее обнаженные ноги. От вида синяков мои глаза округляются. Я был настолько занят, рассматривая ее лицо, что даже не заметил их, когда она сидела у Джейми на коленях. И хотя я много раз оставлял на ней метки, когда она была моей, сама мысль — видеть "работу", к которой приложил руку другой мужчина, тем более, что она выглядит как моя, посылает по мне волну смутения снова и снова. Я должен остановить это.

— Что же, я не уверена, что у меня есть любимое блюдо. Возможно, что-то из итальянской кухни, паста, например. Раньше я использовала собственные рецепты.

— Можешь поверить, она сделала хлеб из ничего, — приближаясь, говорит Джейми. — Отличный повар.

— Из ничего? Вау, — я еще столького о ней не знаю, а мне хочется знать все. — Ты танцуешь?

Она оборачивается к нам с улыбкой.

— Я бы хотела. К сожалению, у меня обе ноги левые. Могу сделать что-то простое, но у меня нет никакого опыта.

Я открываю рот и тут же его закрываю. Мне приходится посещать много светских мероприятий, где нужно танцевать. Я мог бы научить ее... очаровать своим мастерством. Если только...

— Какой позор, рабыня. Мы поработаем над этим, — Джейми ставит графин на стол, пододвигая его ко мне. Он или слишком умен, пытаюсь ослабить мой контроль, или слишком туп, чтобы напоить меня в стельку. В таком случае я перестану быть хорошим человеком.

Слышится звон тарелок, и я хочу встать. Нужно предложить помощь, чтобы приблизиться к ней. Но голос Джейми отвлекает меня от Дианы.

— Мне нужно поговорить с тобой о продлении моего отпуска до тех пор, пока Диана не уедет. Я без проблем могу работать отсюда, но на встречах меня не будет, — он смеется. — Если ты не захочешь приехать и сыграть роль няньки вместо меня.

— Что же...

Звон битого стекла заставляет нас обоих обернуться.

— Дерьмо, прости, Господин, — Диана приседает, собирая осколки.

У меня перехватывает дыхание от вида ее обнаженной киски. Я подсказываю на ноги, словно хищник, глядя только на то, что принадлежит мне.

— Ох, — она одергивает руку, и я понимаю, что произошло. От созерцания крови,

покрывающей ее ладонь, мой мозг сопротивляется фантазиям, как я режу Диану, размазывая красную влагу по коже, в то время как поддразниваю ее. Другая же часть меня приказывает покончить с этим и удостовериться, что с ней все в порядке.

— Позволь мне взглянуть, — говорю я, приближаясь. Джейми оказывается рядом со мной быстрее, чем я думаю.

— Разожми руку, — его тон такой же низкий, как и мой.

Она тяжело выдыхает, но повинуется.

— Дерьмо, порез очень глубокий. У меня здесь нет аптечки, — Джейми поднимается и хватает несколько бумажных полотенец. — Прижми посильнее, а я сбегаю и узнаю, есть ли что-то полезное на стойке у консьержа.

Он идет к двери и через несколько секунд исчезает. Кровь течет непрерывным потоком, расплзаясь пятном на полотенце. Я очарован этим зрелищем.

— Рана неглубокая. Ее не придется зашивать.

— Диана, — я с трудом сглатываю, борясь с желанием опрокинуть ее на стол, притянуть к себе за бедра и трахать, как и в каждой моей темной фантазии, в которой существует только она.

— Да, Севастьян?

Поток темно-красных капель скользящих по коже замедляется. Я убираю свой палец от пореза, размазывая кровь по ее ладони. У Дианы перехватывает дыхание, и ее взгляд поднимается, встречаясь с моим. В нем столько эмоций, что я подхожу ближе. Девушка тут же делает шаг в сторону, поворачиваясь ко мне спиной. Что-то в ее отказе заставляет меня дернуться вперед. Я разворачиваю Диану, хватая за волосы, и толкаюсь в нее грудью, прижимая к задней стенке. Меня встречают мягкие изгибы, когда я вдавливаю ее в свое тело.

— Без трусиков? Кому ты пыталась отправить сообщение, Диана? Мне или ему? — я прижимаюсь членом к ее заднице, разрывая платье до бедер. В тот момент, когда мои пальцы проникают в гладкую, влажную щель, я впиваюсь зубами в ее плечо. Она стонет, когда я дважды толкаюсь в ее киску и еще крепче сжимаю кожу зубами. — Я предполагал, что ты уже горячая и влажная, именно так, как мне нравится, — прижимаю ладонь к клитору, и она кричит так громко, что это пробивается через туман животной похоти, в котором я прибываю. Но я не останавливаюсь. Не могу. Ее запах... руками удерживаю девушку еще крепче. Я хочу никогда не отпускать ее. Если бы я только мог сказать ей то, что действительно хочу. То, что люблю ее всей душой. — Я бы умер за возможность трахнуть тебя, рабыня. Я так по тебе скучал, — я зарываюсь лицом в ее шею, и посасываю кожу так сильно, что чувствую металлический привкус крови, который так много говорит мне. Черт возьми, ей нравятся мои метки. Быстро толкаюсь в нее пальцами и начинаю проникать ими так чертовски глубоко, что издаваемые ею звуки становятся только громче и протяжнее. Довести ее до состояния, когда она впивается в стенку ногтями, не занимает много времени. Капает кровь, и я шепчу проклятия.

— Ох... бл*дь. Ты должен остановиться. Ты должен... — она извивается всем телом, когда сквозь нее проходят спазмы оргазма. Я рад, что у меня простые брюки, которые позволяют мне трахнуть ее, лишь расстегнув ширинку. Улыбаюсь, отступая назад. Засовываю пальцы в рот и постанываю от ее вкуса, облизывая их.

— Если ты настаиваешь, чтобы я остановился, — поднимаю руки вверх, будто сдаюсь и отступаю назад, — то я так и сделаю.

На ее щеках румянец. *Восхитительная*. Да, это именно то слово, которое приходит мне

на ум, когда я смотрю на ее прекрасное лицо. Она быстро одергивает платье и хватается губку. Диана начинает отмывать кровавые пятна.

— Я поверить не могу, что ты сделал это. Ты больше не мой хозяин. Ты не можешь просто прийти и... сотворить подобное, — возмущается она.

Я смотрю на нее слегка свирепо, скрещивая руки.

— Тебе не понравилось это?

— Невероятно, — фыркает она. — Это не относится к делу. Не делай так больше. Ты не имеешь права, не после того, как повернулся ко мне спиной.

Прячу взгляд, ощущая себя полным мудаком из-за чувства вины. Я не хочу ничего больше, чем сказать ей обратное. Хочу потребовать, чтобы она подняла свою задницу и шла к двери, потому что мы едем домой, но я знаю правду. Неподходящее время. Это должно закончиться и лучше, если это произойдет сегодня. Я совершил поступок, противоречащий моему плану. Все изменится, когда мы будем готовы.

Ее лицо омрачено печалью, и я отхожу еще дальше, не в состоянии отвести от нее глаз.

— Мне очень жаль. Ты права. Этого больше не повторится.

— Я же говорил, что это сюрприз. Что скажешь? Подходит?

Я поворачиваюсь по кругу, с улыбкой осматривая гостиную, обставленную мебелью. Останавливая свой взгляд на Джейми, я подхожу и опускаюсь на колени у его ног. Это в последний раз. Технически, я свободна уже больше недели, но сегодня мне захотелось сделать это из уважения.

— Большое тебе спасибо. За все.

— Не нужно благодарить *меня*. Я всего лишь передаю тебе ключ. Это подарок от Господина. Он просил передать, что поздравляет тебя с окончанием курсов по повышению квалификации и желает тебе всего самого лучшего в твоей новой жизни. Плюс, нас с тобой связывают несколько историй. Мы можем навещать друг друга в любое время.

Улыбка сползает с моего лица, и я начинаю подниматься.

— Господин? Я не могу принять это, — тихо говорю я. — Я...

— *Будем считать*, — говорит он, перебивая меня. — Это не тот подарок, который ты можешь вернуть. Это твое. Кроме того, он хочет видеть тебя счастливой после всего, что случилось. Это его способ извиниться.

Хочу сказать, что мне не нужна квартира. Мне нужен... *он*.

— Я позвоню и поблагодарю его лично.

— Хорошая девочка. Сделай это. Ему будет приятно услышать это от тебя. Он постоянно о тебе спрашивает, даже если отказывается переступить порог моего дома.

Закрываю глаза, а в памяти всплывает последний раз, когда я его видела. Воспоминания возвращаются обратно и неважно, как сильно я пытаюсь их оттолкнуть, они просто приходят. Он сказал, что никогда больше не прикоснется ко мне, и не солгал. После того, как Джейми вернулся и увидел отметину на моей шее в виде небольших следов от зубов, я боялась того, что произойдет дальше. Зря. Господин единственный, кто все контролировал, независимо от того, в чьем доме я жила. Джейми знал это. Он стоял тихо, пока перевязывал мою руку, и ни один из мужчин не произнес ни слова. Ужин прошел спокойно, а потом меня отправили спать. Когда я проснулась, Севастьяна уже не было.

— Он не хочет быть рядом со мной. Вот почему он держится в стороне.

Джейми хватает меня за запястье, когда я начинаю отворачиваться.

— Он любит тебя, Диана. Однажды ты это увидишь.

Я качаю головой.

— Да, у него есть ко мне чувства. Но любовь... нет. Когда ты любишь кого-то, ты ни чему не позволишь разлучить вас. Он даже не попытался что-то сделать. Ни тогда, когда я уходила, ни даже сейчас.

— Ты не знаешь, через что он прошел и сколько людей от него зависит. Когда ты ушла, он взял нового раба. Мужчину, ему около пятидесяти. Чувак просто появился у его двери с пистолетом в руке. Господин никогда ни от кого не отказывается, если может помочь. Он полон решимости искупить свое прошлое, в котором не увидел явных признаков склонного к суициду человека. Это чувство вины уничтожает его с каждым рабом, которого он пытается

спасти. Не вини Господина за то, что он делает. Просто поддержи его. Поддержи *его*. Ему это нужно, Диана. У него никого нет. Действительно, никого.

Я поднимаю руки и убираю волосы с лица. У меня болит сердце за Севастьяна и не только из-за того, что я очень скучаю по нему. Он через многое прошел, но продолжает проживать тот момент день за днем. Он никогда не исцелится, если и дальше будет держаться курса "Господин и раб". Должен быть другой способ помочь не только ему, но и остальным.

— Кроме того, — продолжает он, — это действует в обоих направлениях. Говоришь, что он не боролся, но что сделала ты?

Во мне просыпается защитная реакция, когда Джейми впивается в меня темным взглядом.

— Я сказала ему, чего хочу.

— Но боролась ли ты?

Нет, в принципе я сказала ему оставить меня в покое, потому что знала, что независимо от моих желаний, он уйдет.

Я отступаю назад, направляясь к большому окну.

— Нет. Я предполагаю, что нет.

Изменилось бы что-нибудь от этого? Я так не думаю. Господин решил все по-своему. Он посчитал, что другого выбора нет. На меня обрушиваются миллионы вопросов, которые проходят сквозь меня, пока я смотрю на огни города.

— Ты сказал, что у него новый раб?

Шаги эхом раздаются позади меня.

— Да, но это ненадолго. Я думаю, что чувак приходит в себя. Прошло почти четыре недели. Почему ты спросила?

Я разворачиваюсь, крепко сжимая ладони в кулаки.

— Ради поддержания разговора. Я не собираюсь заставлять его выбирать, Джейми. Если Господин передумает, то он знает, где меня найти. Откровенно говоря, я не осуждаю его за этот выбор. У меня было много времени обо всем подумать, и если бы он не помогал этим людям, то они вероятно уже были бы мертвы. Он нужен им. Я хочу увидеть его и вернуться туда, где остались наши чувства друг к другу. Может быть, это помогло бы. А возможно, он все еще считает, что нам не суждено быть вместе. Ты говоришь, что он спрашивал обо мне, но так делают друзья. Сделать следующий шаг — это совсем другое, а он даже отдаленно не готов к этому. И я не думаю, что когда-нибудь будет. Черт, я даже не уверена, смогу ли сама. Наверное, это к лучшему, что все сложилось именно так.

— Что же, время покажет. Я позвоню ему и предупрежу, что ты хочешь встретиться в ближайшее время, чтобы поблагодарить его за это место.

— Звучит неплохо.

Он кивает.

— Ладно, в таком случае... Я живу этажом выше. Твои вещи уже в шкафу. В холодильнике есть еда, — он притягивает меня в свои объятия, заставляя врасплох. — Теперь ты знаешь, где меня найти, если что-то понадобится.

— Я знаю. Спасибо тебе.

— Не за что, — он подмигивает, направляясь к двери. Я впервые замечаю черную коробочку, которую он установил и подхожу к ней. — Я установил ее для твоей безопасности. Можешь отключить, если захочешь. Инструкция на дверце.

Я улыбаюсь, хотя сердце сжимается от вида точно такой же сигнализации, как у Джейми и Господина.

— Доброй ночи, Диана.

Машу рукой, все еще не в состоянии побороть странное чувство.

— Доброй ночи, Джейми, — через секунду после того, как закрывается дверь, слышится щелчок замка. Он раздаётся в тишине комнаты громким эхо. Медленно шагаю вперед, и открываю дверцу, за которой спрятана клавиатура. *Пусто*. Я распахиваю глаза, и прежде чем успеваю повернуться, мой рот закрывают рукой, а второй хватают за горло. Меня тащат в сторону прихожей, и я едва достаю ногами до пола.

— Ты не уверена, что сможешь сделать следующий шаг, да? — голос Господина посылает сквозь меня острые ощущения. — Думаю, что просто вынужден убедить тебя единственным способом, на который ты, кажется, реагируешь.

Господин убирает руку от моего рта, и ткань декольте начинает трещать. Тусклый свет от одинокой свечи подсказывает мне, что мы находимся в спальне. Я мельком различаю темные очертания мебели, когда меня резко разворачивают и бросают спиной на кровать. Защищаясь, я выставляю вперед руки, когда он набрасывается на меня. Севастьян прижимает руку к верхней части моей груди, вжимая меня в матрас. Щелчок открывающегося лезвия ножа, заставляет меня замереть.

— Ты скучала по мне, рабыня?

Мужчина дергает полы рубашки вверх, и мое дыхание превращается в мелкие вздохи, пока я жду того, что случится дальше.

— Отвечай мне, — рывкает он. — Ты скучала по мне?

— Ты же знаешь, что скучала, — я не могу скрыть в своем голосе тоску и боль. Он причинил мне боль, оттолкнув меня, и я не уверена, что готова простить ему это.

Кончик лезвия скользит вокруг моего пупка, поднимаясь выше. Меня трясет по нескольким причинам: страсть, азарт, злость, и даже страх.

— Мне придется учить тебя заново? Мне кажется, что кто-то забыл, как надо вести себя с Господином. Позволь мне освежить твою память. Когда я задаю тебе вопрос, то ты сразу отвечаешь, иначе... — нож доходит до тонкой перемычки между чашечек бюстгалтера и лезвие плашмя, скользит под нее.

— Господин, — мягко произношу я. — Но...

Его рука закрывает мой рот так быстро, что я не успеваю произнести что-либо еще. Нож натягивает материал, и моя грудь вырывается на свободу. У него не занимает много времени, чтобы изрезать рубашку и оставить меня топлес.

— Никаких "но", рабыня. Я — *твой* Господин. Я был им с того момента, как ты переступила порог моего дома, и всегда буду. Ты готова. Мы оба, больше не станем бежать от правды.

Он наклоняется, сильнее вжимая меня в матрас, и отбрасывает нож. Я округляю глаза, когда вижу в его руках моток скотча. Господин отматывает от катушки длинную ленту, сжимает в зубах ее край, пока тянет дальше и отрывает кусок.

— Прямо сейчас тебе нельзя говорить. Если ты не готова сказать, что любишь меня и хочешь быть со мной, лента останется на месте. Только когда ты сделаешь тот выбор, который я хочу, чтобы ты сделала, я позволю тебе снять ее. У меня есть все время в мире, — рукой он расстегивает кнопку на моих джинсах, приклеивая ленту к моим губам. — Ох, рабыня, и не стесняйся, ты можешь начать сопротивляться мне в любое время.

Благодаря его словам шок от происходящего рассеивается. Я знаю, что люблю его, но также мне нужно выпустить тот гнев, который сидит внутри меня. Это нужно сделать. Я твердо уверена в намерении дать ему лучший бой в своей жизни, чтобы начать все сначала.

Извиваясь, я пытаюсь подтянуть ноги к животу, чтобы оттолкнуть его, но он уже разместился между моих ног, делая эту задачу невыполнимой. Я дергаю плечами и раскачиваюсь туда-сюда, пытаюсь отпихнуть его руки.

— Это моя девочка. Я знал, что тебе понравится. Давай посмотрим, насколько ты на самом деле соскучилась по своему Господину, — он хватается меня за лодыжки и поднимает вверх. Со знанием дела, что очень меня впечатляет, он успевает снять мою обувь и освободить меня от джинсов, раздевая до трусиков. Я использую его положение и откатываюсь в сторону. Но прежде, чем я успеваю слезть с широкого матраса, он прижимается к моей спине.

— Не сбегай от меня, детка. Я не позволю тебе. Отныне, здесь только ты и я.

Он с силой сжимает руками мою грудь, прижимаясь своим торсом к спине.

— Боже, ты не поверишь, как я по тебе скучал. Просто обнимать тебя, это уже ощущается, как самая лучшая в мире вещь, — он сжимает меня в объятиях до тех пор, пока я не начинаю пищать. Приглушенный лентой звук, является моим единственным ответом. — Знаешь, я размышлял, куда это приведет нас. Каждый раз, когда я позволял своему воображению разыграться в голове, оно никогда не могло пройти мимо тебя. Думаю, пришло время доказать, что неважно, чем мы занимаемся в жизни, главное — что ты и я вместе. Как думаешь, ты смогла бы стать счастливой, посвятив себя мне, рабыня?

Он поднимается и переворачивает меня. Поскольку вес его тела прижимает мое собственное, то он смещается, стягивая с себя черную рубашку с длинными рукавами.

— Кивни в ответ. Будешь ли ты счастлива со мной?

Однако я сопротивляюсь, дергаясь и извиваясь. У меня все еще столько вопросов, поэтому я не планирую что-либо говорить ему, пока не получу свои ответы. Я продвинулась очень далеко с тех пор, как он выгнал меня. На что будет похоже возвращение под его контроль? Это будет так же, как было прежде? Или мы будем работать над стилем жизни, чтобы вписаться в окружающую среду и любить друг друга?

— Я знал, что это будет не просто, — кряхтит он, хватая запястья и прижимая их своими руками над моей головой. Я шевелюсь, и смотрю вверх как раз вовремя, чтобы увидеть, как он поднимает манжеты, лежащие на подушке. Они вмонтированы в кровать, как те, что находятся в его доме. Паника и предвкушение вспыхивают от всплеска адреналина. Я отдергиваю руку, вырывая из захвата на короткое мгновение, прежде чем он перехватывает ее другой рукой и ему удается меня пристегнуть. Через несколько секунд, вторая моя рука, так же оказывается в плену. Из него вырывается стон, он больше не в состоянии сдерживаться. Я вытягиваю руки, и легкое напряжение в мышцах еще сильнее подтверждает реальность происходящего.

— Красивые трусики. Я забыл твою любовь к таким вещам. Их купила ты, или для тебя это сделал Джейми? — его палец движется вдоль кружев к ластовице, проскальзывая под нее, дразня моих бабочек. — Кивни, если это была ты.

Повинуясь и киваю, как бы говоря ему, что их купила я.

Он сдвигает шелк, прилегающий к моему телу дальше, пока он не соскальзывает в сторону и срывает ткань. От силы, с которой с меня сдергивают материал, мои бедра начинают пылать.

Я думаю, что Господин проделает то же самое с другой стороны, но он удивляет меня, попросту стягивая их по моей ноге.

— Ты знаешь, что это мое, не так ли?

Он пытается шире раздвинуть мои ноги. Меня охватывает острая боль от его шлепков по внутренней стороне бедра, за которыми следуют еще три, но я продолжаю сопротивляться. Когда же он не получает желаемого, Севастьян поднимает мои ноги почти прижимая к лицу и на меня обрушивается град ударов.

— Что же, я *не дождался* ответа. Скажи мне, рабыня, — он освобождает меня от захвата, и раздвигает в стороны колени.

— Сейчас же отвечай. Чья это киска?

Контраст его дыхания и моего пылающего лона, затягивает меня в водоворот возбуждения рядом с ним. Я все отдам, чтобы он вошел в меня. Кивая, я подтверждаю его слова.

— Да, — низко стонет он. — Эта сладкая киска принадлежит мне.

Его язык проходится вдоль моей щели до самого клитора. Из меня вырываются рыдания, поскольку я чувствую, что подчиняюсь. Я хочу его больше, чем кого-либо другого. Однако вопросы пересиливают, и я вяло качаю головой. Беспокойство вспыхивает на его лице. Он всасывает мой клитор, приподнимая руку, чтобы оторвать ленту.

— Я собираюсь задать тебе вопрос. Ответишь неправильно, и я приклею ее обратно. Кивни, если поняла.

Беспокоясь, я поспешно киваю.

— Хорошо, — он щелкает языком по чувственному бутону, и я ахаю, вцепляясь в ремни, которые удерживают меня на месте. — Вопрос простой. Ты любишь меня?

Эмоции в чистом виде. В словах Севастьяна. Господин притаился в глубине его глаз, прячась в тени, в ожидании услышать от меня неправильный ответ. Я знаю, что с моей стороны очень глупо думать о них, как о двух разных людях, но я не могу смотреть на него и видеть одного и того же человека. Я все еще пытаюсь понять, кто он. Пока мы были в разлуке, я провела свои собственные исследования личности Севастьяна Тайлера. Газеты трубят о его щедрости. Он выглядит совершенным человеком в глазах общества. Это его секрет, бросающий тень на его истинную личность. Тот *его секрет*, который я люблю.

— Я действительно... люблю тебя.

— Достаточно, чтобы захотеть провести свою жизнь в качестве моей рабыни?

Прикосновение к киске на мгновение заставляет забыть меня о вопросе, который я хочу задать.

— Я ничего не хочу, но есть некоторые вещи, которые мне нужно знать.

Он проталкивается внутрь, и я приподнимаю голову еще выше, чтобы посмотреть, как Господин трахает меня кончиком языка.

— А как же остальные рабы? Мы же знаем, что это не сработает.

Он увеличивает скорость, и я стону, желая пошевелить бедрами, чтобы заставить его двигаться быстрее. Севастьян не дает мне времени на размышления, когда на миг отрывается от меня.

— Я позабочусь об этом.

Когда он возвращается к поддразниваниям, я начинаю извиваться, пытаюсь его остановить. Это слишком важная тема, чтобы принять его короткий ответ.

— Господин, пожалуйста, скажи мне. Мы не сможем двигаться дальше, пока я не

узнаю. Мне кажется, что я уже и так ждала слишком долго. Я больше так не могу.

Мои мольбы заставляют его приподнять голову, и черты его лица становятся мягче. Он ползет вверх и накрывает мое тело своим.

— Я больше не буду чьим-то Господином, только твоим. Я отказался от своего дома, мне найдена замена. У них будет новый Господин.

— Но кто?

Его губы мягко прижимаются к моим.

— А ты, как думаешь?

Мой мозг перебирает список людей, которых я знаю, и только один вариант кажется возможным.

— Джейми.

Севастьян кивает.

— Он хорош. Лучше, чем я думал. Когда он предложил это, я не мог согласиться, пока не увидел его в действии. Он готов.

— Но он сказал... — мне хочется застонать от отчаяния. Этот мужчина обманул меня больше раз, чем кто-либо из знакомых мне людей. Первый раз, когда он сказал, что я смогу уйти от Господина, если передумаю умирать. Теперь сегодня, когда сказал, что живет наверху, и мы будем видеться, когда захотим. Также о новом рабе Севастьяна и сигнализации. Возможно, он станет хорошим Господином. Черт, в конце концов, он обучал меня. И он хитрый, как черт. Садист. Да, он преуспеет в роли Господина.

— Ты уверен, что справишься с этим, правда? Я знаю, как сильно ты нуждаешься в рабах.

Он крепко меня целует.

— Ты единственная, кто мне нужен, и в ком я нуждаюсь. Я люблю тебя, Диана. Мне кажется, что я полюбил тебя с первого взгляда. Именно это стало причиной, по которой мне было так сложно. Ты нужна мне сильной. Чтобы расцвести, как новая личность, которую я создал. Ты сделала это и дала понять, что выбираешь жизнь, — он нахмуривается и на его лице появляется страдальческое выражение. — Теперь, все что мне нужно — это чтобы ты выбрала меня.

Все эти уроки, все страдания и жестокие наказания, через которые он провел меня. Все сводится к тому: кто я сейчас и в кого он меня превратил. Время замедляется, пока я смотрю на него и обдумываю, как далеко продвинулась с того момента, как мы впервые встретились. Мало того, что он забрал меня от смерти и привил желание жить, но еще и отказался от своего привычного уклада жизни ради *меня*. Неужели действительно существует повод, чтобы заставить его ждать моего ответа? Я так не думаю. Нет никого другого, с кем бы я хотела быть.

— Я выбираю тебя, Господин. Это все, что я хотела месяцами и хочу сейчас. Твое решение передать меня Джейми... почти убило меня. Ведь все, что я хотела — быть твоей.

— Услышать это от тебя...

Его пенис скользит по моей щели, и я стону, встречая его язык, который проскальзывает между моих губ. Медленное скольжение его члена, за несколько секунд превращает наш поцелуй из нежного в страстный.

— Сейчас я собираюсь заняться с тобой любовью, — шепчет он. — *Мой* выбор, — Севастьян хватается меня за колено, вытягивая ногу рядом со своим бедром. Пальцами он сжимает волосы на моем затылке, и я постанываю напротив его губ, когда он откидывает

мою голову назад.

— Я могу называть тебя Севастьяном?

Укус на стыке шеи и плеча заставляет меня застонать.

— Я стану твоим Севастьяном, чтобы закрепить нашу связь, рабыня. Нам нужно многое узнать друг о друге, но учитывая нашу историю, я всегда буду твоим Господином, — его рука скользит вниз по моей заднице, притягивая меня ближе, когда он сдвигает свои бедра, двигаясь вдоль моей киски еще интенсивнее. — Теперь обратись ко мне правильно. Скажи, кого ты выбрала.

Дыхание задевает щеку, когда он начинает прокладывать дорожку из поцелуев по щеке.

— Тебя, Господин, — закрываю глаза, когда он спускается вниз по моей шее, всасывая и покусывая чувствительную кожу. Матрас прогибается, он размазывает рукой влагу по моим складочкам и попке. Я ахаю, выгибаясь, когда один из его пальцев глубоко проталкивается в мое запретное отверстие. Медленный, устойчивый ритм ускоряется, когда он добавляет еще один палец.

— Ты правильно понимаешь, я действительно собираюсь показать тебе новый формат наших отношений. Надеюсь, тебе понравится это так же сильно, как и остальное.

Его пальцы исчезают, а комнату заполняет звук расстегивающегося ремня. От нетерпения, во мне зарождается желание пошевелиться, когда он встает на колени позади меня.

— Потому, что ты настаивала, — заявляет он, вытаскивая презерватив из кармана, — я решил взять это. Хотя, должен признать, рабыня, что это действительно лишнее.

Мой взгляд скользит по блестящей обертке. Я знаю, что не хочу иметь детей в ближайшем будущем, если вообще захочу, когда-нибудь.

— Когда ты в последний раз проверялся, чтобы убедиться, что ты не можешь иметь детей?

Он расстегивает штаны и спускает их по ногам.

— На прошлой неделе. Я должен был убедиться, прежде чем вернуться к тебе. Ты не должна волноваться, но если это тебя успокоит, то я не возражаю.

Доверие.

Я медленно качаю головой.

— Если ты говоришь, что все в порядке, то я верю тебе. Мне просто нужно было знать наверняка.

— Тебе никогда не придется беспокоиться насчет меня, будто я что-то скрываю или лгу тебе, Диана. Я никогда не стану. То же самое касается тебя. Теперь мы вместе. Честные, как никогда. Договорились?

— Договорились, — повторяю я.

Улыбаясь, я прижимаюсь к губам Господина, и он прижимается ко мне своим обнаженным телом.

— Ничто не мешает нам быть счастливыми, — он отбрасывает в сторону презерватив. — Видишь, малышка. С этого дня наша жизнь будет такой, какую мы хотели. Боль будет, — он расцветает, — но только, если она будет граничить с удовольствием.

— Это мне нравится.

— Да? Тогда чего же мы ждем? Не пора ли нам опробовать твою новую комнату?

Я пристегиваю Диану одной манжетой и перехожу к другой, приковывая девушку к скамейке, не сильно отличающейся от той, которая была, когда я вырезал свое имя на ее животе. Закругленная спинка позволяет ей прогнуться в спине, когда она становится на колени на мягкую кожаную обивку скамьи. Ее руки закреплены ремнями. Я знаю, что у меня есть полный доступ, чтобы делать с ней все, что мне захочется.

Всего несколько секунд я поглаживаю руками ее голую спину, прежде чем отступаю на шаг, пуская в ход плеть. Не сильно, но достаточно, чтобы заставить ее резко втянуть воздух.

— Видишь, рабыня, наши отношения не такие, как у других пар. Мы можем трахаться, заниматься любовью, я могу использовать тебя для своего удовольствия, причинять боль, но обещаю, что к тому времени, когда мы закончим... мы оба получим столько же удовольствия от нее, как кто-то от ванильных отношений. Знаешь, почему?

Темные волосы падают на ее лицо, когда она приподнимает голову.

— Потому что это то, что нам нравится?

— Что же, да, в основном поэтому. Ты — моя рабыня, и живешь, чтобы доставлять мне удовольствие. Как твой Господин, могу сказать, что для меня это самое важное. Ты — мой главный приоритет. Моя самая главная ценность. Правила существуют не только для моего удовольствия, но и для твоего благополучия. Сначала они тебе не нравились, но ты начала их понимать. Когда мы над этим работаем, то становимся сильнее, так же как наши любовь и страсть, — я позволяю кончику плети снова обрушиться на ее спину, но в этот раз удар становится сильнее. — Тот факт, что ты больше не одержима желанием умереть, не означает, что что-то изменилось с того времени, когда мы только встретились. Ты же понимаешь это. Да?

С ее губ срывается крик, когда я опускаю плеть на ее задницу.

— Да, Господин.

— Но тебе нравится, как я к тебе отношусь. Не спорь, — это не вопрос, но я жду ответа.

— Да, — за моим ударом следует очередной всхлип. Я подхожу и скольжу кончиками пальцев по отметинам, покрывающим ее спину и задницу. Кожа в этих местах теплая и я наклоняюсь, чтобы прижаться губами к ее плоти, уделяя внимание каждой метке. Я опускаюсь к ее щели и вижу, что киска Диана блестит от покрывающих ее соков.

— Сегодня мы собираемся попробовать кое-что новое, — поддразнивая, я потираю большим пальцем ее клитор, прежде чем отстраняюсь и подхожу к комоду. Пока меня нет, она не двигается и ничего не говорит. Джейми хорошо выполнил свою работу и научил ее держать себя в руках.

Я беру фаллоимитатор и подхожу ближе, останавливаясь у островка между ее ног.

— Встань и широко раздвинь ноги. Голову не поднимай.

Диана повинуется, спускает ноги со скамейки и наклоняется над ней. Ладонями я нажимаю на ее поясницу, чтобы она выгнулась так, как нужно мне. Я потираю кончиком искусственного пениса около входа, размазывая влагу и позволяя ему плавно скользить по клитору и обратно. Я нежно погружаю всю его длину в нее, наблюдая, как киска обхватывает

эту толщину. Миллиметр за миллиметром ее рот приоткрывается, и она закусывает губу, издавая тихие звуки.

— Тебе нравится, детка? — я отстраняюсь, глубже толкаясь в нее игрушкой (*прим. пер. — имеется в виду игрушка для сексуальных утех*). Она стонет и кивает.

— Боже, да.

Я шлепаю ее по заднице, сжимая и разводя половинки в стороны, чтобы было лучше видно процесс.

— Я хочу дать тебе больше, но ты должна умолять меня об этом. — С каждым толчком я погружаю его еще глубже, наблюдая, как она растягивается, и умираю от желания быстрее оказаться внутри нее. Звуки, которые наполняют комнату, заставляют бежать мою кровь еще быстрее. Влажность. Стоны. Мольбы о моем члене в футе от ее киски. Бл*дь, я тону в этом моменте, и мне все мало.

— Пожалуйста, Господин. Дай мне еще больше. Я хочу все это.

Головка искусственного пениса снова скользит в нее, и я наклоняюсь вперед, вколачиваясь им не в полную силу.

— Пожалуйста, — всхлипывает она, извиваясь.

— Сейчас, сейчас, рабыня, — мои пальцы скользят в ее попку, и она замирает, вцепляясь в резную спинку скамейки так, что белеют костяшки пальцев.

— Я умоляю тебя. Мне нужен... ты! Пожалуйста, — слова выходят прерывистыми звуками из-за ее рыданий. Улыбка скрывается в уголках моих губ, и я осторожно вхожу на всю длину. Диана открывает рот, и громко стонет на выдохе. — Да. О, Боже. Пожалуйста.

Я отстраняюсь и повторяю процесс, все время удерживая неторопливый темп.

— Бл*дь. Бл*дь! — темные волосы рассыпаются вокруг ее головы, когда она утыкается лицом в кожаную обивку.

— Ты не кончишь. Я знаю, что ты хочешь.

Больше рыданий.

— Я хочу *тебя*. Займись со мной любовью сейчас. Я не могу это остановить, — паника и отчаяние в ее тоне заставляют меня вытащить из ее киски игрушку. Я хлопаю пальцами по щелке. Один раз. Два. Она подпрыгивает, но все равно пытается заставить меня приблизиться, прижимаясь ко мне.

— Мне вернуться к началу? Я же сказал тебе не кончать, и ты должна слушаться меня.

— Люби меня, — шепчет она. — Пожалуйста, Господин.

Я подхожу ближе, отбрасывая фаллоимитатор. Ее кожа скользкая от пота, когда я опускаюсь своей грудью на ее спину.

— Ох, но я уже люблю тебя, — шепчу я ей на ухо. — И я собираюсь показать тебе, как сильно, — я поднимаю руки, расстегиваю манжеты, и переворачиваю ее. Просовывая руки под колени Дианы, я наваливаюсь на девушку всем весом, пока она упирается в изогнутую спинку.

Теснота окружает головку моего члена, когда я проталкиваюсь внутрь. Разница температур заставляет меня закрыть глаза. Черт, она такая горячая и влажная. Я сжимаю челюсти и опускаюсь на ее грудь, позволяя привыкнуть к моему размеру.

— Поцелуй меня, рабыня, — я осторожно наклоняюсь ниже, встречая ее язычок, когда начинаю покачиваться в устойчивом ритме, чтобы протолкнуться еще глубже.

— Я могу тебя обнять, Господин?

— Бл*дь, да. Обними меня, детка.

Я погружаюсь в ее киску, вырывая из Дианы крик, пока женские руки обвивают мою шею.

— О... дерьмо. Я скучал по ощущению быть внутри тебя. Скажи мне еще раз, чья это киска?

Я двигаюсь мучительно медленно, погружаясь внутрь ее тела.

— Это все твое. Твое, — повторяет она снова, прижимаясь своими губами к моим.

Я вцепляюсь в края скамейки, крепко сжимая кожу, и наслаждаюсь ощущениями. Любовь на максимуме. Экстаз. Она в моих руках. Ее киска, обхватывает мой член. Бл*дь, я в раю. Теперь Диана моя, навсегда. Я никогда не отпущу ее снова. В прошлый раз это практически убило меня, я не смогу пережить подобное снова. Теперь мы вместе, и мы неразделимы. Господин и рабыня, так, как это должно быть. Я едва могу поверить, что у меня получилось. Даже в самых смелых мечтах, я никогда не мог представить, что смогу найти кого-то, кто полюбит меня таким, какой я есть на самом деле. Какой я с ней. Если для меня и существует идеальная пара, то это — она.

Я отстраняюсь, глядя в ее полуприкрытые глаза. Те, что пленили меня в тот же миг, как я заглянул в эти зеленые глубины.

— Я люблю тебя. Я... — хмурю лоб. Слов не хватает. Они и близко не выразят все, что хочу, чтобы она знала.

Рука Дианы опускается на мою щеку, и она качает головой, как будто знает, насколько потрясенным я себя ощущаю. Я больше не могу говорить.

— И я люблю тебя.

Я продолжаю толкаться, погружаясь еще глубже. Если мне не удастся выразить свои чувства словами, то я чертовски уверен, что могу показать ей их своими действиями.

— Ты знаешь, как сильно? — я ускоряюсь, сжимая ее бедра еще сильнее, пока не осознаю, что у нее будут синяки.

— Покажи мне.

Руками хватаю ее за попку и поднимаю вверх, перемещая ее на кровать. Я ложусь на матрас, укладывая Диану сверху. Не задумываясь, дотягиваюсь до ножа.

— Метка за метку. Я задолжал тебе одну. Оставь свою "д" на моем плече, но не смей переставать скользить своей киской по моему члену.

— Я слишком долго этого ждала, — она тянется за ножом и открывает его одним движением руки. Слышится щелчок откидывающего лезвия, а затем оно прижимается к моей груди. Медленно, она проходится им по мне, заставляя забыть обо всем, кроме того, что она делает. Боль смешивается с удовольствием, и я закрываю глаза, купаясь в ощущениях. Что-то теплое скользит по плечу, щекоча мою кожу. Этого так много и одновременно недостаточно. Я хочу притянуть Диану ближе, и крепко сжать в своих объятиях.

Огонь подсказывает мне, что она закругляет букву, и адреналин бежит по моим венам. Я хватаю девушку за бедра, помогая ее телу скользить вдоль моего члена. Пламя не утихает, а лишь усиливает всепоглощающую жажду обладать ею.

— Почти готово, — говорит она, закусывая нижнюю губу.

Мне не нужно смотреть вниз, я и так знаю, что она превысила размер той площади, которую должна была занять метка. Черт возьми, она почти в два раза больше, но мне все равно. Я с гордостью буду носить ее след, неважно, какой он и где находится.

— Вот.

Она даже не успевает закончить, прежде чем я выхватываю нож и отбрасываю его в

сторону тумбочки. Я притягиваю ее к себе и переворачиваю, вонзаясь в тело девушки так глубоко, как только могу. Она ахает и стонет, обнимая меня сзади за шею.

— Вообще-то, мне кажется, что эта метка больше той, что я оставил на тебе, — я толкаюсь в нее снова и перехожу на медленный темп. Ее взгляд перемещается к плечу, а потом поднимается к моим глазам. Вызов очевиден.

— Ты всегда можешь наказать меня за это позже, если захочешь.

Мой рот обрушивается на ее, пока рукой я обнимаю колено Дианы, подтягивая выше.

— О, ты будешь наказана, детка, много и часто. У тебя будет долгая жизнь, наполненная возбуждением и сюрпризами. Надеюсь, ты готова.

— Долго — это ближайшие лет сорок, и я уже сказала, что готова.

Наш разговор возвращается к тому, что я спрашивал, когда держал ее, как пленницу в своем доме.

— Скажи мне. Если бы тебе пришлось выбрать прямо сейчас, что бы ты выбрала: умереть здесь, в этом доме, или уйти и быть вынужденной прожить еще сорок лет в реальном мире?

Она отвечает без колебаний.

— Я бы предпочла умереть. Независимо от того, где это произойдет. Но это в том случае, если бы у меня был выбор. Которого у меня нет.

— Разве ты не видишь ничего хорошего через сорок лет? Это почти вся твоя жизнь, плюс еще лет десять. Как можно прожить их и не захотеть узнать, что будет дальше?

Я качаю головой.

— Ох, рабыня. Я подарю тебе сорок лет, плюс еще столько, сколько смогу. Это то, что я точно могу пообещать тебе. Ты будешь любима больше, чем думаешь.

— И ты меня не бросишь? — ее глаза становятся влажными, и я вытираю одинокую слезинку, которая вытекает. Знаю, что она боится потерять того, кого смогла полюбить, но я никуда не планирую уходить, если это будет в моих силах. Я буду бороться изо всех сил, чтобы остаться. Если это случится, именно я буду ответственным за ее полное разрушение навсегда.

— Сам Дьявол не сможет забрать тебя у меня. Боюсь, ты застряла со мной до конца своих дней. Теперь продолжай целовать меня и никогда не останавливайся.

Она усмехается и поднимает лицо, чтобы встретить меня на полпути. Наши губы соединяются в чем-то большем, чем в поцелуе. Это обещание Господина любить ее вечно. Быть с ней независимо от взлетов и падений. И спасти ее, если это когда-нибудь будет необходимо. Я сделал это один раз и с удовольствием сделаю снова. Жизнь священна. Она то, чем стоит дорожить. И я готов доказывать своей рабыне, насколько ценной является ее жизнь. До конца наших дней.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net